

Патрисия Мойес
Убийство от кутюр. Кто подарил ей смерть?
М.: АСТ, 2014

Содержание:

- Патрисия Мойес. Убийство от кутюр (роман, перевод А. Скибиной), стр. 5-272
- Патрисия Мойес. Кто подарил ей смерть? (роман, перевод С. Алукард), стр. 273-603
- Патрисия Мойес. Послесловие, стр.604-606

Dr PATRICK MOYER'S МОЙЕС

Патрисия Мойес (в девичестве Патрисия Пэкенхем-Уолш) родилась в 1923 году в Дублине. В годы войны служила в Королевских ВВС, а после этого долгое время работала личным помощником знаменитого режиссера Питера Устинова.

Мойес создала яркий образ инспектора Скотленд-Ярда Генри Тиббета, вместе с которым читатель переносится из патриархальной Англии в свободную Америку, с показа высокой моды на цветочный аукцион в Голландию, с экзотических Карибских островов в живописные Альпы...

ПАТРИСИЯ МОЙЕС

Патрисия Мойес (в девичестве Патрисия Пэкенхем-Уолш) родилась в 1923 году в Дублине. В годы войны служила в Королевских ВВС, а после этого долгое время работала личным помощником знаменитого режиссера Питера Устинова.

Мойес создала яркий образ инспектора Скотленд-Ярда Генри Тиббета, вместе с которым читатель переносится из патриархальной Англии в свободную Америку, с показа высокой моды на цветочный аукцион в Голландию, с экзотических Карибских островов в живописные Альпы...

ИЗ ПИШЕВКИ ТВО
МОЙЕГ

УБИЕСТВО ОТ-КУТОР

КТО ПОДПИСА ЕЇ
СМЕРТЬ?

N
ACT
MOSCOW

Патрисия Мойес

Убийство от-кутюр

Глава 1

— Я не буду этого делать! — кричал Патрик Уолш. — Не буду! Это просто непристойно! Это чудовищно! Если вы выделите целый разворот на этот ужас, я уволюсь! Если ты хочешь, чтобы это было на весь разворот, то можешь меня расчитать, это мое последнее слово.

Он подчеркнуто неуклюже стал расхаживать по комнате, запустив пятерню в копну седых, окружавших его красное лицо волос, как потрепанная меховая шапка.

— Это новый контур и новая длина, Патрик, — твердо произнесла Марджери Френч. Она откинула вуаль своей черной соломенной шляпки и, держа глянцевое фото на вытянутой руке, изучила его еще раз, прищуриив глаза. — Я думаю, это произведет потрясающий эффект и станет основной темой статьи Хелен. Да, согласна, это не назовешь симпатичным...

— Симпатичным! — Патрик прекратил мерить шагами комнату и воздел огромные руки к небу. — Симпатичным! — взревел он еще раз. — Кто сказал, что мне нужны симпатичные картинки? Я хочу, чтобы изображение на фото имело хоть какую-то форму. Все. Неужели я многого прошу? — Неожиданно он зашептал с сильным ирландским акцентом: — Марджери, дорогая, ты красивая девочка и ты начальник, но пожалей хоть немного своего бедного старого художественного редактора. Я не могу отвести целый разворот на этот... сливовый пудинг на шпильках.

Повисло тяжелое молчание.

В соседнем кабинете Тереза Мэннерс устало улыбнулась:

— Дядюшка опять с ума сходит. С ним положительно невозможно работать. Видимо, нам придется просидеть тут всю ночь.

Она закурила и присела на край стола, болтая стройными ногами.

— Я точно просижу здесь всю ночь, — холодно ответила Хелен Пэнкгерст, — как всегда в таких ситуациях. — Я смогу приступить к своей части работы только после тебя. — Она громко высморкалась и надела огромные очки, украшенные стразами. — Освободи мой стол, Тереза. Ты сидишь на подписях к фотографиям.

Дверь, соединявшая два кабинета, открылась, и послышался сухой, лишенный эмоций голос:

— Мисс Мэннерс, не могли бы вы зайти на минутку к редактору?

— Разумеется, мисс Филд. — Тереза глубоко затанулась. — Ну что ж, в бой. — Она направилась в соседний кабинет.

— Тереза, дорогая, — Марджери Френч говорила любезно, но твердо, без малейшего напряжения, — Патрик не совсем доволен фотографиями коллекции Монье. Я хотела бы выслушать твое мнение...

Как только дверь за Терезой закрылась, Хелен Пэнкгерст посмотрела на часы. Половина одиннадцатого, и все еще ни одной готовой страницы. Внизу, на освещенной фонарями Мейфэр-стрит, швейцар ресторана «Оранжевая», прячась под огромным черным зонтом, ловил такси, человек в потрепанном коричневом пальто дрожал рядом с корзиной красных роз, таких редких в это время года. Под январским дождем дорога блестела как черный шелк.

Половина одиннадцатого. Впереди вся ночь. Свет в соседних домах был погашен, за исключением одного окна — напротив кабинета Хелен. Все остальные давно уже превратились из жилых домов в конторы, и последний секретарь, подняв воротник, чтобы защититься от дождя и зимнего ветра, ушел домой вскоре после шести. На всей улице только в высоком георгианском особняке, в котором располагалась редакция «Стиля», все еще кипела жизнь. Этой ночью должен был быть подготовлен к печати номер, посвященный парижским показам — событию, происходившему дважды в год. Сотрудники редакции до рассвета вкалывали, чтобы по всей Англии читатели могли в назначенное время насладиться фотографиями и рекомендациями, предоставленными самым авторитетным глянцевым журналом.

Читатели, о которых идет речь, были бы весьма удивлены, стань они свидетелями лихорадочной активности, поскольку до сдачи этого номера в печать еще целых три недели. Они

не могли, в отличие от Хелен, оценить усилия, вложенные в то, чтобы получить готовый шестнадцатистраничный раздел за две недели до его официального выхода. Вряд ли они могли знать, что эти великолепно напечатанные снимки, безупречные цветные вклейки и изысканные подписи «Стиля» — результат недель упорного труда. Забавно, подумала Хелен, что освещение самых важных событий в мире моды всегда оказывается результатом этих лихорадочных рабочих ночей, когда не остается времени на то, чтобы что-то исправить или просто обдумать как следует.

Только сегодня днем представители «Стиля» сидели на крошечных неудобных стульях и смотрели последний показ этого сезона. Только в шесть часов в последний раз щелкнул затвор фотоаппарата Майкла Хили, снимавшего невероятно худую Веронику Спенс, танцевавшую на верхней платформе Эйфелевой башни в державшемся в строжайшем секрете шифоновом вечернем платье от Монье. Только в девять измотанные Тереза и Майкл вышли из самолета в аэропорту Лондона в компании невозмутимой Рейчел Филд — личного секретаря главного редактора «Стиля». Только в половине одиннадцатого все еще влажные снимки Майкла попали из темной комнаты на стол художественного редактора журнала Патрика Уолша.

Сейчас половина двенадцатого, и в кабинете главного редактора, как всегда, бушуют горячие споры. Как всегда, сотрудники начинают говорить все громче и громче. Какие фотографии следует использовать и как их расположить? Что самое главное, чему следует уделить больше внимания? Какие тенденции можно считать знаковыми, а какие — не более чем мимолетными в истории моды? Кто из молодых модельеров достоин упоминания в «Стиле»? Тереза Мэннерс — очаровательная, золотоволосая и полуграмотная выпускница одной из лучших английских частных школ — знала ответ на все эти вопросы, чувствуя течение модных тенденций кончиками своих изящных пальчиков, как художник чувствует цвет, а скульптор — форму и текстуру. Тереза знала все ответы, но не могла высказать их членораздельно. Патрик Уолш знал, как оформить страницу, чтобы она произвела наибольший эффект. Марджери Френч — главный редактор — отвечала за все. Они будут спорить еще несколько часов.

Пока они спорят, Хелен остается только сидеть и ждать. Когда страницы будут готовы, она сможет приняться за подписи к фотографиям, стараясь уместиться в отведенное Патриком место, привести в читабельный вид заметки Терезы о взглядах «Стиля» на введенный Монье силуэт в форме буквы Z и на будущее неровной линии подола. Потом из скрупулезно собранной Рейчел Филд информации Хелен узнает, что ткань сделана Гаридж, Родье или на камберлендских шелковых фабриках, а данная модель появится в универмагах «Хэрродс» или «Дебенхамс» в марте, и добавит это в свои комментарии. В итоге к семи утра она должна сделать так, чтобы лихорадочная и бестолковая активность этой ночи обрела свое завершение в аккуратно напечатанных подписях к фотографиям, проверенных и перепроверенных, снабженных четкими указаниями по верстке, и макет был готов к отправке в типографию. Это была тяжелая ночь, и Хелен благодарила судьбу за то, что такое случается только дважды в год.

Она еще раз высморкалась и налила себе чаю из старого красного термоса, который всегда приносила с собой в редакцию в такие ночи. К своему раздражению, она обнаружила, что там осталось всего полчашки. Она взяла трубку внутреннего телефона и набрала номер темной комнаты.

— На проводе, — прозвучало мрачно.

— Эрни, это мисс Пэнкгерст. Немедленно иди сюда, возьми мой термос и завари мне чай. Немедленно.

— Мне надо снимок осветлить...

— Не обсуждается, — сердито сказала Хелен и с силой бросила трубку на рычаг. Она знала, что имеет репутацию фурии, но это ее не волновало. У этого были и свои преимущества. Разумеется, через пару минут Эрни забрал драгоценный сосуд в свой закуток в темной комнате, где стоял электрический чайник.

У Хелен болела голова, и она подумала, что только ей могло повезти простудиться накануне этой нервной ночи. Она чувствовала себя намного старше своих тридцати четырех лет и мечтала о возможности прилечь. Вместо этого ей пришлось довольствоваться половиной чашки чаю и приняться за расшифровку неграмотных, но содержательных записей Терезы.

«Шляпы как суповые тарелки. Оч. важно. Цвета типа боя быков. Красиво, вроде как выходной у горничной. Ладно, контур в виде пельменя сойдет, но в общем-то это старая шляпа... старое доброе платье без пояса от Баленсиага, обрезанное по подолу садовыми ножницами...»

Все это производило очень яркое впечатление, и Хелен искренне сожалела о том, что не может напечатать все так, как есть. Но разумеется, это невозможно. Она принялась переводить с языка Терезы на язык «Стиля». «Круглые шляпы, плоские, как летающие тарелки... Цвета плаща тореро и черной испанской вуали, оттененные цветом яркого золота... ослепляющее сияние для смелых женщин... новое прочтение классики... облегчающее платье-чехол в новом стиле уличной девчонки».

Она еще раз высморкалась и пожалела, что не захватила с собой аспирина. Была почти полночь.

В соседнем кабинете Тереза и Патрик стояли на коленях на темно-лиловом ковре, склонившись над разбросанными в беспорядке фотографиями и пробными верстками.

— Увеличить это! — гремел Патрик. — Увеличить и убить эту шляпу.

— Нет, — возразила Тереза. — Нет. Честно говоря, я не позволю убить шляпу.

— Девочка моя, что ты имеешь в виду?

— Это важно. — Тереза развела руками. — Без шляпы не о чем будет и говорить. В этом сезоне шляпы — самое важное.

— Ладно, — сердито ответил Патрик. — Ладно. Не будем обрезать шляпу. Пусть будет шляпа. Огромная уродливая шляпа на обе страницы. Придадим развороту немного характера. Обрежем снимок здесь.

Дверь в отдел Патрика тихо открылась, и вошел Майкл Хили. Он был невероятно высоким и худым и имел репутацию денди. Сейчас он снял пиджак, его светлые волосы были в беспорядке, а худое лицо выглядело изможденным.

Холодно и зло он сказал:

— Знаю, я всего лишь какой-то вшивый фотограф, но не хотите ли мне объяснить, какого черта вы двое делаете с этим снимком?

— Дорогой, мы хотим всего лишь слегка обрезать его, чтобы подчеркнуть шляпу.

— Смысл этой фотографии, — едко произнес Майкл, — в том, что линия платья проходит снизу вверх сквозь шляпу. Если вы хотите нарезать ее на кусочки, пожалуйста, но уберите с нее мое имя.

— Тише, Майкл. — Марджери Френч откинулась в своем крутящемся кресле за большим столом. Черная соломенная шляпа начала сдавливать ей виски, но снять ее было все равно что раздеться на людях. — Давай прямо. Тереза считает, что в этом сезоне шляпы особенно важны.

— Ну да.

— Патрик хочет отвести разворот под костюм от Диора.

— Этот чертов снимок...

— Патрик считает, что его ни в коем случае нельзя обрезать, и я с ним согласна.

— Спасибо, Марджери.

— Ладно. Тогда почему бы не отвести Диору разворот, оставить этот снимок как есть, а напротив разместить шляпу на всю страницу и пожертвовать шифоном Монье.

Повисло напряженное молчание.

— Что ты думаешь о шифоне Монье, Тереза?

Тереза заколебалась.

— Ничего особенного. Бальмен важнее. Я думаю, что можно и избавиться от него.

— Марджери, дорогая, ты гений! — Патрик встал и рявкнул. — Доналд!

Как кролик из шляпы, голова молодого человека появилась в дверном проеме.

— Забери все эти макеты и сожги их, ты, несчастный шотландец! — ревел Патрик, настроение которого заметно улучшилось. — А потом увеличь снимок «Диор», смонтируем кое-что...

Он скрылся в своем отделе. Марджери Френч улыбнулась, как юная девушка, можно было забыть, что ей почти шестьдесят и она женщина редкого ума и большого влияния в своей области.

— У нас есть десять минут, — заметила она. — Я, пожалуй, схожу в комнату отдыха и немного освежусь. Мисс Филд, позовите меня, если я кому-то понадоблюсь до того, как мистер Уолш вернется. — Она поднялась — прямая как струна, ни один стальной волосок не выбивается из

прически. — Надеюсь, ты уже отправил Эрнеста домой, Майкл. Вся работа в фотолаборатории, должно быть, уже закончена.

— Он ушел минут десять назад, Марджери.

— Хорошо. Последнее время он выглядит усталым. — Марджери снова улыбнулась, но на этот раз улыбка вышла несколько напряженной. Она покачнулась и была вынуждена опереться на стол. — Что ж, увидимся через десять минут.

Когда дверь за ее спиной закрылась, Майкл Хили произнес:

— Господи, я надеюсь, что с ней все в порядке. Я никогда бы не подумал, что...

Тереза зевнула и потянулась.

— Она тоже человек, дорогой, хотя многие считают, что это не так. Она устает, как все люди, но никогда этого не признает. В последнее время ей во многом приходится полагаться на Хелен. К сожалению.

Последовавшая за этим пауза была прервана громким стуком пишущей машинки, напомнившим Терезе и Майклу, что они не одни. Впрочем, можно понять, почему они забыли о присутствии в помещении еще одного человека. Рейчел Филд представляла собой идеал личного секретаря. Аккуратная, незаметная, пунктуальная, с тихим голосом и поразительной работоспособностью. Тереза знала, что младшие сотрудники считают мисс Филд тираном, но сама она никогда ничего подобного не замечала. Мисс Филд попросту не существовало до тех пор, пока у кого-то не находилось для нее поручения. Терезе никогда не приходило в голову, что только ее привилегированное положение в качестве редактора раздела моды защищало ее от стервозности Рейчел.

Что касается Рейчел, то она всегда смотрела на мисс Мэннерс с тщательно скрываемым неодобрением и раздражением. Мисс Френч — вот каким начальником можно гордиться — иногда, по мнению Рейчел, бывала слишком добра, но оставалась решительной, работоспособной и обладала должным уважением к папкам и каталогам. Но мисс Мэннерс... рассеянная, безответственная и испорченная — именно те эпитеты, которые Рейчел — разумеется, только наедине с собой — употребляла по отношению к ней. Если мисс Френч говорит, что у мисс Мэннерс чутье на тенденции моды, то так оно и есть. Сама она не могла понять всю суету, которую мисс Мэннерс и мистер Уолш устраивали вокруг фотографий и макетов. Послушать их, так они обсуждают что-то действительно важное. Рейчел считала, что мисс Френч слишком много им позволяет, мирясь с их бестолковостью. Подумать только, эта мисс Мэннерс и этот мистер Хили обсуждают мисс Френч за ее спиной в ее собственном кабинете... Рейчел с силой била по клавишам пишущей машинки, выражая неодобрение, которое не могла высказать вслух.

Майкл сказал:

— Ладно, если тебе нужна большая фотография этой шляпы от Полет, я сделаю еще один отпечаток. Этот слишком темный. — Он поднял фотографию с пола и изучил ее. — Господи, у этой девушки красивые кости, как у молодой Гоален¹. Я бы неплохо с ней поработал.

— Не сомневаюсь. — В голосе Терезы слышалась легкая насмешка.

— Не в том смысле, дорогая, — ответил Майкл. Он поцеловал ее в золотистую макушку и, насвистывая, вышел из кабинета.

В художественном отделе он миновал Патрика Уолша и Доналда Маккея, запутавшихся в гирляндах нарезанных копий макетов и клейкой ленты.

— Надеюсь, ребята, вы не делаете ничего неприличного, — сурово сказал он.

— Иди к чертовой матери, — отозвался Патрик.

— Я там работаю не первый год, — беззаботно заметил Майкл и исчез в мягком красном сиянии фотолаборатории — своего собственного царства. На часах была половина первого.

Марджери Френч лежала на кушетке в комнате отдыха и пыталась не чувствовать себя старой, усталой и больной. Много лет — больше, чем ей хотелось бы думать, — она наслаждалась работой до поздней ночи. Вплоть до прошлого года она могла загонять младших сотрудников так,

¹ Барбара Гоален (1921–2002) — одна из первых британских супермоделей. — *Здесь и далее примеч. переводчика*

что они валились с ног, и с безмятежной улыбкой встретить новый рабочий день. Эта усталость пугала ее больше, чем ей хотелось бы признавать.

Она была благодарна Хелен и Терезе. Бедняжка Хелен. Прекрасный ум, хорошее перо, но никакого чутья. Разумеется, нечасто чувство стиля и административные способности соединяются в одном человеке, как в случае Марджери Френч. Марджери была достаточно умна, чтобы это понимать без всякого самодовольства. Сейчас ее в первую очередь волновало, кто же станет ее наследником. Марджери обладала холодным умом и знала, что скоро ей придется уйти. Кто же займет ее место — Тереза или Хелен? Не зная деталей, можно решить, что из Терезы никогда не выйдет главного редактора. Она не умеет эффективно работать, у нее нет чувства такта, она безответственна и довольно ленива, но у нее есть качество, без которого «Стиль» не выживет, — она чувствует моду. Хелен — очевидный выбор, и совет директоров предпочел бы ее, но... Хелен не пришло бы в голову — инстинкт не подсказал бы ей, — что в этом сезоне писк моды — шляпы. Она бы сделала упор на неровную линию подола, которая, конечно, выглядит довольно эффектно, но Тереза поняла, что это всего лишь трюк, который заслуживает не больше чем упоминания и одной фотографии.

Кроме того, было еще кое-что. Марджери знала, что Хелен предана журналу и, можно не сомневаться, продолжит работать и под руководством Терезы, а Тереза, в свою очередь, достаточно ясно дала понять, что уйдет, если главным редактором сделают Хелен. Нет, придется передать бразды правления Терезе, несмотря на все ее недостатки. Марджери закрыла глаза и расслабилась, как ей советовал врач. В этот момент она поняла, что совсем близко раздастся стук пишущей машинки.

Сон тут же слетел с нее. Это не могла быть мисс Филд — ее кабинет слишком далеко отсюда. Звук доносился из соседнего кабинета. Из кабинета Олвен. Марджери раздраженно встала, надела шляпу и вышла в коридор. Да, никаких сомнений. Из-под двери кабинета Олвен виден свет. Марджери распахнула дверь и вошла.

Олвен Пайпер, редактор статей, представляла собой странное зрелище. Она сидела за столом в платье непристойно оранжевого цвета, а весьма уродливое лицо украшали большие очки в роговой оправе. Она скинула вышитые туфли, и ее ноги выглядели абсолютно неэлегантно, а рядом, на полу, так же небрежно брошенная, валялась кашемировая шаль. Олвен даже не услышала, как открылась дверь. Когда Марджери резко окликнула ее, Олвен подняла глаза, такие затуманенные, будто только что проснулась.

— Олвен! — Шляпка Марджери слегка съехала набок. — Что ты тут делаешь в такой час?

Та выглядела растерянной.

— Простите, мисс Френч, я не хотела...

— Некоторым из нас приходится быть здесь из-за парижского номера, — сказала Марджери, — но я уверена, что у тебя не столько работы, что нужно приходить в редакцию после полуночи в таком необычном виде.

Олвен покраснела.

— Нет... разумеется, нет... Я... Я просто только что с премьеры «Люцифера». Знаете, это новая пьеса в «Ройал корт».

— Я знаю, — сухо ответила Марджери.

— Это так здорово. — Олвен сняла очки. Без них она видела довольно плохо, что придавало ей очаровательный отсутствующий вид. Она уже забыла о своем смущении и вся светилась энтузиазмом. — Это большое событие для английского театра, мисс Френч. Настоящий прорыв, он ознаменует возникновение новой школы. Самая важная постановка за последние двадцать лет. Я должна была прийти и записать все, пока впечатления еще свежи.

— Ты же не думаешь, что твой материал попадет в мартовский номер, правда?

— О нет, конечно. — Олвен не дрогнула. — Но я хотела попросить у вас побольше места в апрельском. Я хочу, чтобы Майкл сделал фото Джеймса Хартли во втором акте, с этим потрясающим гримом на лице, и еще я хочу...

— Место в апрельском номере уже распределено.

— Но, мисс Френч, я говорила с Хартли после спектакля, и он обещал дать интервью о пьесе. Вы же знаете, что раньше он всегда отказывался давать какие-то комментарии по поводу своих ролей. Ежедневные газеты предлагали ему тысячи фунтов, и...

— Ты молодец, Олвен. Поздравляю тебя. — Марджери усилием воли заставила себя говорить мягко и дружелюбно. — Уверена, мы сможем найти место в апрельском номере. Но я все равно думаю, дорогая, что тебе следует пойти домой. Ты переутомишься.

— Нет, что вы. Я обожаю работать.

Марджери Френч посмотрела на юное серьезное лицо Олвен, на ее безнадежно безвкусное платье — уже испорченное чернильным пятном — и на ее квадратные ступни, освободившиеся от модных туфель. С некоторой болью она узнала в ней себя. Такой она была в двадцать два года — только окончив с отличием Кембридж, страстно погрузилась в полный вечных ценностей мир искусства... На дальней стене, в зеркале, ее собственное отражение безжалостно смеялось над ней. Седые с голубым оттенком волосы, безупречный стиль, корсет, шляпка в офисе.

— Мода — это тоже искусство, — произнесла она.

Олвен удивленно подняла глаза.

— Разумеется, мисс Френч, — вежливо сказала она.

Марджери сейчас не настолько доверяла себе, чтобы попробовать улыбнуться.

— Доброй ночи, дорогая, — попрощалась она и быстро направилась в свой собственный кабинет.

Половина второго. Напряжение исчезло, уступив место усталости. Медленно и печально доделывали последние макеты, и фотокопировальную машину на остаток ночи целомудренно накрыли чехлом.

Доналд Маккей вытер пот со лба и надел пиджак. Патрик Уолш сделал заслуженный глоток из фляжки с ирландским виски, которую всегда, втайне от остальных, держал в нижнем ящике стола, и принялся тихо насвистывать. У него выдался прекрасный вечер, полный громких, но беззлобных споров, которыми он наслаждался. Более того, он сумел одержать победу в большинстве из них.

Тереза Мэннерс напудрила изящный носик в комнате отдыха. Майкл Хили расчесал свои светлые волосы и с сожалением заметил, что гвоздика в его петлице завяла. Марджери Френч поправила черную соломенную шляпку и попросила Рейчел Филд вызвать ей такси. После этого, ощущая некоторую вину, она направилась в кабинет Хелен.

Та сидела за пишущей машинкой. Ее стол полностью скрывали горы бумаг и макетов страниц. Ее темные волосы были в беспорядке, а острый, довольно длинный нос блестел так же ярко, как стразы на оправе ее очков.

— Мне действительно совершенно не хочется оставлять тебя тут в одиночестве, Хелен, милая, — произнесла Марджери. — Может, мне задержаться и помочь тебе?

— Спасибо, Марджери, я в полном порядке, — ответила Хелен тем самым ледяным голосом, который ее секретари хорошо знали и боялись. — Когда все уйдут, я смогу наконец спокойно поработать.

Марджери поняла это именно так, как следовало — как констатацию факта, а не грубость.

— Хорошо. Но я настаиваю на том, чтобы завтра ты взяла выходной.

— Не могу, — возразила Хелен, — завтра должен быть готов план апрельского номера.

— Мы справимся и без тебя.

— Я предпочла бы быть здесь. Съезжу домой, позавтракаю, приму ванну и вернусь.

— Что ж... Смотри, как будешь себя чувствовать.

— Спасибо, Марджери. Доброй ночи.

— Доброй ночи, Хелен.

Марджери неохотно вернулась в свой кабинет. Хелен вставила в машинку новый лист бумаги и напечатала: «Опера нищих возвращается в город. Молли-карманница захватывает парки Парижа в самых изысканных лохмотьях, которых мир не видел с тех пор как...». Она нахмурилась, перевернула лист и начала снова: «Если верить Парижу, то этой весной наступает время лохмотьев и обносков. Беспризорницы и оборванки беззаботно прогуливаются по парижским подиумам и поражают зрителей взрывом ярких цветов...»

В этот момент приехал Годфри Горинг.

Годфри Горинг, генеральный директор и держатель контрольного пакета акций «Стиль пабλικейшенс лимитед», был деловым, уверенным в себе мужчиной слегка за пятьдесят. Седой, представительный, он выглядел именно так, как должен выглядеть бизнесмен. Несколько лет

назад, когда «Стиль» находился в сложном финансовом положении, он купил контрольный пакет акций. Все знали, что ему пришлось вложить много собственных средств, чтобы вытащить «Стиль» из болота и поставить на ноги.

Своим успехом Горинг был обязан в первую очередь тому, что никогда ни в чем не мешал своим сотрудникам. Он знал, что мода — это серьезный бизнес, гордился тем, что на него работают лучшие эксперты в этой области, и позволял им заниматься своим делом. Он терпел их странности и сложные характеры и не ограничивал их самые необычные идеи. Их успех или провал Горинг оценивал очень просто — по объему средств, потраченных на рекламу в «Стиле» лучшими фирмами, теми, вещи которых продаются дороже двадцати гиней. Сам Годфри всегда считал, что одежда — это только одежда, но ему никогда бы не пришло в голову сказать что-то подобное в присутствии Патрика или Терезы. Так же, как и признаться, что знаменитый вкус «Стиля» для него не священное достояние, а всего лишь способ делать деньги. Только если доход от рекламы начинал падать, он мог — крайне ненавязчиво — сделать замечание редакторам журнала.

К счастью, необходимость в этом возникала редко. Интерес общественности к хорошему вкусу и красивой жизни только усиливался, а именно это и продавал Годфри Горинг. Тем не менее без его мягкой, но уверенной руки журнал мог бы снова вернуться к тому нездоровому экономическому положению, в котором он его нашел. Из всех его подчиненных только Марджери Френч полностью это создала. Она, как часто замечал Горинг, была главным сокровищем журнала. Марджери обладала безупречным чувством стиля и интуицией, но при этом Горинг мог спокойно доверить ей все финансовые и административные вопросы, когда год назад уезжал в Америку, чтобы набраться опыта в области рекламы и издательского дела. Он относился к Марджери с большим уважением и симпатией.

Кроме этого, он не мог не оценить преданность делу, которая заставляла сотрудников редакции работать до столь позднего часа, и этим вечером ему захотелось их вознаградить. Только что за ужином в «Оранжевое» он весьма успешно обсудил дела с Хорасом Барри — владельцем компании «Барримода», купившим несколько страниц рекламы в ближайших номерах «Стиля». За кофе к ним присоединился Николас Найт — талантливый молодой дизайнер (по слухам, главный кандидат в Большую Десятку), салон которого, как, впрочем, и рабочие помещения, и квартира, находился над «Оранжевым» — в доме напротив редакции «Стиля».

В половине второго ресторан начал закрываться, и Годфри предложил своим спутникам заехать к нему на Бромптон-сквер, пропустить по стаканчику на сон грядущий. Выйдя на мокрый от дождя тротуар, он заметил, что в окнах редакции горит свет. Открылась парадная дверь здания, из которой появился Доналд Маккей. Он вздрогнул и поднял воротник пальто.

Горинг тут же узнал его и подошел ближе.

— Как там дела? — поинтересовался он.

— Хорошо, сэр. Мы как раз закончили. За исключением мисс Пэнкгерст, разумеется. Все прошло очень гладко, учитывая обстоятельства, — добавил он, слегка погрешив против истины.

— Хорошо-хорошо. Что ж, доброй ночи, Маккей.

Доналд поспешил домой, а Годфри вернулся к машине. В этот момент ему пришла в голову неожиданная идея предложить сотрудникам редакции, которые еще оставались наверху, присоединиться к его вечеринке. Большие стеклянные двери захлопнулись за Доналдом, но у Горинга был собственный ключ. Он открыл дверь и поднялся на пятый этаж.

Он не мог выбрать лучшего времени. Марджери, Тереза, Майкл и Патрик собрались в кабинете главного редактора, и Рейчел Филд сообщила, что свободных такси нет. Все обсуждали, не взять ли им машину напрокат. Горинг появился перед ними как *deus ex machina*².

— Мои дорогие усердные сотрудники, — начал он, — вы все должны немедленно поехать со мной на Бромптон-сквер. Мы выпьем шампанского, а потом Баркер развезет вас всех по домам. Не спорьте.

Он быстро окинул взглядом комнату и пересчитал присутствующих. Барри и Найт уже уехали. Это значит, что кроме него поедет, один, два, три, четыре, пять человек... Пять? Он пересчитал снова и обнаружил, к своему стыду, что, как всегда, не заметил мисс Филд.

² Бог из машины (*лат.*).

— Мисс Филд, вы тоже. Вы ведь, разумеется, поедете с нами? Я знаю, как много значит для вас этот номер, наша скромная героиня.

— Большое спасибо, мистер Горинг, но не думаю, что мне стоит. Мне нужно домой. И в любом случае я приехала сюда прямо из аэропорта, мой чемодан до сих пор со мной, и это...

— ...проблемка, — закончила Тереза. — Мы с Майклом тоже приехали с чемоданами. Я совсем про них забыла. Они в фотолаборатории, да, дорогой?

Годфри Горинг нахмурился.

— Я не думаю, что в машине есть место для багажа, — сказал он. — Багажник забит корзинками для собак и прочим хламом, который жена вынудила меня купить. Почему бы вам не оставить чемоданы здесь и не вернуться за ними завтра? Да, так будет лучше всего. Ну что ж, идемте. Вы тоже, мисс Филд. Я настаиваю. Я решительно настаиваю.

Через пару минут все шестеро без малейших неудобств разместились в темно-сером «бентли», который урчал мотором у парадного входа. Годфри мягко тронулся с места, и машина заскользила по мокрым блестящим улицам — но не раньше, чем успел осчастливить цветочника, купив у него по взвинченной цене три последних букета роз, которые вручил Марджери, Терезе и Рейчел.

В «Оранжерее» усталые официанты закрывали ставни и подсчитывали чаевые. Олвен Пайпер посмотрела на часы и, к своему удивлению, обнаружила, что они показывают десять минут третьего. Она достала толстый словарь, проверила значения слов «лапидарный» и «неотеризм» и обрадовалась, что использовала их правильно. Театральному критику нелегко подобрать слова, не истрепавшиеся от частого употребления.

В другом конце коридора Хелен Пэнкгерст закончила введение к разделу, посвященному парижским показам. Она услышала голос Годфри Горинга и была очень благодарна ему и остальным за то, что они ушли и оставили ее в покое. Хелен начала писать комментарий к фотографии: «Роже Леблан — дом Монье — взял отрез темно-лилового шелка (фабрика Гаридж), добавил блеска крошечных бриллиантов (от Картье) и взбил их в невесомую пену шляпки...»

Она шмыгнула носом, высморкалась и неожиданно поняла, что ей очень холодно, несмотря на центральное отопление. Хелен встала и включила электрический обогреватель. По дороге она споткнулась обо что-то и, к своему раздражению, обнаружила, что это чемодан — потрепанный, но из хорошей кожи — с потускневшими золотыми буквами «Р.Ф.» на крышке. Одна из защелок раскрылась, и на свет выглянул кусочек оберточной бумаги. Хелен сочла своим долгом попытаться его закрыть, но открылась вторая защелка, крышка распахнулась, и часть вещей оказалась на полу. Чемодан был набит битком, а у Хелен не было ни времени, ни сил на то, чтобы его закрыть. Она оставила все как есть и вернулась к невесомой пене шляпки.

Через некоторое время, задумавшись над очередным синонимом к слову «белый», Хелен вспомнила, что Эрни так и не принес ей термос, и направилась в фотолабораторию. Когда она зашла в кладовку, ее внимание привлекли два чемодана под раковиной, казавшиеся здесь неуместными. Один был из хорошей свиной кожи и помечен инициалами «М.Х.», другой — из белой кожи с большой розовой биркой, которая гласила «Тереза Мэннерс, 'Крийон', Париж». Хелен заколебалась. Она предполагала, что в одном из этих чемоданов находилось что-то, до чего ей особенно хотелось добраться. Она быстро попыталась открыть нужный чемодан. Он оказался не заперт. Она открыла его, нашла нужную вещь, закрыла его и, позабыв о термосе, вернулась в свой кабинет.

Вскоре после этого она услышала шаги в коридоре. Она не слишком удивилась, увидев Олвен Пайпер.

Олвен крикнула:

— Доброй ночи, Хелен. Увидимся утром.

Та не ответила, погрузившись в описание обманчиво простого на вид маленького черного платья из смеси шелка и мохера (фабрика Ашера), которое можно будет купить в «Маршал и Снелгроу» в конце марта. Через некоторое время до нее донесся звук лифта, и она заключила, что Олвен, должно быть, наконец ушла домой.

Через несколько часов, когда впереди было еще много комментариев, Хелен обнаружила, что страстно желает выпить чаю, и снова отправилась на поиски термоса. Не отрываясь от стопки записей Терезы, которые держала в руке, она прошла по коридору в темную комнату, где на столе

рядом с чайником стоял ее термос. Хелен взяла его и, вновь погрузившись в чтение записей, отнесла в кабинет. Оказавшись на месте, она налила себе кружку чаю.

Задумавшись, Хелен вставила в машинку новый лист и принялась печатать комментарий к очередному снимку. Секунду она обдумывала очередное слово, а затем, не отрывая глаз от листа, протянула руку за кружкой. Хелен жадно отхлебнула чаю. Часы показывали половину пятого.

* * *

Молодой курьер из «Пикториал принтерз лимитед» терял терпение. Погода выдалась отвратительной — пасмурно, накрапывал дождь, — а он в соответствии с указаниями ждал рядом с редакцией с семи часов. Сейчас было уже пятнадцать минут восьмого, а стеклянные двери оставались запертыми, а холл за ними — совершенно темным. Он еще раз нажал на кнопку звонка. Нельзя сказать, чтобы внутри никого не было — в одном из окон пятого этажа горел свет. Курьер был не только раздражен, но и озадачен: он работал со «Стилем» уже два года, и его сотрудники были единственными клиентами, отличающимися пунктуальностью. Более того, они вынуждены быть такими точными. Наборщики в Сайденхеме ждут, разгорится изрядный скандал, если макеты опоздают. «Восемь часов, не позже», — сказал главный наборщик, и курьер не представлял, как он успеет, учитывая утренние пробки.

— Чертова баба, наверное, заснула, — пробормотал он и задумался, что же ему делать дальше. Он знал, что Альф — швейцар — придет не раньше, чем без десяти восемь, чтобы впустить в здание веселую армию уборщиц, которые моют и подметают помещения до того, как в половине десятого придут работники редакции.

Курьер оставил мотоцикл на тротуаре, отошел подальше и резко свистнул. Впрочем, это всего лишь привлекло внимание уставшего и замерзшего полицейского, который подошел к нему и поинтересовался:

— В чем дело, приятель?

— Надо забрать кое-что срочное в семь ровно, а они все спят.

— Не надо ради этого будить весь квартал, — добродушно заметил полицейский. — Вот что. Там, за домом, есть телефонная будка. Позвони, они должны проснуться. Я присмотрю за твоим мотоциклом.

— Спасибо.

Молодой человек угрем скользнул в промозглую тьму. Вскоре полицейский услышал, как в здании надрыдается телефон. Две минуты он звонил не переставая, а потом вернулся курьер.

— Сдается мне, там никого нет, — заметил полицейский.

— Должны быть. Свет горит. И мне надо кое-что забрать.

— Боюсь, ничем не могу помочь, сынок. — Судя по голосу, полицейскому было действительно жаль. — Подожди, пока появится кто-нибудь с ключом. — Он улыбнулся и зашагал в поисках преступлений.

Ожидание тянулось долго. В половине восьмого он позвонил в Сайденхем и выслушал трехэтажную ругань главного наборщика. Как будто это его вина. Без десяти, когда улица начала шевелиться, потягиваться и собирать бутылки с молоком, пришел Альф, жалуясь на погоду и ревматизм.

— Не волнуйся, — ободряюще сказал он. — Я поднимусь наверх и посмотрю, в чем дело, а ты заходи, подожди в тепле. — Он повозился с ключом и распахнул дверь. — Через минуту вернусь, — сказал он, заходя в лифт.

На самом деле до того, как лифт вновь спустился в холл, прошло полторы минуты. Альф выскочил из него, как кролик из ловушки — весь дрожа и с посеревшим лицом, он схватил курьера за руку.

— Быстрее! Полиция! Врач! Быстрее! — кричал швейцар.

— В чем дело?

— Мисс... Мисс... Пэнкгерст... Что-то ужасное. Кажется, она умерла...

— А что с моим конвертом?

— К черту твой конверт! — Альф приходил в себя. — Найди полицейского, мальчик! Говорю тебе, она там мертвая.

Глава 2

*Отель «Крийон»
Париж
Понедельник*

Милая тетя Эмми!

Пара строчек о том, как невероятно потрясающе я провожу время. Но Господи, мне никогда не приходилось так вкалывать! Только подумать, что я когда-то думала, будто работа модели заключается только в том, чтобы стоять в красивых платьях. Мы весь день были на Эйфелевой башне (хорошо, что я не боюсь высоты), а прямо оттуда понеслись в студию, где сейчас ужасный беспорядок. Я так устала, что едва стою.

Но как все это здорово! И какую одежду я показываю! Ты даже себе не представляешь. Мне повезло больше, чем другим девочкам. Эти люди из «Стиля» такие милые. Мисс Мэннерс совсем не страшная, а Майкл Хили просто лапочка. Помнишь, как я боялась, когда узнала, что мне придется работать с ним? И мисс Филд была невероятно добра ко мне — она что-то вроде робота-секретаря — и сначала напугала меня до смерти, но она здорово умеет все организовывать — без нее мы бы не смогли вынести все эти вещи из салонов, иногда ей приходилось чуть ли не драться за них.

Знаешь, я видела самого Пьера Монье! И он сказал, что если я научусь ходить по подиуму, то он мог бы со мной поработать! Я чуть не умерла на месте!

Мне бы хотелось задержаться и посмотреть Париж, но мы летим домой завтра вечером, а в среду утром меня снова ждут в «Стиле» — нужны снимки для молодежного раздела с Бет Конноли на Хемпстед-Хит (или в студии, если будет дождь, надеюсь, что будет дождь) — и вечером повторная фотосессия с мисс Мэннерс.

Целую тебя, тетушка, и передай огромный привет дяде Генри. Можно зайти к вам, когда я вернусь?

Ронни.

P.S. Я думаю, что понравилась Майклу Хили. Он говорит, у меня кости, как у молодого жирафа.

Эмми Тиббет с улыбкой прочитала письмо. Она всегда с особенной теплотой относилась к своей крестнице — младшей дочери сестры — и с гордостью наблюдала за тем, как она превратилась из пухленькой школьницы в невероятную красавицу. На самом деле именно Эмми поддержала девушку, когда на свой семнадцатый день рождения та заявила, что безумно хочет стать моделью.

Старшая сестра Эмми — Джейн — вышла замуж за фермера по имени Билл Спенс. Они жили в тихой деревеньке в Девоншире, главным событием которой была ежегодная приходская ярмарка цветов. Естественно, родители Вероники были шокированы таким экзотическим желанием дочери и обратились к Эмми как к жительнице столицы и самой искушенной из их знакомых с просьбой «убедить девочку выбросить всю эту чушь из головы».

Этого Эмми делать не стала. Вместо этого она повела себя с максимально возможной практичностью.

— Послушай, Джейн, — сказала она, — Ронни никогда не станет великим ученым. Давай будем откровенны, у нее довольно посредственные способности. Что с ней будет дальше? Она закончит курсы секретарей, как миллион других девушек, и будет гнить в какой-нибудь скучной конторе, пока не выйдет замуж.

— Я знаю, Эмми, но стать моделью...

— В этом нет ничего неприличного, кроме того, это тяжелая работа, — ответила Эмми со смеющимися глазами. — Ты уверена, что все еще не думаешь, что это значит — позировать обнаженной художникам с плохой репутацией?

Джейн покраснела.

— Ну, я так не думаю, но все равно... Это не очень подходящее занятие...

— Почему бы не позволить ей приехать в Лондон и поучиться? — предложила Эмми. — Нам с Генри некуда ее поселить, но мы найдем ей комнату поблизости и будем за ней присматривать. Если она не подходит для этой работы, то скоро поймет и выбросит из головы. Если она подходит, то ее ожидает интересная жизнь и куча денег.

— Ну... Если ты действительно так считаешь, Эмми...

Вот так и началась карьера Вероники Спенс. Понадобилось совсем немного времени для того, чтобы с уверенностью сказать — она подходила для работы моделью. Уже через полгода у нее было достаточно контрактов, а сейчас, в девятнадцать, она удостоена чести участвовать в парижских фотосессиях «Стиля». За последние полгода она переехала из своей комнатки на Сидни-стрит в хорошую квартиру на Виктория-Гроув, которую снимала вместе с другой моделью — девушкой по имени Нэнси Блейк, обладательницей иссиня-черных волос, самых больших зеленых глаз в Лондоне и выражения лица милого избалованного котенка.

Сама Вероника была вся цвета меда — золотые волосы, нежная кожа, которая, казалось, навсегда сохранила деревенский загар, и широко раскрытые светло-карие глаза. Она выглядела как идеальная соседская девчонка. Ее внешность напоминала о простой деревенской жизни, о запахе сена, жимолости и свежеевыпеченного хлеба — и именно то, что искали фотографы.

Вероника стала известной после фотографии Паркинсона, на которой она стоит по колено в деревенском пруду в окружении уток и маленьких мальчиков. Разумеется, платье было безнадежно испорчено, но, учитывая, что фото позволило продать тысячи таких же, никто не возражал. Потом Генри Кларк по шею закопал ее в стог сена для своей знаменитой цветной рекламы новой линии декоративной косметики «Деревенский мед». Вернее сфотографировал ее в купальнике в бассейне на Долфин-сквер, а Дормер усадил в открытой двери вертолета в пятидесяти футах над башней Кентерберийского собора. В девятнадцать Вероника зарабатывала вдвое больше, чем ее выдающийся дядя — главный инспектор Генри Тиббет из Скотленд-Ярда.

Несмотря на все это, Вероника, к восторгу Эмми, осталась такой же простой и полной энтузиазма. Она никогда не забывала, что своей интересной жизнью обязана вмешательству Эмми, так что даже в безумной веренице парижских показов нашла время, чтобы написать письмо любимой тетушке.

Эмми еще раз перечитала письмо. Они возвращаются во вторник. Сегодня среда, так что Вероника, должно быть, уже дома. Наверное, следует позвонить ей чуть попозже и пригласить выпить чего-нибудь. Эту мысль, как сон, оборвал звонок телефона. Эмми тут же поняла, что это Вероника, и слегка удивилась тому, что девочка звонит в половине одиннадцатого утра — как раз в то время, когда ее работа в «Стиле» должна быть в самом разгаре.

Эмми знала, что это Вероника, но оказалась не готова к той вспышке эмоций, которая пронеслась по проводам и взорвалась в трубке у ее уха.

— Тетя Эмми! О Господи! Хорошо, что я до тебя дозвонилась! Случилось что-то ужасное! Действительно ужасное! Дядя Генри здесь, и все сходят с ума, и все это так ужасно, но жутко интересно, и ее только что унесли...

— О чем ты, Ронни?

— Ты разве не видела? Это уже в новостях, и тут везде полицейские и репортеры, и Дядюшка сходит с ума.

— Генри сходит с ума?

— Я не сказала, что он. Я сказала, Дядюшка.

— Вероника, постарайся говорить яснее. Откуда ты звонишь?

— Из «Стиля», разумеется. То есть не совсем, из телефонной будки за углом. Дядя Генри сказал, что я могу идти и...

— Генри? Господи, что Генри-то делает в «Стиле»?

— Ну разумеется, он здесь. А как же?

— В каком смысле?

- Потому что ее убили.
- Кого убили?
- Ну на самом деле я не знаю...
- Ронни!

— Я хотела сказать, что на самом деле я ее не знаю. То есть не знала. Мисс Пэнкгерст. Она была второй после мисс Френч — главного редактора. Говорят, что ее отравили, и мне кажется, что Дядюшка знает что-то, что не хочет говорить дяде Генри. То есть он, конечно, не знает, что это дядя Генри.

— Думаю, — сказала Эмили, — что тебе лучше всего сесть в такси и приехать сюда. У меня такое чувство, будто я схожу с ума.

— Думаешь, я говорю непонятно? — спросила Вероника. — Ты этого просто не видела. Я буду через десять минут.

Главный инспектор Генри Тиббет прибыл в редакцию «Стиля» около девяти. На улице к этому времени уже успела собраться толпа зевак и несколько приятных и терпеливых молодых констеблей сейчас пытались убедить их разойтись. За исключением этого все выглядело довольно спокойно. Генри прошел в холл XVIII века, где обнаружил стоящего на страже внушительного вида сержанта.

— Рад вас видеть сэр, — сказал он так, будто это было правдой, — у нас будут проблемы, поверьте мне.

— Что вы имеете в виду?

— Женщины, — пояснил сержант, — истерики. Модели и иже с ними.

— Не вижу ни одной, — заметил Генри. — Куда вы их дели?

— Они еще не приехали, слава Богу. Тут только группа уборщиц и швейцар, который и обнаружил тело.

— Тогда почему вы так уверены?

— Вы знаете, что это за место, сэр? — Сержант мрачнел с каждой секундой. — Это модный журнал. Чертов курятник.

— Когда приходят сотрудники? — поинтересовался Генри.

— Теоретически в половине десятого, — ответил сержант, — но если верить швейцару, сегодня многие придут позже.

— Почему?

— Прошлой ночью они работали допоздна, насколько я... — Со стороны входной двери послышался шум, Генри обернулся и увидел, как внушительных габаритов констебль борется с молодым человеком в кожаной куртке. Сержант вздохнул. — Видите? — сказал он Генри, а затем, повернувшись к молодому человеку, бросил: — Я десять раз уже сказал, чтобы вы уходили!

— Мой конверт! — закричал молодой человек. — Вы не понимаете! Я должен получить мой конверт! Это Париж!

— Где Париж?

— В конверте, разумеется. Мы должны были сдать в набор в восемь!

— Псих, — флегматично заметил сержант. — И это только начало.

— Подождите, — вмешался Генри. — Я правильно понимаю, что вы ждете каких-то отчетов из Парижа, которые следовало сдать в печать в восемь часов?

Перед молодым человеком, казалось, забрезжила надежда.

— Вы не можете их достать, сэр? Это чертовски срочно, правда.

— Здесь случилось серьезное происшествие, — сказал Генри, — погиб человек. Вам лучше всего позвонить в типографию и сказать, что произошла задержка. А потом подождите здесь. Я сделаю все, что смогу.

— Спасибо, сэр. Вы его ни с чем не спутаете. Он должен быть в кабинете редактора, а на нем надпись «Пикториал принтерз' — отдать курьеру». И если бы вы только смогли добыть его поскорее, сэр...

Его мольбы все еще звучали в холле, когда Генри и сержант вошли в лифт.

— А теперь, — сказал Генри, — введите меня в курс дела.

Рядом с большим и представительным сержантом он выглядел маленьким и незначительным — неприметный человек за сорок со светло-русыми волосами, большими голубыми глазами, тихим голосом и застенчивой манерой держаться, — но его внешность была обманчиво простой в том же смысле, как и маленькие черные платья от Монье. Сержант хорошо знал, что должен дать точный и полный отчет, и тщательно подбирал слова.

— Меня вызвал, — начал он, — констебль Хатчинс, дежуривший на этом участке. Это было в семь пятьдесят пять. По всей видимости, наш приятель с парижским конвертом выбежал из здания и едва не сбил констебля с ног. Хатчинс уже говорил с ним — в пятнадцать минут восьмого, — когда парень пытался разбудить всех в здании, чтобы добраться до своего драгоценного конверта. Очевидно, что женщина, которая должна была ему его отдать, все это время лежала наверху мертвой. Он даже пошел и позвонил, пока Хатчинс стоял тут у дверей и присматривал за его мотоциклом, но, разумеется, безрезультатно. В любом случае, по всей видимости, швейцар Альфред Сэмсон пришел, как всегда, без десяти восемь и поднялся наверх, чтобы посмотреть, что случилось. Он нашел ее мертвой. Отравление цианидом, тут никаких сомнений. Доктор сейчас наверху с ней, но я помню то дело в прошлом году — это точно цианид. Очень неприятное зрелище.

— Кто она? Или, точнее, кем она была?

Сержант заглянул в свой блокнот.

— Мисс Хелен Пэнкгерст, заместитель главного редактора, — сказал он. — Это все, что мне удалось вытянуть из Сэмсона до того, как начали собираться уборщицы. Я не позволил им подняться наверх, разумеется. Все они сейчас в приемной, если вы хотите с ними поговорить, разумеется.

— Хорошо. Что еще вы сделали?

— Позвонил главному редактору — некоей мисс Марджери Френч. Швейцар дал мне ее номер. Она скоро подъедет. Я решил, что так будет лучше всего.

— Очень разумно, — отозвался Генри. — Есть информация о ближайших родственниках?

— Пока нет. Думаю, мисс Френч должна знать. Я счел за лучшее не трогать ее сумочку и все остальное до вашего прихода.

Лифт плавно остановился на пятом этаже. Генри вышел из него и осмотрелся.

Дом XVIII века, в котором располагалась редакция «Стиля», изо всех сил пытался сохранить свой прежний вид. На первом этаже очаровательный холл оказался зажат между стеклянными входными дверями и освещенной неоновым светом бухгалтерией. Здесь, на пятом этаже, в редакции внешний вид поддерживался в передней части здания, выходящей на Эрл-стрит и «Оранжерею».

Генри обнаружил, что стоит на темно-лиловом ковре, в коридоре, с большим вкусом облицованном полированным деревом теплого золотистого цвета. Прямо перед ним были две двери, украшенные резьбой, сочетающейся с облицовкой коридора. На обеих дверях виднелись скромные таблички в позолоченных рамках. На правой значилось «Мисс Хелен Пэнкгерст, заместитель главного редактора», на второй — «Мисс Тереза Мэннерс, редактор раздела моды». В конце коридора, там, где он сворачивал под прямым углом, виднелась такая же дверь с табличкой, гласившей: «Мисс Марджери Френч, главный редактор». Дверь напротив нее, справа от Генри, была оформлена проще, деревянная табличка на ней прямо и коротко заявляла — «Мода».

Даже стоя у лифта, Генри мог видеть, что там лиловый ковер и заканчивается, уступая место простому бетонному полу и выбеленным стенам. За кабинетом главного редактора простое и функциональное объявление, снабженное стрелкой, гласило: «Студия сюда». Под ним, на другом листе картона, было написано с некоторым ехидством: «Художественный отдел. Входить строго-настрога запрещено, какой бы у вас ни был повод». На двери с табличкой «Мода» висело еще два объявления, прикрепленных клейкой лентой: «Курьерам и моделям на подгонку вещей сюда» и «Входите без стука. Если постучите, вас все равно никто не услышит».

Сержант откашлялся и произнес, как будто извиняясь:

— Она там, сэр. В своем кабинете.

— Расскажите мне, — попросил Генри, — об этой ночной работе. Полагаю, она имела к ней отношение.

— Мне удалось выяснить не так уж много, — признался сержант, — вам придется спросить мисс Френч. Швейцар сказал, что они работали над каким-то специальным выпуском, посвященным парижской моде. Он не знает, кто именно тут оставался, но говорит, что обычно это те, кого он называет большими шишками. По всей видимости, эта бедная девушка как раз все и писала, так что она всегда оставалась тут на всю ночь и утром вручала конверт нашему юному другу внизу. Остальные, должно быть, ушли домой раньше. Это все, что я могу вам сказать.

— Что ж, ясно, — произнес Генри. — Теперь давайте взглянем на нее.

Он открыл дверь кабинета Хелен и вошел внутрь.

Существует мало вещей, которые привлекают внимание больше, чем труп посреди небольшой комнаты. Тем не менее, когда Генри вошел внутрь, первое впечатление на него произвела не сама Хелен, а невероятный беспорядок, царивший в кабинете. Достаточно было бы одних столов — оба, принадлежавший Хелен и, по всей видимости, ее секретарю, были полностью погребены под лавиной бумаг, как будто кто-то рылся в стеллаже и разбросал все, что в нем лежало, по кабинету, как опавшие с деревьев лепестки цветов. Но еще больший беспорядок царил под столом Хелен, где пол был усеян белыми и розовыми предметами женского белья, переплетениями нейлоновых чулок, а также усыпан разбросанными блузками, свитерами, расческами и бусами. Все это, по всей видимости, изверглось из недр чемодана, который сейчас стоял пустым посреди этого хаоса. Коробка с пудрой раскрылась, и вся комната была покрыта розовой пылью, в воздухе стоял тяжелый, удушающий запах, который источала разбитая бутылка духов с парижской наклейкой. Царившие жара и духота сделали и без того тяжелые духи совершенно невыносимыми. Генри слегка замутило.

Посреди всего этого беспорядка Хелен Пэнкгерст лежала на столе, опустив голову на пишущую машинку. Несмотря на искаженные черты лица, Генри понял, что женщина обладала впечатляющей внешностью. Ее темные волосы были уложены искусным парикмахером, а стройную фигуру не скрывала серая юбка простого кроя и пушистый белый свитер, придавая ту элегантность, которая отмечала всех сотрудников «Стиля». Ее туфли на тонких каблучках были сшиты из темно-серой замши, мягкой, как перчатка, одну из них Хелен скинула в агонии, и теперь она лежала под столом рядом с серой сумочкой. На столе лежали очки в украшенной стразами оправе, одна из линз была разбита. Пальцы левой руки Хелен все еще лежали на клавишах, а в правой она сжимала ручку разбитой бело-голубой керамической кружки, из которой на розовато-лиловый ковер с коротким ворсом пролился чай. Старый красный термос стоял на краю стола.

— Воняет тут, правда? — заметил сержант. — Сдается мне, что док был счастлив отсюда убраться. Думаю, он ждет вас в соседнем кабинете.

Генри кивнул с отсутствующим видом. Он смотрел на руки мертвой женщины. Они контрастировали со всем ее обликом — хорошей формы, но крепкие, с короткими ненакрашенными ногтями. Руки, привыкшие к работе. Генри заметил, что она не носила колец на левой руке, но на безымянном пальце правой виднелось тонкое золотое кольцо с сентиментальным узором из двух переплетенных сердец. Безделушка, которую во времена королевы Виктории можно было купить за несколько шиллингов и которая сейчас продается в антикварных магазинах по завышенной цене.

Генри переключил свое внимание на машинку. Ее клавиши покрывала тонкая пленка розоватой пудры. На все еще зажатом в ней листе было напечатано: «Чернильно-синие розы, разбросанные по белому, оттенка мела, шелковому муслину придают особую драматичность...». Здесь текст обрывался. Генри стало ясно, что молодому человеку внизу придется долго ждать вестей из Парижа. Он очень осторожно вытащил пробку из термоса, предварительно обернув ее носовым платком, несмотря на то что на ней виднелись следы порошка для снятия отпечатков пальцев. Он понюхал остатки чая и не был удивлен, когда почувствовал сильный запах горького миндаля.

— Ну что ж, — сказал он, — это не оставляет сомнений в том, что именно произошло — цианид в термосе с чаем. Разумеется, чай еще предстоит отправить на анализ, но я и так чувствую запах. — Он вернул пробку на место. — Фотографы и эксперты собрали необходимую информацию?

— Да, сэр.

— Тогда можете унести бедную девочку, но не трогайте больше ничего. Я пойду поговорю с доктором.

— Он там, сэр. В кабинете главного редактора. — Сержант кивнул на дверь между кабинетами.

— Хорошо. Кстати, когда сотрудники начнут появляться, не разрешайте им подниматься наверх. Не думаю, что мы можем вот так остановить работу редакции, но я хочу сначала как следует здесь осмотреться. И скажите тому несчастному молодому человеку, что ему сильно повезет, если он получит свой конверт сегодня.

— Хорошо, сэр, — ответил сержант с некоторым удовлетворением.

Генри прошел в соседний кабинет и поразился контрасту, производимому помещениями. Этот кабинет был намного больше, не загроможден предметами и представлял собой красивое просторное помещение с недавно окрашенными лимонно-желтыми стенами и темно-фиолетовым ковром на полу. Вся обстановка состояла из огромного стола со столешницей, покрытой кожей, еще одного — поменьше, деревянного, на котором стояла зачехленная пишущая машинка, и нескольких кресел. Шкафчики для бумаг были и здесь, но не бросались в глаза. Что притягивало взгляд, так это одна из ранних литографий Пикассо над столом, набросок костюма, сделанный Бераром, оправленный в рамку (на нем художник оставил дарственную надпись «*A ta chere amie, Margery*»³), и карикатура Форена. Все остальное было идеально чистым, аккуратным и создавало исключительно рабочую обстановку, вплоть до свежезаточенных карандашей и стройного ряда разноцветных шариковых ручек. Эта комната представляла собой идеальный кабинет главного редактора, но выдавала то, что ее владельцем была женщина. И женщина со вкусом.

Полицейский врач сидел за большим столом. Это был большой печальный мужчина с лицом озадаченного блаухаунда.

— А, это вы, — поприветствовал он Генри с мрачным удивлением, так, будто тот был последним человеком, которого врач ожидал увидеть. — Хорошо, я бы хотел побыстрее покончить с этим. У меня еще работа.

— Каков вердикт?

— Отравление цианидом, разумеется. Я думал, даже вы это заметите. Скорее всего его подсыпали в чай.

— Да, я в этом почти уверен. Не понимаю, почему она не почувствовала запаха. Я почти готов склониться к мысли, что это самоубийство.

Доктор медленно покачал огромной головой:

— Самоубийство или нет, это ваше дело. Единственное, что я могу сказать, так это то, что она была простужена, сильный насморк. Я сильно сомневаюсь в том, что она могла почувствовать запах или вкус и, думаю, у нее был жар. Не могу назвать другой причины, по которой она бы еще могла включить этот обогреватель.

— Что насчет времени смерти?

— Я пока еще, как вы понимаете, не успел сделать вскрытие. Где-то между тремя и шестью часами, я бы сказал. Могу я ее забрать?

— Сержант уже занимается этим.

— Хорошо. Увидимся.

Меланхоличное выражение лица доктора слегка изменилось, что можно было счесть улыбкой, мужчина поднялся и направился к двери. Прежде чем он успел ее открыть, кто-то уверенно постучал с другой стороны. Доктор вопросительно взглянул на Генри. Тот кивнул. Он открыл дверь и увидел сержанта.

— Простите, что беспокою вас, сэр, — сказал он, — но мисс Марджери Френч здесь.

— Пора бежать, увидимся... — пробормотал доктор и скрылся с неожиданной быстротой.

— Я поговорю с ней сейчас же, — произнес Генри. — Скажите ей, чтобы она поднималась.

³ Моей дорогой подруге Марджери (фр.)

Глава 3

У Генри не было четкого представления о том, как должна выглядеть главный редактор «Стиля», но когда в кабинет вошла Марджери Френч, он понял, что женщина идеально подходит для этой роли. Все в ней выглядело именно так, как и должно: элегантно покроя костюм, большая фетровая шляпа, седые с голубоватым оттенком волосы, безупречный макияж и красивые тонкие руки, на пальце кольцо с крупным топазом. Было трудно поверить в то, что эта женщина, которой скорее «под шестьдесят», чем «за пятьдесят», накануне работала до поздней ночи, и еще труднее было представить, что совсем недавно ее разбудили, сообщив о произошедшем. В данном случае представления сержанта об истеричных женщинах оказались совершенно необоснованными.

— Доброе утро, инспектор, — твердо сказала Марджери, — это ужасное и трагическое происшествие. Пожалуйста, расскажите мне все, что возможно, и скажите, как я могу помочь вам. Ваш сержант почти ничего не сказал мне, но сам факт того, что вы здесь, говорит о том, что смерть бедняжки Хелен не была естественной.

Она опустила за большой стол и открыла портсигар из тисненой кожи.

— Вы курите? Возьмите сигарету и садитесь, прошу вас.

— Спасибо, — сказал Генри, борясь с ощущением, что показания вынужден давать именно он. Он пододвинул себе кресло и внимательно посмотрел на Марджери Френч. Она закурила, ее руки слегка дрожали. Кроме этого, он сейчас заметил темные круги у нее под глазами, скрытые макияжем. Вероятно, она играла свою роль чуть более хорошо, чем следовало бы. Наконец он сказал:

— Мисс Френч, боюсь, мисс Пэнкгерст была убита.

— Вы уверены? — Марджери оставалась совершенно спокойной. — Вы исключили возможность суицида?

— Вы полагаете, у нее могли быть причины?..

— Я не люблю сплетничать, — медленно проговорила Марджери, — и никогда не лезу в личную жизнь своих сотрудников. Тем не менее о некоторых вещах невозможно не знать, и, полагаю, мой долг сказать вам, что в последнее время я очень волновалась за Хелен.

Марджери замолчала, у Генри появилось чувство, что она считает подобное поведение верхом дурного вкуса и в данный момент выполняет неприятную обязанность. Она продолжила, тщательно подбирая слова:

— Там, где работают одновременно мужчины и женщины, неизбежно приходится время от времени сталкиваться с проблемой романтических отношений, возникающих между сотрудниками. Мы не исключение. На самом деле, боюсь, у нас все еще сложнее, поскольку... поскольку у нас работают исключительные люди. Мужчины — художественные редакторы и фотографы — это творческие, непостоянные натуры, а женщины обычно более красивы, чем вы ожидаете встретить на улице. Кроме того, мир моды по той или иной причине обычно привлекает людей эмоциональных.

Генри очень хотелось спросить «тогда как же вы оказались в нем», но он предпочел промолчать.

— В обычной ситуации, — продолжала Марджери, — я никогда бы не выдала тайну, но сейчас обстоятельства можно назвать исключительными. Дело в том, что у Хелен был бурный роман с одним из наших фотографов. Человеком по имени Майкл Хили.

— Почему вы считаете, что это могло толкнуть ее на самоубийство?

— Потому что, по всей видимости, все пошло не так. Боюсь, что Майкл — ловелас, и мне кажется, что он рассчитывал на короткую интрижку. На самом деле я была очень удивлена, когда появились слухи об их отношениях — они совершенно не пара. Хелен — страстная, склонная к сильным душевным движениям натура, к тому же она на несколько лет старше Майкла. В последнее время она была на грани нервного срыва. Она нервничала и не могла ни на чем сосредоточиться. Все потому — опять исходя из слухов, — что Майкл решил избавиться от нее, когда понял, что ситуация вышла из-под контроля. Я собиралась отправить его на несколько

месяцев в Америку, пока все несколько не успокоилось бы. Не то чтобы это полностью исправило ситуацию в редакции, но...

— Что вы имеете в виду, мисс Френч?

Марджери помолчала, глубоко затянулась сигаретой и наконец ответила:

— Полагаю, должна объяснить, что Майкл Хили — муж моего редактора раздела моды Терезы Мэннерс.

— Правда? — переспросил Генри. — То есть мисс Мэннерс и мисс Пэнкгерст не слишком любили друг друга?

— Напротив. Они очень хорошие подруги.

— В данных обстоятельствах это кажется необычным, — заметил Генри.

— Не думаю, — резко ответила Марджери.

— Тогда почему вы полагаете, что тяжелая атмосфера в редакции сохранилась бы и после того, как мистер Хили уехал?

Марджери задумчиво рассматривала свои покрытые алым лаком ногти. Генри чувствовал, что она поняла, что сказала лишнее, и собиралась исправить ошибку. Наконец она произнесла:

— Полагаю, я не так выразилась. Я имела в виду, что Хелен понадобилось бы определенное время, чтобы избавиться от своего увлечения. На самом деле, думаю, первые несколько недель ей было бы еще тяжелее.

— Что ж, — заметил Генри, — все это очень интересно, но я все еще склоняюсь к тому, чтобы исключить самоубийство, по ряду причин.

— Как? — твердым голосом спросила Марджери. — Как она умерла?

— Ее отравили, — ответил Генри, — кто-то подсыпал ей цианид в чай.

— Ясно. — Марджери не выглядела шокированной, разве что задумчивой. — Бедная Хелен. Но не могла она сама подсыпать его себе?

— Могла, — согласился Генри, — но не думаю, что она это сделала. По ряду причин. Во-первых, она не оставила никакой записки. Во-вторых, странный выбор времени и места — посреди рабочего аврала. В-третьих, по всей видимости, ее кабинет обыскивали — не только бумаги, но и личные вещи...

— Личные вещи? — переспросила Марджери. — Что вы имеете в виду под личными вещами, инспектор?

— Возможно, вам следует зайти в соседний кабинет и посмотреть самой. Может быть, вы сможете пролить некоторый свет на...

— Разумеется. — Марджери встала и направилась к двери, соединявшей ее кабинет с кабинетом Хелен. — Она все еще там?

— Нет, — ответил Генри. Он заметил, что Марджери не выказала никаких признаков страха или тревоги. Она всего лишь задала вопрос.

Марджери открыла дверь и некоторое время стояла неподвижно, глядя на царивший там беспорядок. Затем она с легкой улыбкой повернулась к Генри.

— Думаю, я смогу пролить на это некоторый свет, — сказала она. — Во-первых, я склонна согласиться с вами в том, что Хелен была убита.

— Почему вы так решили?

— Из-за всего этого. — Марджери взмахнула рукой, указывая на беспорядок. — Она не закончила работу. Хелен никогда бы не оставила статьи для парижского выпуска наполовину незаконченными. Если бы я обнаружила прибранный кабинет, а все статьи и макеты страниц аккуратно сложенными в конверт и снабженными списком подробных указаний для типографии, тогда я была бы склонна считать, что она покончила с собой. — Марджери замолчала и взглянула на лист, все еще зажатый в пишущей машинке. — Да, инспектор, боюсь, что я должна сама закончить подписи к снимкам, разобраться с материалом и отправить его в типографию так быстро, как только могут позволить человеческие возможности. Вы должны понять, что для нас этот номер самый важный в году, а мы и так безжалостно затянули.

— Я знаю, — ответил Генри, — и постараюсь закончить как можно быстрее. Но пожалуйста, продолжайте. Что еще вы можете прояснить?

— Что ж, я могу сказать вам, что кабинет не обыскивали. Состояние, в котором находятся бумаги, вполне нормально. Хелен всегда работала в полном хаосе, особенно если работа была

срочной, а потом тщательно все убирала. Боюсь, вы не понимаете, — указала Марджери на завалы бумаг на столе, — что все это шестнадцатистраничный блок, снабженный всеми деталями, и...

— Тогда как вы объясните чемодан?

— Это не ее чемодан, — сказала Марджери, — он принадлежит моему секретарю, мисс Филд. Она только вчера была в Париже и приехала в редакцию прямо из аэропорта.

— Почему она не забрала его домой?

— Из-за мистера Горинга, — сказала Марджери.

— Мистера Горинга?

— Мы можем вернуться в мой кабинет? — поинтересовалась она, и что-то в ее голосе заставило Генри взглянуть на нее. Она сильно побледнела и была вынуждена одной рукой схватиться за стол. — Мне очень жаль, инспектор, но тут так жарко.

— Разумеется, давайте вернемся, — согласился Генри.

Марджери уверенно подошла к двери и прошла к своему столу. Кажется, она полностью пришла в себя.

— Мистер Горинг, — пояснила она, — наш генеральный директор. Должна сказать вам, он скоро будет здесь. Разумеется, я позвонила ему сразу же, как только узнала новости.

— Я с нетерпением жду возможности поговорить с ним. И все-таки какое отношение он имеет к чемодану вашего секретаря?

Марджери быстро описала Генри ночной визит Годфри Горинга в редакцию, его приглашение и причины, по которым багаж пришлось оставить.

— На мисс Пэнкгерст приглашение не распространялось? — поинтересовался Генри.

— Разумеется, нет. Она оставалась работать здесь.

— Что произошло потом? Вы все поехали домой к мистеру Горингу...

— Да. Там было еще двое его друзей. Николас Найт — модельер и Хорас Барри — промышленник. Мы выпили по паре бокалов шампанского, и водитель мистера Горинга развез нас по домам.

— Всех вас?

— Всех, кроме мистера Найта и мистера Барри. Мистер Найт был на своей машине. Ах да — он подвез мисс Филд, поскольку им было в одну сторону. Они уехали незадолго до всех остальных. Бейкер — водитель — сначала высадил Терезу и Майкла в Челси, а затем отвез меня на Слоун-стрит. После этого он должен был отвезти мистера Уолша в Айлингтон.

— Вы помните, во сколько это было?

— Без десяти три, — тут же ответила Марджери, — я посмотрела на часы, когда зашла в свою квартиру.

Генри задумался.

— Боюсь, у меня есть еще много вопросов, которые я должен вам задать, мисс Френч. Во-первых, не могли бы вы пролить немного света на жизнь мисс Пэнкгерст: что у нее была за семья, где она жила, и так далее. Мы еще не имели возможности сообщить...

— Насколько мне известно, у нее не было семьи, — произнесла Марджери, закуривая еще одну сигарету. — Ее родители умерли. Кажется, у нее есть замужняя сестра в Австралии. Кроме того, она снимала квартиру в Кенсингтоне с Олвен Пайпер, моим редактором статей. Хелен провела в «Стиле» десять лет. Она пришла к нам в качестве секретаря и своим трудом добилась этой должности. Она была прекрасным работником и, пожалуй... пожалуй, более деловым человеком, чем остальные.

— У нее были враги из числа сотрудников?

— Разумеется, нет. Секретари ее побаивались — в гневе она бывала ужасна, — улыбнулась Марджери. — Должна признаться, я находила это весьма полезным. Это избавляло меня от необходимости вести себя как строгий начальник. Она хорошо писала, но была начисто лишена интуиции к модным тенденциям. Но это, разумеется, вам не интересно.

— А что вы можете сказать о ее личной жизни, помимо романа с Майклом Хили?

— У Хелен не было личной жизни, — тут же твердо ответила Марджери. — Она была совершенно поглощена работой. Вся ее жизнь проходила в редакции, среди коллег. — Она

помолчала. — Я понимаю, что сейчас говорю, инспектор. Если ее убили, то это, без сомнения, сделал один из нас. Но кто и почему — я не могу даже предположить.

— Давайте обсудим, как это было сделано, — предложил Генри. — Где кто-либо из сотрудников редакции мог получить доступ к цианиду?

— Боюсь, это не представляет для сотрудников ни малейшего труда. В фотолаборатории есть запас цианида. Его используют для того, чтобы осветлять снимки. Майкл может рассказать вам все об этом.

— В таком случае не указывает ли это на кого-то, кто работает в фотолаборатории?

— Не обязательно. Все мы часто заходим в лабораторию. Каждого нового сотрудника, какую бы скромную должность он ни занимал, предупреждают о том, что в редакции есть цианид, показывают, где он хранится и как выглядит бутылочка с ним.

— Разве он хранится не в запертом шкафу?

— Обычно да, — ответила Марджери, — но иногда, боюсь, бывают моменты, когда становится не до правил, и ночь подготовки парижского выпуска — один из таких моментов. Майкл сам печатал фотографии, и я помню, что шкафчик с химикатами был открыт. Кроме этого, могу сообщить вам, что шкафчик стоит в той же комнате, что и чайник, и что мы весь вечер то и дело входили в лабораторию и выходили из нее. Все, за исключением мисс Филд и самой Хелен. Не думаю, что кто-то из них выходил из своего кабинета. Но все остальные запросто могли подсыпать яд в термос.

— Спасибо, мисс Френч, — поблагодарил ее Генри. Он был поражен точностью и быстротой ее ума. Она опережала каждую его мысль. Марджери могла оказаться бесценным союзником или серьезным противником. Он задумался, кем же она в итоге станет.

Как будто в ответ на его мысли, мисс Френч произнесла:

— Я хочу помочь вам, инспектор, всем, чем смогу. Я предоставлю редакцию в ваше распоряжение. Полагаю, вы пожелаете поговорить со всеми, кто был здесь прошлой ночью.

— Да. — Генри заглянул в записную книжку, которую держал в руках. — Позвольте, я перечислю. Вы, Тереза Мэннерс, Майкл Хили и Патрик Уолш. О, и ваш секретарь — мисс Филд. Был еще кто-нибудь?

— Доналд Маккей — помощник Патрика из художественного отдела. Он ушел незадолго до всех остальных. Еще Эрни оставался почти до полуночи — Эрнест Дженкинс, лаборант. О да, еще Олвен, совсем про нее забыла.

— Мисс Пайпер? Девушка, вместе с которой мисс Пэнкгерст снимала квартиру?

— Да. Она пришла из театра, чтобы написать свою заметку.

— Не знаете, во сколько она ушла?

— Не имею понятия, — тут же ответила Марджери. — Я видела ее в кабинете в половине первого и велела ей немедленно идти домой, но бог знает, насколько долго она тут оставалась. — Она задумалась. — Вот все, кто был.

— Кроме мистера Горинга.

— Годфри? Но вы же не думаете...

— Я думаю, ничто не могло помешать ему заглянуть в фотолабораторию, прежде чем идти в ваш кабинет?

— Нет... но...

В этот самый момент за дверью разверзся ад. Генри услышал звуки борьбы, а затем крик сержанта:

— Сэр, я запрещаю вам... — Но он потонул в низком реве мужчины с ирландским акцентом.

— Убирайтесь с дороги, вы, жалкий человечиска! Клянусь Богом, там что-то происходит, и никто не в силах запретить мне войти в мой собственный кабинет.

— Сэр, главный инспектор приказал...

— К черту главного инспектора! Если вы не уберетесь с дороги, я переломаю вам все кости, Бог свидетель, я это сделаю.

Марджери Френч улыбнулась и тихо произнесла:

— А вот и Патрик.

Коридор почти полностью заполнял человек в пиджаке из плотного твида с массивными руками. Сержант был прижат к двери с надписью «Художественный отдел. Входить строго».

настрога запрещено, какой бы у вас ни был повод» так, будто его распяли. Объявление, по всей видимости, было написано не для огромного человека в твидовом костюме, который как бык бросался на дверь, извергая угрозы. К счастью для сержанта, появление Генри на некоторое время отвлекло буюна. Он обернулся, чтобы отразить новую атаку с фланга, и рывкнул:

— А вы кто такой, черт бы вас побрал?

— Главный инспектор Тиббет, — представился Генри. — А вы, полагаю, Патрик Уолш.

— Правильно полагаете. А теперь не будете ли вы так добры сказать своему кретину, чтобы он убрался с дороги и дал мне войти в кабинет?

— Нет, — ответил Генри. Повисла напряженная пауза, воздух между ними будто наэлектризовался. — Здесь произошло убийство. Вы не согласитесь пройти в кабинет мисс Френч и поговорить как разумные люди?

— Убийство? — Весь гнев Патрика испарился, и он застыл, свесив огромные руки по швам. — Почему мне об этом не сказали? Кто?

— Хелен Пэнкгерст, — сообщил ему Генри, — была отравлена прошлой ночью. Она умерла после того, как вы все ушли.

Внезапно Патрик разрыдался самым постыдным образом. Он оперся на стену и плакал с подлинно кельтским отчаянием.

— Хелен, моя милая. Хелен, моя красавица. Это неправда... Хелен...

— Патрик! — Голос Марджери Френч прозвучал резко и холодно, как удар бритвы. Патрик тут же замолчал. — Возьми себя в руки, Патрик, дорогой, и пойдем ко мне в кабинет, — мягко продолжила она.

Покорно, как ягненок, Патрик последовал за ней. Сержант вытер пот со лба.

— Не смог остановить его, сэр, — печально признался он. — Он с ревом поднялся по лестнице, как какой-то бульдозер. Два констебля повисли на нем, но он сбросил их, как надоедливых мух. Извините, сэр.

— Все в порядке, — отозвался Генри. — Я с ним разберусь.

— С удовольствием на это посмотрел бы, — пробурчал сержант и добавил: — А я ведь вас предупреждал.

Марджери Френч вышла из кабинета и сообщила Генри:

— Если понадобится вам, инспектор, то я этажом выше, в кабинете мистера Горинга. — С этими словами она скрылась на лестнице, оставив после себя шлейф дорогих духов. Генри зашел в кабинет и закрыл дверь.

Патрик Уолш сумел взять себя в руки. Его лицо выглядело еще более красным, чем обычно, но он немного успокоился. Сейчас он стоял спиной к двери, у окна, и смотрел на мокрую дорогу внизу. Он не оглянулся, не пошевелился, когда Генри вошел.

Генри кашлянул.

— Мистер Уолш? — произнес он официальным тоном. — Боюсь, я вынужден просить вас дать показания.

Патрик медленно отвернулся от окна и подошел к столу. Он тяжело упал в кресло, провел огромной ладонью по лицу и произнес:

— Извините.

— Вас можно понять. Должно быть, это было потрясением для вас.

— Потрясение, да.

— Вы можете рассказать мне, что произошло тут вчера вечером?

— Вчера вечером? — Патрик, кажется, начал оживать. — Вчера вечером тут была неплохая драка.

— Драка?

— Тереза хотела использовать шифон от Монье и обрезать снимок Майкла так, чтобы осталась одна шляпа, и Марджери...

— Вы сказали, что здесь была драка...

— Это одна из. А потом этот разворот Бальмен. Марджери решила, что мы должны показать как минимум три платья, но я не собирался позволить...

Генри вздохнул:

— Вы называете драками обсуждения того, какие снимки использовать?

— Разумеется. — Патрик выглядел удивленным. — А из-за чего тут еще драться?

— Когда вы видели мисс Пэнкгерст в последний раз?

— Я ее не видел за весь вечер ни разу. В последний раз я видел ее в обеденный перерыв, я водил ее поест, ей это было нужно, бедной девочке.

— Почему вы так говорите?

— Почему я так говорю? — Патрик опять приходил в воинственное настроение. — Я говорю как хочу, и не позволю ни одной скотине говорить гадости о Хелен теперь, когда бедная девочка умерла.

— А кто говорил о ней гадости?

Патрик набычился и с подозрением посмотрел на Генри.

— Никто, — ответил он, — ни единая душа.

— Вам самому нравилась Хелен?

— Я обожал ее, — коротко ответил Патрик.

— Вы знаете кого-то, кому бы она не нравилась?

Повисла пауза. В конце концов Патрик отрезал:

— Нет.

— Вы уверены, мистер Уолш?

— Уверен? Разумеется, я уверен! Уверен, черт бы меня побрал! Все ее любили!

— Включая Майкла Хили и Терезу Мэннерс? — мягко поинтересовался Генри.

Патрик вскочил на ноги.

— Что там они болтают? — закричал он. — Какой грязный ублюдок вбил вам это в голову? Я знаю. Я представляю. Это неправда, ясно вам? В этой грязной болтовне нет ни слова правды. Убей меня Бог, если это не так!

— Не представляю, о чем вы говорите, — не вполне искренне отозвался Генри. — Я просто спросил вас, хорошо ли Майкл Хили и Тереза Мэннерс относились к Хелен, и все.

— Это не все, и вы прекрасно знаете! — завопил Патрик. — Я вам больше ни слова не скажу, и вы меня не заставите!

— Хорошо, — кивнул Генри, — тогда давайте поговорим о чем-нибудь другом. К примеру, о цианиде. Я полагаю, вы знаете, где он хранится.

— Я знаю, где стоит шкафчик с химикатами.

— Покажете мне?

— С удовольствием.

Патрик провел Генри из кабинета Марджери в свой через соединявшую оба помещения дверь. Его художественный отдел представлял собой большую светлую комнату, заставленную мольбертами и в изобилии украшенную макетами страниц, образцами шрифтов и черно-белыми копиями снимков.

— Все эти комнаты сообщаются, — объяснил Патрик, — из студии можно пройти в фотолабораторию, а потом, через художественный отдел, в кабинет Марджери в углу здания. А оттуда можно попасть в кабинет Хелен, потом в логово Терезы и отдел моды. Разумеется, у нас у всех есть двери в коридор, но таким образом мы можем запереться от всех этих насекомых и иметь дело только с нужными людьми.

Он открыл дверь в дальней стене комнаты.

— Фотолаборатория, — объявил он.

Входя в мрачный, темный коридорчик, который вел в лабораторию, Генри почувствовал запах химикатов. Патрик включил тусклую лампочку, и инспектор увидел, что они находятся в маленькой комнате, вдоль стен которой стояли шкафы. Здесь было три двери: одна из художественного отдела, через которую они только что прошли, вторая вела налево, в коридор, а за третьей, скрытой за толстой шторой, по всей видимости, скрывалась собственно фотолаборатория. У четвертой стены была раковина, в которой все еще лежали проявленные снимки, а на полу рядом с ней стоял электрический чайник.

Патрик взмахнул рукой.

— Это кладовка, — сказал он, — все хранится здесь: бумага, химикаты, все такое. Не спрашивайте, где именно хранится цианид, я не имею ни малейшего понятия.

Генри не потребовалось много времени, чтобы его обнаружить. Все шкафы, как оказалось, были незаперты, большую их часть заполняли блестящие желтые коробки с фотобумагой. Один тем не менее был заставлен бутылками тёмно-коричневого стекла и бумажными пакетами. Среди них выделялась бутылка, на этикетке которой красным было написано «Цианид. Яд». Она была пуста.

— Я вынужден забрать ее, чтобы снять отпечатки пальцев, — сказал Генри.

Патрик пожал плечами:

— Она пустая, так что у меня нет никаких возражений. Думаю, где-то тут должно быть еще.

Генри перевел взгляд на чемоданы в углу маленькой комнатки.

— Чьи они? — поинтересовался он.

— Терезы и Майкла, — ответил Патрик, — они вчера вернулись из Парижа.

Он, по всей видимости, утратил интерес к беседе. Неожиданно он раздраженно проговорил:

— Ладно, мы не можем весь день вот так болтаться. У меня много дел. Когда можно будет начать работу?

— Очень скоро, — сказал Генри, — вы не согласитесь вернуться на минутку в кабинет мисс Френч?

Патрик не ответил, но молча провел Генри обратно в кабинет главного редактора.

Генри спросил:

— Вы могли бы узнать термос мисс Пэнкгерст с виду?

— Разумеется, все бы узнали. Такова была своего рода традиция — с этой жуткого вида штуковиной Хелен не расставалась в ночь перед парижским выпуском.

— Вы видели, что термос остался без присмотра вчера вечером?

— Он весь вечер простоял в кладовке, — прямо ответил Патрик. — Думаю, Эрни налил Хелен свежего чая, а потом забыл отнести термос. — Он грустно улыбнулся Генри. — Мы все под подозрением, мы все время входили и выходили оттуда, и любой из нас мог подсыпать цианид в термос. — Он помолчал. — И пожалуйста, не оскорбляйте меня вопросом «Откуда вы знаете, что ее отравили цианидом, мистер Уолш?». Вы с тем же успехом могли прямо сказать мне.

— Согласен, — отозвался Генри, — а теперь расскажите мне о вечеринке в доме мистера Горинга.

Патрик фыркнул:

— Чего там рассказывать? Дурацкая идея, если вас интересует мое мнение. Я бы сбежал, если б мог. Не в моем стиле развлекаться, прихлебывая шампанское в компании голубых и хамов-выскочек.

— Что или кого вы имеете в виду?

— Николаса Найта и Хораса Барри, — бросил Патрик с нескрываемым отвращением. — Не знаю, кого из них я презираю больше. Годфри, может быть, и вынужден быть с ними вежливым во имя великого бога рекламы, которому он поклоняется, но я не понимаю, почему мы должны подвергаться такому...

— Просто расскажите мне, что случилось.

— Я уже сказал. Ничего. Мы выпили по бокалу шампанского и поучаствовали в отвратительной светской беседе, в течение которой пытались по возможности обходить скользкие темы. Потом я понял, что с меня хватит, и Майкл тоже, и мы хорошенько нахамили Найту и Барри, разумеется, не прямо в лицо. Вы не поверите, каким грубым я иногда бываю, инспектор.

— Почему же...

— В любом случае вскоре они поняли, что достаточно нас наслушались, и уехали, прихватив с собой Рейчел Филд. Остальные...

— Что вы имеете в виду под скользкими темами?

— Ничего из того, что могло бы вас заинтересовать.

— Я многим интересуюсь.

— Только не этим.

— Я бы предпочел, если бы вы мне рассказали.

Неожиданно Патрик снова разозлился.

— Будь я проклят, если расскажу вам это, чертова ищейка, — рявкнул он. — Почему бы вам не заняться поиском того, кто убил милую девочку, вместо того чтобы ошиваться здесь и лезть в личную жизнь других?

Генри вздохнул.

— Поговорим позже, — произнес он, — когда вы будете вести себя более разумно.

— Разумно! — взревел Патрик. — Из всех в этом сумасшедшем доме я самый разумный.

— Пожалуйста, покиньте помещение, — раздельно произнес Генри. Он начинал сочувствовать сержанту.

— Так и сделаю, — ответил Патрик. Он удалился в художественный отдел, хлопнув за собой дверь.

Генри со смешанными чувствами проводил его взглядом, а затем поднялся по лестнице на шестой этаж.

Очевидно, эта часть здания была отведена бизнесу, если понимать его как антоним творчества, царившего этажом ниже. Здесь тоже был ковер, но мрачный темно-синий. Надпись на двери, перед которой оказался Генри, гласила: «Генеральный директор». Дверь над кабинетом Марджери украшала маленькая табличка, на которой при помощи трафарета было написано «Вход воспрещен». Генри заключил, что это и был на самом деле кабинет Горинга. Прочие двери относились к кабинетам директора по рекламе, главного бухгалтера и директора по персоналу. Атмосфера на шестом этаже царила сугубо мужская. Генри сравнил ее с той, которая характеризовала пятый этаж, и еще больше зауважал Марджери Френч. Она, очевидно, чувствовала себя как дома в обоих мирах. Генри прошел прямо к двери, обозначенной «Вход воспрещен», постучал и прошел внутрь, не дожидаясь ответа.

Годфри Горинг и Марджери Френч стояли у окна, спиной к двери. На их лицах, когда они оба резко повернулись к Генри, застыло выражение людей, которых прервали в разгар важного и личного разговора, и теперь они пытаются понять, не подслушали ли их. Генри подумал, что Марджери Френч выглядит потрясенной.

Вывод, однако, оказался ошибочным. Оба за долю секунды овладели собой, и Марджери сказала:

— Годфри, это главный инспектор Тиббет. Инспектор, мистер Горинг, наш генеральный директор.

Горинг приблизился к Генри, протягивая руку.

— Мой дорогой инспектор...

Он выглядел очень встревоженным, что неудивительно, но при этом излучал уверенность, как деловой человек, которому приходилось сталкиваться в свое время и с более сложными обстоятельствами.

— Марджери рассказала мне об этой ужасной истории. Я понимаю, что нам нужно... — он исправился, — что вам для эффективной работы нужна полная свобода действий. Знайте, что мы готовы оказать вам любую помощь, какая в наших силах. Тем не менее я бы попросил вас устроить так, чтобы работа редакции могла возобновиться как можно скорее. Мы довольно занятые люди, знаете ли.

— Конечно, — сказал Генри. — Но есть моменты, которые мне хотелось бы обсудить с вами. Боюсь, кабинет мисс Пэнкгерст придется на время опечатать, но если бы мисс Френч согласилась зайти туда со мной, она могла бы забрать бумаги, необходимые для парижского номера. Кроме того, мне придется на какое-то время опечатать кладовку в фотолаборатории. Как только это будет сделано, ваши сотрудники приступят к работе. Мисс Френч была так добра, что пообещала предоставить мне помещение, где я мог бы поговорить с вашими сотрудниками.

Горинг кивнул.

— Очень приятно иметь дело с деловым человеком, — произнес он с довольно натянутой улыбкой.

— Вы будете здесь через час или немного позже? — поинтересовался Генри. — Я бы очень хотел побеседовать с вами.

— Не беспокойтесь, инспектор, я не сбегу. — В голосе Горинга не слышалось ни иронии, ни враждебности.

— Хорошо, — с удовлетворением произнес Генри. — Тогда увидимся позже. Вы не согласитесь спуститься со мной, мисс Френч?

В кабинете Хелен было все так же душно, и он являл собой все то же зрелище, но на сей раз Марджери не проявила ни малейшей слабости. Она быстро и со знанием дела просмотрела кипы бумаг и наконец сказала:

— Все. Я собрала все, что мне нужно.

— Замечательно. Так где я могу устроить свой штаб?

— За отделом моды есть пустой кабинет, — ответила Марджери, — я провожу вас.

Комната, куда она отвела Генри, оказалась маленькой и невзрачной, с линолеумом на полу и небольшим окном, выходящим на захламленный двор.

— Довольно убого, но здесь вас никто не побеспокоит, — коротко заметила Марджери, — можете пользоваться телефоном, чтобы вызывать тех, с кем вам захочется поговорить. На столе список внутренних номеров. Если понадобится, я у себя в кабинете.

Генри опустил за стол и принялся изучать сделанные за утро записи. Затем он позвонил вниз сержанту, сообщил ему, что сотрудников редакции можно выпустить из временного заточения, и попросил прислать к нему в кабинет Эрнеста Дженкинса.

— Не уверен, что он уже пришел, — отозвался сержант, — сейчас проверю. Говорите, остальных можно выпустить?

— Верно.

— Господи, — очень мрачно проговорил сержант. — Вы себе не представляете, сэр. Вы просто себе не представляете.

Через некоторое время Генри услышал нарастающий шум голосов. Он напоминал прилив и состоял в основном из высоких женских голосов: возгласов, взвизгиваний, хихиканья и громких реплик. Звуки становились все громче и громче, пока не разделились на несколько потоков, вливавшихся в кабинеты. Основным источником шума был, по всей видимости, отдел моды за стеной. Поскольку Эрнест Дженкинс не появлялся, Генри решил выйти в коридор.

Первой, кого он встретил, оказалась племянница его жены — Вероника Спенс. Она как раз заходила в отдел моды в компании миниатюрной, поразительно красивой девушки в сером фланелевом костюме, который (разумеется, Генри этого не знал) был очень хорошей копией костюма от Баленсиага. Девушки оживленно болтали. Вероника то и дело повторяла:

— Господи, Бет! Это правда, что ли?! Нет, этого не может быть! Нет, правда? Господи!

— Вероника! — громко окликнул ее Генри.

Вероника резко повернулась.

— Дядя Генри! — воскликнула она. — Господи, Бет, наверное, это правда! Я хочу сказать, что дяди Генри здесь бы не было, если это неправда! Ведь так, лапочка? — добавила она и бросилась на шею Генри. — Господи, так ужасно было сидеть там, внизу, под замком. Господи, я так рада тебя видеть!

Генри решительно убрал руки Вероники со своей шеи. Теперь коридор был полон таких элегантных женщин, каких Генри не приходилось видеть. Разве что — пришло ему в голову — на страницах «Стиля». Все они пытались громко разговаривать одновременно.

— Меня не интересует, что говорит Дядюшка. Эти макеты...

— Хелен! Кто бы мог подумать! Я всегда считала...

— Нас всех будут допрашивать и пытаться очаровательные полицейские...

— Что полагается надевать на допрос с пристрастием? Я думаю, хорошо одетая подозреваемая должна...

— Я прошу всего-навсего фиолетовый «ягуар» и двух ирландских волкодавов и чтобы их доставили к Хем-Хаусу сегодня после обеда. Неужели это так сложно?

— Нэнси в белом, с длинными нефритовыми бусами, а Ронни в...

— Кто теперь будет писать комментарии к фотографиям? Мы с Хелен должны были...

— Ну, если Тереза так к этому относится, видимо, мне надо вернуться на Поланд-стрит. Как она думает, я должен...

— Дорогой, мне жаль, но я не собираюсь убивать снимок с норкой. Я сказала Дядюшке...

— Хелен! Нет, если бы выяснилось...

Не успев перевести дыхание, Вероника сообщила:

— Бет, дорогая, это мой дядя, Генри Тиббет.

Резче, чем собирался, Генри поинтересовался у нее:

— Ронни, что ты здесь делаешь?

— Работаю, разумеется, — ответила она. — У меня повторная съемка с мисс Мэннерс, а потом хлопковые платья для молодежного раздела с Бет. Это Бет Конноли, редактор молодежного раздела.

— Здравствуйте, мистер Тиббет, — вступила в разговор Бет, сморщив свой крохотный носик. Генри счел, что она похожа на куклу. — Боюсь, вы навестили нас в неподходящий день. Сегодня тут еще больший хаос, чем обычно.

Она очаровательно улыбнулась, и Генри помрачнел. Будет очень нелегко вести серьезное расследование среди этих бестолковых детей, какими бы очаровательными они ни были. Как раз в тот момент, когда ему в голову пришла эта мысль, Бет Конноли отвернулась и холодно обратилась к высокой блондинке:

— Мэрилин, я хочу, чтобы вы немедленно позвонили в «Барримода» и отказались от белого кружева. Пошлите курьера к Гарделлу забрать голубой шелк под номером восемьсот семьдесят два и достаньте мне много золотых браслетов и речной жемчуг. Мистер Говард из «Мейфэр джуэлс» в курсе, я говорила с ним. Еще нам нужны лаковые синие туфли на шпильке размера Вероники. Потом скажите в студии, что мы начнем только после обеда, и добейтесь, чтобы Майкл Хили бы свободен в это время. Если не получится, договоритесь с ним на самое ближайшее время, и пусть модели будут готовы. — Она вновь повернулась к Генри. — Мне очень неудобно, но срочно нужно было поговорить с моим секретарем. Всю сегодняшнюю фотосессию придется пересматривать из-за Парижа.

Генри стало стыдно за свои мысли. Эта девушка, несмотря на юный возраст, была настоящим специалистом в своей области и совершенно точно не была бестолковым ребенком. Он спросил:

— Могу я на пару минут отвлечь Веронику?

— Разумеется. Она не понадобится мне до полудня.

— Спасибо.

Бет вновь улыбнулась и зашла в отдел моды.

Генри и его племянница сидели лицом друг к другу по обе стороны стола в невзрачном кабинете.

— Ты последний человек, кого я ожидал здесь встретить.

— Почему? Я в последнее время много работаю для «Стиля». Дядя Генри, это действительно правда, что она умерла?

— Боюсь, что да.

— Ее убили? — Глаза Вероники увеличились до размера блюдца.

— Мы пока еще не до конца уверены, — дипломатично ответил Генри. — Кстати, Ронни, ты можешь мне кое в чем помочь.

— Правда?

— Ты хорошо знаешь всех сотрудников?

— Не всех. Я никогда не видела мисс Пэнкгерст — все говорят, она была тем еще тираном. С другой стороны, то же самое говорили о мисс Филд, а она оказалась довольно милой. Я хорошо знаю только Бет, мисс Мэннерс и Майкла.

— Майкла Хили — фотографа?

— Верно. Мы все вместе были в Париже. Только вчера вернулись. Ой да, еще я более или менее знаю Дядюшку. Его все знают.

— Кто это?

— Патрик Уолш, художественный редактор. Он лапочка. Все называют его Дядюшкой, но не в лицо, конечно. Он рычит на людей, — добавила Вероника.

— Я в курсе, — с нажимом ответил Генри. — А его помощника, Доналда Маккея, ты знаешь?

Вероника, к удивлению Генри, покраснела.

— Да, — произнесла она и принялась изучать острые носы своих туфель с большим вниманием, чем они того заслуживали.

— А что насчет...

Зазвонил телефон. Генри взял трубку.

— Эрнест Дженкинс здесь, — устало сообщил сержант.

— Хорошо, — ответил Генри, — пусть поднимается ко мне.

Он положил трубку и повернулся к Веронике:

— Я хочу поговорить с мальчиком прямо сейчас. Тебе лучше уйти. Увидимся позже.

— Могу я выйти из здания?

— Разумеется. Но ты же должна вернуться к двенадцати? У тебя ведь съемки?

— Нет, раньше. К половине двенадцатого. Мне нужно накраситься.

— Ты и так достаточно накрашена, — сухо прокомментировал Генри.

Вероника с жалостью улыбнулась.

— Все девушки в Париже, — пояснила она, — ходят с мертвенно-бледными лицами, густо подведенными глазами и коричневыми губами с черным контуром. Я привезла с собой новую помаду.

— Звучит ужасно.

— Это поразительно. Подожди, и ты увидишь.

— Если ты думаешь, что это сделает тебя более привлекательной для... — начал Генри, но тут же понял, что поддался искушению почитать мораль с позиции мудрого дядюшки, и пожалел об этом. В любом случае у него не было возможности продолжить, поскольку как раз в этот момент в коридоре началось что-то жуткое. Форменный сумасшедший дом.

Начало безобразий возвестил резкий стук в дверь. Прежде чем Генри успел сказать «Войдите!», загремел голос Патрика:

— Олвен! Какого черта ты собираешься делать?

— Это Дядюшка, — сообщила Вероника.

— Я в курсе, — мрачно отозвался Генри.

Низкий женский голос с валлийским акцентом произнес:

— Я хочу поговорить с инспектором...

— Ты этого не сделаешь, черт бы тебя побрал!

— Входите! — громко крикнул Генри.

Дверь слегка приоткрылась, но ее тут же захлопнули снаружи под аккомпанемент звуков борьбы.

— Отпусти меня, ты, скотина! — Теперь девушка тоже кричала, и казалось, она вот-вот расплчется. — Отпусти меня! Я все равно туда зайду!

— Ты не понимаешь, что делаешь, идиотка!

— Ну нет, я все понимаю. Это ты...

— Ты будешь меня слушать, безмозглая девчонка!

— Мне больно!

Дверь опять начала открываться, и опять ее захлопнули. Теперь, что неудивительно, начали открываться и другие двери, и коридор наполнился голосами: сердитыми, истеричными, рассудительными.

— Думаю, — сказал Генри Веронике, — мне стоит взглянуть, что там творится. Ты сиди здесь.

Он взялся за ручку, повернул ее и потянул так сильно, как только мог. Вес Генри смог преодолеть силу Патрика. Дверь распахнулась, и Олвен Пайпер в прямом смысле упала к ногам Генри. Над ней, все еще сжимая ее руку, нависал огромный рассерженный Патрик. За ним коридор заполняли лица и шум голосов, из которых слух Генри смог вычленить высокий женский голос, без умолку повторявший:

— Я этого не вынесу! Останови ее, Дядюшка! Я этого не вынесу!

Второй голос, который можно было различить, принадлежал молодому человеку с сильным акцентом кокни. Он твердил:

— Сержант велел мне подниматься. Говорю, он велел мне подниматься. Говорю...

— Тихо, тихо! — проговорил Генри тоном полицейского. — Что тут творится?

— Я пытаюсь остановить эту полоумную девицу, чтобы она не выставила себя полной дурой, вот и все.

— Я бы предпочел, чтобы вы не вмешивались, — сказал Генри, помогая Олвен подняться на ноги. — Вы, должно быть, мисс Пайпер, редактор статей?

— Да, — ответила она, как будто защищаясь.

Генри посмотрел на нее. Он увидел то же честное юное лицо, те же самые очки, слегка, правда, съехавшие набок в пылу борьбы, ту же коренастую фигуру и то же отсутствие стиля, которые так болезненно восприняла вчера Марджери Френч. Еще он заметил, что Олвен недавно плакала и определенно скоро расплачется снова.

Она вцепилась ему в руку.

— Вы должны позволить мне все вам рассказать, инспектор, — сказала она.

— Разумеется, вы можете мне все рассказать.

— Олвен, — вмешался Патрик, — предупреждаю, если ты скажешь...

— Мистер Уолш, — поинтересовался Генри, — почему вы думаете, что знаете, что именно хочет рассказать мне мисс Пайпер?

— Нетрудно догадаться.

— И что же это?

— Гнусное вранье!

— Нет! — закричала Олвен. — Это не вранье!

— Ты не понимаешь...

— Я сейчас поговорю с мисс Пайпер, — решительно сказал Генри. — Мистер Уолш, если вы немедленно не уйдете, я позову своих людей, и вас выведут силой. Эрнест Дженкинс здесь?

— Я тут, — пискнул кто-то с акцентом кокни. — Сержант сказал мне...

— Знаю, — ответил Генри. — Мне жаль, но я вынужден буду принять вас позже. Подождите в фотолaborатории, я вас вызову. А теперь — все остальные — очистите коридор!

Секунду Патрик рассматривал Генри с таким видом, что тот начал всерьез ожидать нападения. Тем не менее его не последовало. Патрик поднял голову, бросив:

— Не говори потом, что я тебя не предупреждал. — Развернулся и пошел по коридору назад.

Все остальные молча, опустив глаза, разошлись по своим кабинетам.

Генри вернулся к себе.

— Ронни... — начал он, но его племянница уже ушла.

Глава 4

Олвен Пайпер опустилась в кресло напротив Генри и разрыдалась. Тот, жалея ее, протянул ей носовой платок. Она яростно помотала головой, отказываясь, и вытащила из не слишком новой сумки свой собственный. Она громко высморкалась и проговорила:

— Простите, мне страшно неудобно.

— Все в порядке, — успокоил ее Генри, — вы в силах разговаривать сейчас?

— Да, — неуверенно ответила Олвен.

Повисла пауза.

— Наверное, это было для вас ужасным потрясением, — продолжил Генри. — Вы ведь снимали квартиру вместе с Хелен Пэнкгерст?

Олвен молча кивнула.

— Вы с ней хорошо ладили?

— Да. Ну... в основном...

— Не всегда?

— С тех пор как Майкл... — проговорила Олвен и снова разрыдалась.

— Почему вы так хотели поговорить со мной? Что хотели мне сообщить?

Услышав в ответ лишь всхлипывания и шмыганья носом, Генри заявил:

— Послушайте мисс Пайпер, я могу сказать вам, что знаю все о романе Хелен и Майкла Хили.

Олвен поразились — она явно ничего подобного не ожидала. Девушка перестала плакать и большими глазами уставилась на Генри:

— Все? Откуда?

— Не важно. Важно то, что я об этом знаю. Чего я не знаю, так это имеет этот роман отношение к ее смерти или нет. Вы можете мне тут помочь?

— Разумеется, имеет, — почти выкрикнула Олвен. — Он убил ее! Он все равно что своими руками ее убил!

— Что вы имеете в виду?

— Просто он вел себя как последняя свинья, а Хелен была в отчаянии. Вот почему она это сделала. Я слышала, как она говорила, что убьет себя...

— Мисс Пайпер, — перебил ее Генри, — мы почти убеждены, что ваша подруга Хелен не покончила с собой. Она была убита.

— Убита? — Голос Олвен дрогнул. — Нет. Нет, не может быть. Зачем кому-то убивать Хелен?

— Именно это мне и хотелось бы знать. А теперь, пожалуйста, расскажите мне все, что знаете о Хелен и Майкле Хили.

— Все началось примерно полгода назад. Хелен стала куда-то отлучаться по вечерам и ничего мне не говорила. Раньше она никогда так не делала. Разумеется, я часто бываю по работе в театре, так что не сразу заметила. Но потом становилось все хуже и хуже... Я... я очень расстраивалась. Знаете, я ею так восхищалась, и мы всегда так дружили...

— Она ведь была старше вас. Верно?

— О да. Больше, чем на десять лет... Но это ничего не значило, по крайней мере мне так казалось. Она была поразительным человеком... Пока все это не началось...

— Когда она познакомилась с Майклом Хили?

— Видите ли, — ответила Олвен, — они с Майклом знакомы уже много лет — задолго до того, как мы с ней познакомились. Когда я начала расспрашивать Хелен, куда она ходит вечерами, она отвечала, что ужинает с Майклом и его женой. И, несмотря на то что я чувствовала себя брошенной, мне и в голову не приходило ничего подозревать. Я просто сердилась на них за то, что они отдалили ее от меня. А потом однажды вечером, когда Хелен якобы ужинала у них дома, я встретила Терезу с компанией друзей в театре. Тогда я сразу поняла, что Хелен где-то с Майклом. — Олвен шмыгнула носом. — Когда она пришла домой, я, словно бы невзначай вспомнив о Терезе, спросила, как у нее дела. Хелен ответила: «О, у нее все прекрасно. Она приготовила нам замечательный ужин». Я спросила, что они делали, и Хелен ответила: «Да ничего, мы просто ужинали и разговаривали все втроем». Ужасно! Она так естественно держалась... И тогда я поняла, что она лжет мне уже несколько месяцев.

— А миссис Хили — мисс Мэннерс — знала, что происходит?

— Я... Я не знаю. Иногда мне казалось, что она не может не знать. А потом я видела, как они разговаривают в редакции, и не могла поверить, что... — Олвен опять высморкалась. — Вы не представляете, каким замечательным человеком была Хелен, инспектор! Если она не оставила записки, то только потому, что не хотела расстраивать Терезу.

— У меня ощущение, — мягко заметил Генри, — что источником всех слухов о романе Хелен и Майкла, которые ходили по редакции, вполне могли быть вы.

Олвен не предприняла попытки это опровергнуть.

— Почему бы и нет? — ответила она. — Я была уверена, что Тереза должна обо всем узнать и положить этому конец. Но думаю, она так и не узнала. Не могла же я пойти и просто рассказать ей. В любом случае все это сейчас не важно. Вы даже не представляете, какой это был ад...

— Что именно?

— Видеть Хелен такой несчастной, в таком отчаянии на протяжении целого месяца. Майклу она начала надоедать. Я поняла, что именно в этом все и дело. А потом... ну, я знала, что так и случится.

Генри заметил, что Олвен отбросила его слова об убийстве, как не имеющие никакого значения. Он задумался, могло ли это все-таки оказаться самоубийством. Марджери Френч так не думала. И кроме ее мнения, существовал ряд улик, говоривших в пользу убийства. Если даже в конце концов выяснится, что это самоубийство, все и вполнину не так просто, как кажется. Он вдруг осознал, что Олвен опять заговорила.

— Я еще не рассказала самого худшего, — произнесла она, — но это, разумеется, врач выяснит. Вы уже, наверное, знаете?

— Хотите сказать, — перебил ее Генри, — что Хелен была беременна?

Олвен с несчастным видом молча кивнула.

— Кому-нибудь еще известно об этом?

— Да.

— Кому?

— Не имею понятия. Не Майклу. То есть она, должно быть, сказала ему, разумеется, но она рассказала еще кому-то. А мне не сказала. — Она обиженно повторила: — Почему она мне не сказала?

— Откуда вы об этом знаете?

— Вчера, — начала Олвен, — Хелен рано ушла из редакции — сразу после обеда, ей же предстояло всю ночь работать. Я зашла домой переодеться, чтобы идти в театр где-то около половины седьмого, и услышала, как она беседует с кем-то по телефону. Я услышала: «Доктор считает, это точно. Не представляю, что мне делать. Он от нее никогда не уйдет, ты же знаешь это не хуже, чем я. Честно говоря, я хочу умереть». Потом она, услышав мои шаги, сказала: «Я не могу сейчас говорить. Пока». И положила трубку. Когда я вошла, то попыталась... Хочу сказать, я спросила, все ли с ней в порядке, а она просто улыбнулась в ответ: «В порядке, за исключением моей проклятой простуды». Потом она ушла в редакцию, и следующее, что я услышала...

Стараясь предотвратить новый поток слез, который, очевидно, был готов пролиться, Генри произнес:

— Это тогда вы видели ее в последний раз? Кажется, вы сами позже вернулись в редакцию, чтобы поработать. Разве не так?

— Да. Я даже заметила Хелен и пожелала ей доброй ночи по пути к лифту. Понимаете, дверь ее кабинета была открыта. Я не стала ее беспокоить. Никто не смел ее беспокоить, когда она работала.

— Во сколько это было?

— Честно говоря, не знаю. Поздно. Думаю, в четвертом часу. Все остальные уже ушли.

— То есть в четвертом часу она еще была жива и с ней все было в порядке. Вы не заметили термос у нее на столе?

— Нет. Я помню, что удивилась его отсутствию. Она всегда брала термос с собой, когда работала ночью.

— Как же вы добрались до дома в такое время?

— Пешком.

— Вы шли до Кенсингтона под дождем?

— Я чувствовала себя такой несчастной, — призналась Олвен. — Мне хотелось подумать. В театре было настолько интересно, что я почти забыла о Хелен и ее проблемах. А потом... Когда я ее увидела, то все сразу вспомнила. Я хотела подумать, что мне делать... как помочь ей...

— Мисс Пайпер, — спросил Генри, — как вы попали в редакцию после спектакля? Разве входная дверь не была закрыта?

— О, у меня есть собственный ключ. — Олвен порылась в сумке и извлекла на свет огромный серебряный ключ от американского замка. — Вот он. Я часто работаю поздно.

— У кого еще есть ключи?

Олвен задумалась.

— У мисс Френч, разумеется. У Терезы, Патрика и мисс Филд. И у Хелен был.

— Больше ни у кого?

— Думаю, нет.

— Что ж, — произнес Генри, — спасибо, что все это рассказали. Вы все правильно сделали. Но пока не рассказывайте больше никому.

— Разумеется.

Генри ободряюще улыбнулся:

— Представляю, как вам сейчас нелегко.

— Все будет в порядке, — ответила Олвен, — у меня много работы.

Она встала, и Генри подумал, что девушка сочетает в себе юность, ранимость и твердый характер. Олвен Пайпер была наделена кельтской эмоциональностью, но это не мешало ей оставаться сильной.

— Вот и молодец, — улыбнулся он, — попозже, может быть, сегодня вечером, я бы хотел посмотреть на вашу квартиру, если вы не против.

— Разумеется, инспектор. Во сколько?

— Не могу пока сказать. Можно вам позвонить?

— Хорошо. Я буду дома около пяти, но потом мне придется уйти в театр.

Олвен записала свой телефонный номер уверенным и аккуратным почерком и вышла, предоставив Генри возможность допросить Эрнеста Дженкинса.

Последний оказался высоким и худым юношей с резкими, выразительными чертами лица. Он весело подтвердил, что действительно является одним из лаборантов в фотолaborатории «Стиля» и прошлым вечером был на службе — помогал Майклу Хили.

— Не то чтобы мне было чем заняться, — признал он. — Мистер Хили сам печатает свои фотографии, если они важные. Он может даже и выгнать тебя из лаборатории.

Дженкинс сообщил, что налил в термос Хелен чаю около половины двенадцатого, но не отнес его в кабинет. Майкл Хили, объяснил Эрнест, рассердился из-за того, что из-за чая он оставил снимок, который редуцировал, и велел ему возвращаться к работе. Слово «редуцировать» затронуло что-то в памяти Генри.

— Это не та операция, для которой вы используете цианид?

— Верно.

— А что именно означает «редуцировать»?

— Делать отпечаток светлее, — ответил Эрнест. — Если негатив очень контрастный, то темные места на отпечатке будут слишком темными. Тогда надо его редуцировать.

— Как?

— Натереть темные места цианидом.

— Сколько было в пузырьке, когда вы его взяли?

— Больше половины, — не раздумывая ответил Эрнест.

— А как обычно вы получаете цианид для работы?

— Ну, обычно ключ у Фреда — это наш главный, мы говорим ему, что нам нужно, и расписываемся. Но это же парижский номер, понимаете.

— И у кого же был ключ?

— У мистера Хили. Но это не важно. Шкафы были открыты, и я просто взял, что мне надо.

— Он не закрыл их, когда уходил?

— Не знаю, когда он ушел. Меня отпустили около двенадцати.

— Как вы вышли из здания? У вас есть ключ?

— У меня? Да вы что! Но это просто. Там замок, который можно открыть изнутри, а потом захлопнуть снаружи — типа американского.

— Ясно, — произнес Генри, — спасибо, Эрнест. Пока все. Может быть, ты мне еще понадобишься позже.

— Я буду в лабе, начальник, ни пуха ни пера, — весело сказал Эрнест и вышел.

Оставшись в одиночестве, Генри привел в порядок свои несколько разрозненные мысли. В этом окружении людей с бешеными характерами он позволил расследованию выйти из-под контроля. Он позвонил сержанту и попросил его принести сумочку мертвой девушки. Ее, как заверил Генри сержант, эксперты тщательно осмотрели на предмет отпечатков пальцев, но, как и в случае с термосом, не было никаких свидетельств того, что к ней прикасался кто-то, кроме самой Хелен. На флаконе из-под цианида, по словам сержанта, отпечатков не было.

Содержимое сумочки Хелен оказалось не слишком информативным. Там обнаружилась позолоченная пудреница, дорогая помада, пара грязных носовых платков и столько же чистых, расческа, брелок с тремя ключами, в одном из которых Генри узнал близнеца ключа Олвен. В кошельке из свиной кожи лежало восемь фунтов и немного мелочи, корешки от театральных билетов, чек от пары туфель, несколько визитных карточек и неиспользованный билет туда-обратно из Лондона в Хиндгерст в графстве Суррей. Маленький слоновой кости футляр для визитных карточек был полон собственных визиток Хелен — точных копий таблички на двери ее кабинета. Кроме этого, в сумке нашелся небольшой ежедневник, который Генри раскрыл в надежде обнаружить какие-то зацепки, но, к его разочарованию, там оказались лишь короткие записи о назначенных деловых встречах. Тем не менее две из них привлекли его внимание: одна

месяцем раньше и другая, сделанная в последний день жизни Хелен. Обе записи состояли из одного слова «врач». Генри снова посмотрел на билет. Дата на нем совпадала с датой первого визита к врачу — в субботу. Это заслуживало более пристального внимания, но с учетом рассказа Олвен Пайпер объяснение казалось очевидным. Генри вздохнул, сложил вещи Хелен обратно в сумку и послал за Терезой Мэннерс.

Тереза спокойно вошла в кабинет, и, когда она поздоровалась, Генри узнал высокий аристократический голос, который до этого слышал в коридоре.

Даже Генри смог сразу понять, что Тереза обладала тем, что Марджери Френч называла «интуицией на модные тенденции». Только пристально рассмотрев ее, он понял, что на самом деле она не так уж и красива, поскольку впечатление производила оглушающее. Она была очень высокого роста, с фигурой модели, на ней было прямое платье из алого джерси, казавшееся самым простым из возможных, но искусно скроенное и сшитое. На шее у нее висело около десятка золотых цепочек разной длины, и одно из ее тонких запястий украшало столько же золотых браслетов. Ее крашенные светлые волосы были уложены в изысканную прическу, а макияж не имел ни единого изъяна. Ее кругловатое и чуть более полное, чем следовало бы, лицо, слишком близко посаженные глаза и низковатый лоб не бросались в глаза. Она села, положив одну изящную ножку на другую.

— Можно закурить, инспектор?

— Разумеется.

Тереза вытащила из огромной крокодиловой сумки золотой портсигар, выбрала сигарету и прикурила от золотой зажигалки. Генри подумал, что она, с точеными запястьями и щиколотками и нервными резкими движениями, похожа на чистокровную лошадь. Было заметно, что держать себя в руках стоит ей больших усилий. Генри пришло в голову, что если продолжить сравнение, то она в любой момент может закусить удила и понести.

Генри осторожно провел ее через первые препятствия. Она подтвердила то, что ему уже рассказали о предыдущем вечере: работа в редакции допоздна, приезд Горинга, приглашение, короткая вечеринка с шампанским, дорога домой. Слегка стесняясь, Тереза признала, что несколько раз заходила в фотолабораторию, чтобы поговорить с Майклом, и видела термос на столе в кладовке.

— Кстати, инспектор, — добавила она, — можем мы с Майклом забрать свои чемоданы? Без них очень неудобно. Майкл, конечно, принес домой зубную щетку, но вся моя косметика и прочее...

— Я понимаю, — ответил Генри, — да, вы можете их забрать.

— Спасибо.

Генри сделал глубокий вдох и приготовился к самой сложной части разговора. Это оказалось легче, чем он думал.

— Я понимаю, вы были в дружеских отношениях с мисс Пэнкгерст?

— Да.

— И вы, и ваш муж?

— Да, мы оба, — без колебаний ответила Тереза, а затем неожиданно добавила: — Особенно Майкл, разумеется.

Генри заинтригованно поинтересовался:

— Почему вы так говорите?

Тереза задумалась:

— Не знаю, что вам наговорила Олвен Пайпер...

Генри промолчал. Тереза продолжила, говоря очень быстро:

— Вокруг Майкла и Хелен ходило множество дурацких слухов. Некоторые из них могли дойти и до вас. Все это неправда. Максимум полуправда. Хелен была умницей, а я весьма безмозгла, это вам все скажут. У них с Майклом много общего. Они часто обедали вместе. Ходили в театр и на концерты. Все в таком роде. Может быть, слегка флиртовали. Я не знала, да и мне было все равно. Если что-то и было, то это ничего не значило ни для кого из нас. Вы понимаете, что в таком маленьком мирке, как наш, люди часто все преувеличивают. Мой брак вполне счастливый и всегда таким был. Хелен была моей подругой. — Тереза говорила короткими рваными предложениями, делая между ними паузы, напоминающие восклицательные знаки.

— Если вы так хорошо ее знали, — сказал Генри, — не могли бы рассказать мне что-нибудь о ее частной жизни и друзьях за исключением вашего мужа.

Тереза была несколько озадачена этим вопросом.

— Нет, — ответила она, — у Хелен не было друзей вне редакции, насколько я знаю. Дядюшка — я имею в виду мистера Уолша — много лет любил ее, разумеется, в своей своеобразной манере. И разумеется, Олвен обожала ее, как школьницы учительницу.

— Они, как мне кажется, стали жить в одной квартире по воле случая.

— Да, так и есть. Они оказались под одной крышей исключительно из-за того, что у Хелен было слишком доброе сердце. Олвен появилась у нас год назад, сразу после университета, в качестве помощника нашего редактора статей. Она не знала, куда пойти, у нее не было знакомых в Лондоне, а сестра Хелен, с которой они вместе снимали квартиру, вышла замуж и уехала в Австралию. Так что Хелен пожалела Олвен, вытащила ее из клоповника, в котором та жила, и выделила ей комнату у себя. Предполагалось, что это лишь временно, пока Олвен не найдет себе другое жилье — в любом случае квартира Хелен была для нее слишком дорогой. Но тут внезапно уволилась редактор статей, Олвен повысили, и с новой зарплатой она поняла, что может позволить себе вносить свою долю за квартиру. Она умоляла Хелен разрешить ей остаться... та была слишком добра, чтобы отказать, и, кроме того, обнаружила, что квартира слишком большое финансовое бремя для нее одной. Так что... вот так и вышло.

— Вам не приходило в голову, мисс Мэннерс, — неожиданно заинтересовался Генри, — что Хелен могла покончить с собой?

Воцарилась полная тишина. Очевидно, такого вопроса Тереза не ожидала и не могла понять, что тут ответить. У Генри было сильное подозрение, что ее неуверенность вызвана не сомнениями в собственной правоте, а размышлениями, какой ответ станет наиболее безопасным.

В конце концов она сказала:

— Откровенно говоря, я об этом не думала. Все были настолько уверены... — она осеклась, — но теперь, когда вы об этом заговорили, я думаю, это возможно...

— Почему вы так думаете?

— О, не знаю. Но ведь люди совершают самоубийства по самым нелепым причинам, разве нет? Если вы говорите, что она...

— Я не говорил ничего подобного. Мне интересно ваше мнение.

Тереза подняла руки и бессильно уронила их, чтобы показать свое недоумение.

— Откуда мне знать?

— Вы же были ее хорошей подругой.

— Она точно не говорила ничего, что могло бы...

— Мне уже несколько человек сказали, что в последнее время она сильно нервничала и казалась несчастной. Вы ничего подобного не заметили?

Тереза сама занервничала и выглядела теперь совершенно несчастной.

— Ну... Я думала, она немного устала, да.

— Вам не кажется, — продолжил Генри, — что ее отношения с вашим мужем могли зайти дальше, чем вы думали? И что она разрывалась между дружбой с вами и чувствами к нему?

— Да, это возможно, — твердо и с некоторым облегчением ответила Тереза. Она явно пришла к какому-то решению. — Да, чем больше я об этом думаю, чем более вероятным мне это кажется. Разумеется, это не вина Майкла. Откуда ему было это знать? Хелен была не из тех, кто легко рассказывает о своих чувствах. Но она умела очень глубоко чувствовать, и последнее время она действительно казалась расстроенной и обеспокоенной. Да, теперь, когда вы об этом сказали, я уверена: так все и было.

Генри посмотрел на нее с некоторой долей недоверия. Не в первый раз за сегодняшнее утро он ловил себя на мысли, что существует некий не слишком блестяще организованный заговор, призванный скрыть от него нежелательную информацию. Патрик со свойственной ему прямоотой и неотесанностью определенно дал это понять. Марджери Френч справилась с этим куда более изящно. Тереза Мэннерс старалась изо всех сил, но ей не хватило ни ума, ни находчивости, чтобы начать импровизировать, когда разговор принял неожиданное направление. Теперь вопрос был в том, кого из троих проще всего будет убедить рассказать правду и как это лучше всего сделать. Пока Генри решил не торопиться. В конце концов, ему еще предстоял разговор с Майклом Хили.

Эмми с некоторым беспокойством взглянула на свою очаровательную племянницу:

— Мне не нравится, что ты оказалась втянута в эту историю, Ронни.

— Дядя Генри сказал, что я могу ему помочь.

— У него не было такого права, — отрезала Эмми, — держись от всего этого подальше. Пусть он занимается убийствами, но это точно не твоя работа.

— Но, тетя Эмми, разве ты не понимаешь: все знают, что дядя Генри полицейский, и если им есть что скрывать, они никогда ему этого не покажут. А я такая дурочка, что никто и не подумает следить за словами при мне. Я смогу обнаружить много всего, что дядя Генри никогда не узнает.

— Все уже знают, что ты племянница Генри.

— Нет. Только Бет, и она пообещала никому не рассказывать. Бет просто прелесть.

— Прелесть или нет, она все равно всем расскажет, — с облегчением сказала Эмми, — так что, сама понимаешь, ты ничего толком не сумеешь сделать. И в любом случае я не позволю тебе играть в сыщика. Убийство — это не светское мероприятие, знаешь ли. Это отвратительное, грязное и очень опасное дело. Даже не представляю, что скажет твоя мать.

— Она сделает вид, что напугана, но наострит уши в ожидании самых пикантных подробностей, — с грубой прямоотой ответила Вероника. Она взглянула на часы. — Господи, мне пора идти. У меня в двенадцать фотосессия. Я найду вечером и расскажу дяде Генри, что мне удалось узнать.

— Разумеется, дорогая, мы будем рады видеть тебя, но...

— Только представь себе заголовки, — рассмеялась Вероника, — «Модель раскрывает убийство». «Мы были сбиты с толку», — признал главный инспектор Тиббет из Скотленд-Ярда».

— Ронни! — Эмми была совершенно потрясена. — Даже не думай!

— Пора бежать. Увидимся вечером.

— Ронни...

Вероника послала тетушке воздушный поцелуй.

— Посмотрим, — зловеще произнесла она на прощание.

Когда Генри завершил необходимый, но совершенно бессмысленный разговор с Альфом Сэмсоном, подтвердившим то, что он уже и так знал, часы в кабинете показывали десять минут первого. Генри набрал номер студии и наткнулся на Эрни, который ядовито сообщил, что мистер Хили занят на фотосессии и его нельзя беспокоить.

— Хорошо, — миролюбиво ответил Генри, — тогда я подойду в студию.

— Посторонним вход воспрещен, — твердо сказал Эрни.

— Я не посетитель, — отрезал Генри, — если вы не согласны, обсудите это с мистером Горингом.

Имя такого серьезного человека произвело немедленный эффект.

— Ну ладно, — согласился Эрни, но добавил: — Мистеру Хили это не понравится, я знаю, что говорю.

— Тем хуже для него. — Генри положил трубку и направился в студию.

Студия оказалась огромным, напоминающим ангар помещением с высоким потолком. Эта часть здания была полностью перестроена для удобства фотографов. Лампы, экраны, провода и трансформаторы весьма затрудняли путь к ней. Внутри царил тишина, как в церкви, и требовалась недюжинная смелость, чтобы ее нарушить.

В помещении царил темнота, за исключением одного ярко освещенного угла, где девушка, в которой Генри не без труда узнал свою племянницу Веронику, стояла в ярко-белом до боли в глазах круге перед экраном из мятой серебристой фольги. Ее загорелое, цвета меда лицо покрывал толстый слой светлой пудры, а глаза были густо подведены темно-коричневым. В полном соответствии со своей угрозой она обвела тем же карандашом накрашенные бежево-коричневой помадой губы. На ней было длинное облегающее черное платье и бриллианты. Выглядела она минимум лет на десять старше, чем на самом деле. Но поразило Генри то, что в правой руке она держала конец тонкой цепочки, прикрепленной к ошейнику большого и выглядящего очень опасным гепарда, который обнюхивал и царапал когтями пол, находясь явно не в лучшем расположении духа.

Перед Вероникой сосредоточенно склонился за установленным на штативе фотоаппаратом высокий стройный мужчина без пиджака. В полумраке комнаты Генри смог различить еще двоих — Бет Конноли и Терезу Мэннерс.

Не поднимая глаз от фотоаппарата, худой мужчина спросил:

— Что со светом, Эрни?

Эрни выскочил из темноты с небольшим экспонометром в руках. Без особой охоты он подошел к Веронике и гепарду и поднес экспонометр чуть ли не к носу Вероники.

— Сто на пять и шесть, — ответил он.

— А гепард?

Эрни неуверенно вытянул руку и проехался экспонометром по носу зверя. Тому это определенно не понравилось, он сел на задние лапы и издал жуткий рык. Эрни отпрыгнул назад, в темноту, а Тереза тихонько взвизгнула. Вероника не двигалась, как будто происходящее ее совсем не взволновало. Фотограф раздраженно выпрямился и заметил Генри.

— Вот и вы наконец, — раздраженно бросил он. — Бога ради, сделайте что-нибудь со своей зверюгой.

— Но...

— Сделайте так, чтобы она встала и пошла на камеру.

— Я не...

— Эрни! — рявкнул Майкл. — Сделай так, чтобы эта чертова скотина встала и пошла на камеру!

— Мистер Хили, я не хочу... — послышался жалобный писк из темноты.

— Ну же, лапочка, пошли, — проворковала Вероника. Не меняя позы, она осторожно ткнула гепарда в филейную часть острым носком шелковой туфли без задника. Зверь перекатился на спину и принялся мурлыкать.

— Замечательно! — воскликнул Майкл. — Вот так! Слегка улыбнись, Вероника! Голову чуть влево... вот так! Прекрасно! Замечательно! А теперь еще раз пни зверюгу! — Фотоаппарат щелкал, как пишущая машинка.

Вероника снова вытянула ногу и еле заметно толкнула животное, словно желая узнать, что будет. На этот раз гепард, которому, по всей видимости, было скучно и жарко под софитами, попросту заснул.

— Он спит, — пояснила Вероника.

— Ничего, — сказал Майкл, — оставь его в покое. Во всяком случае, успокоился, а мне нужно вставить новую пленку. Эрни! Поменяй пленку! Там должно быть кое-что интересное. — Он повернулся к Генри. — Для следующих кадров мне нужно, чтобы он встал. Он может подняться на дыбы?

Неожиданно появился запыхавшийся маленький краснолицый человек в вельветовых брюках и грязном зеленом свитере со старым холщовым рюкзаком на спине.

— О Господи, — воскликнул он, — я уже везде искал! Вы знаете, что там внизу был полицейский? Как тут моя Красотка? — Он опустился на колени рядом с громко храпящим гепардом. — Надеюсь, она была хорошей девочкой. В последнее время она что-то капризничала... Понимаете, у нее был запор, и она ничего не хотела есть. — Он вытащил из рюкзака неаппетитно выглядящую кость. — Хочешь кушать, Красотка? Кто это у нас хочет косточку? — Нос гепарда шевельнулся, он с наслаждением потянулся, сел и принялся шумно грызть кость. — Умничка! — гордо воскликнул человек. — Да, полицейский, кто бы мог поверить. По всей видимости, они впустили Красотку через черный ход без всяких проблем, но когда я попытался войти в парадную дверь, меня остановили. Я никак не мог донести до него тот простой факт, что я ищу своего гепарда, которого сейчас фотографируют наверху.

Представив сержанта, Генри не смог сдержать улыбки. Однако его внимание привлекло упоминание черного хода, и он счел необходимым выяснить этот вопрос.

— Она была просто золотой девочкой, правда, лапочка? — Вероника, наклонившись, почесывала гепарда за ушами.

— Приятно слышать, — отозвался хозяин Красотки. — О, мисс, на вашем месте я бы этого не делал. Она обычно не кусается, вы не подумайте, но иногда может занервничать.

— Не из-за меня, — безмятежно произнесла Вероника, — мы с ней друзья.

Она снова наклонилась, чтобы погладить гепарда и незаметно подмигнула Генри. В этот момент вернулся Эрни с фотоаппаратом.

— Что ж, — сказал Майкл, — продолжаем. Вероника, милая, перейди чуть-чуть вправо.

— Тебе придется меня нести, — весело ответила она. Девушка заковыляла по студии, и Генри с разочарованием заметил, что платье пришлось заколоть на спине зажимами для бумаг, чтобы оно идеально повторяло контуры тела Вероники, при этом двигаться в нем стало невозможно.

— Так пойдет, — произнес Майкл. — А теперь я хочу, чтобы гепард встал на задние лапы, как геральдический зверь. Пусть при этом он смотрит вправо.

— Послушайте, — вступил в разговор человек в зеленом свитере, — вы хотите невозможного.

— Я всегда хочу невозможного, — очаровательно улыбнулся Майкл. — И обычно получаю.

— Ну что ж, думаю я могу попробовать, — неуверенно проговорил человек в зеленом свитере, — возможно, если я заберусь на стремянку и буду держать кость...

— Мне плевать, что вы будете делать, только не лезьте в кадр. — Майкл провел рукой по волосам. — Еще я хочу, чтобы шлейф платья справа вылетал из кадра так, будто его треплет ветер. Тереза, прикрепи к нему нитку и трясги, когда я скажу. Эрни, поставь сюда отражатель, чтобы свет падал на лицо.

— Разумеется, сначала нам придется отобрать у нее кость, — без всякого энтузиазма проговорил человек в зеленом свитере. — Она может обидеться. Мы же не хотим, чтобы случилось что-то нехорошее, правда?

В конце концов они сумели это сделать. Гепарда пришлось долго искушать сочными кусочками из рюкзака, но в конце концов зверь уступил кость. Генри придерживал шатающуюся стремянку, пока человек в зеленом свитере, ненадежно усевшись на верхней ступеньке, размахивал костью над головой Красотки. Тереза держала шлейф платья за нитку и трясла его в соответствии с указаниями Майкла. Эрни с покрытой фольгой доской стоял на стуле и направлял свет на бледное лицо Вероники. Бет сзади, в путанице проводов и ламп, поправляла зажимы для бумаг на спине Вероники. Сцена была нелепой до смешного, но в объектив фотоаппарата и на снимок попал великолепный, поднявшийся на задние лапы зверь, гордая бледная девушка, за спиной которой ветер развеивал шлейф облежавшего ее словно вторая кожа платья, а слегка поблескивающий фон наводил на мысли о лунном свете, отражающемся на волнующейся поверхности моря. Снимок оказался одной из лучших фотографий года.

Когда фотосессия закончилась и Вероника с Бет и Терезой направились в гримерную, чтобы переодеться, Генри подошел к высокому фотографу и произнес:

— Можете уделить мне несколько минут, мистер Хили?

— Если вы насчет гепарда, то говорите с мисс Филд. Она его нашла. — Он вытер платком пот со лба.

— Я не насчет гепарда.

— О, вы, наверное, от Николаса Найта, по поводу платья. Этим занимается мисс Мэннерс, не лезьте ко мне.

Майкл сел на нижнюю ступеньку стремянки и закурил. Он выглядел очень усталым.

— Я не от Николаса Найта. Я из Скотленд-Ярда.

— Господи, — произнес Майкл, но новость, казалось, его не удивила. — По поводу Хелен, верно?

— Да.

— Ну что ж, мы можем поговорить сейчас. У меня работа в разгаре.

— На это потребуется минимум пять минут, — сказал Генри, — и это срочно. Я хочу знать правду о ваших отношениях с Хелен.

Майкл пристально посмотрел на кончик своей сигареты.

— Это официальный допрос? — поинтересовался он.

— Официальный, — ответил Генри, — в том смысле, что я сейчас исполняю служебные обязанности, и все, что вы мне скажете, я буду использовать так, как сочту нужным. И неофициальный в том смысле, что никто не ведет протокол и вам не потребуется его подписывать.

— Ладно. Что вы хотите знать?

— Я сказал вам.

— Хелен, — медленно начал Майкл, — была довольно сложной личностью. Она производила впечатление очень здравомыслящей и такой, кому нет дела ни до кого и ни до чего. Но на самом деле она была ранима и эмоциональна, как школьница, и склонна к сильным чувствам. Ее было очень легко невольно обидеть. Она никогда не кричала, не устраивала истерик, не швырялась вещами, как Тереза. Нет, она все держала в себе. До тех пор, пока оно не прорывалось наружу. Думаю, вы слышали, что говорят о нас с ней. Могу только заверить вас, что это преувеличение. Мы были хорошими друзьями, не более того. Мне неоткуда было знать, что творится под этой скорлупой холодного разума.

— Вы, разумеется, в курсе, — тихо сказал Генри, — что она была беременна.

Потрясение, которое вызвало это известие, было очевидно любому. Майкл Хили уронил сигарету и судорожно вскочил.

— Это невозможно! — воскликнул он. — Вы лжете. Этого не может быть!

— Тем не менее.

— Господи, — прошептал Майкл, белый как полотно, — не могу в это поверить... и тем не менее... боюсь, что это возможно. Я никогда об этом не задумывался. Господи, какой ужас.

— Так что сами видите, — продолжил Генри, — вы не вправе ожидать, что я поверю, будто между вами ничего не было.

Майкл, кажется, его не услышал. Он опять сел и покачивал головой из стороны в сторону, как будто все еще пытался осознать только что услышанное известие.

— Я так понимаю, что она вам не сообщила, — продолжил Генри.

— Мне? Нет, конечно, нет. То есть... нет. У меня слов нет. Бедная дорогая Хелен.

— Вы не собираетесь продолжать отрицать, что были с ней любовниками?

Майкл еле заметно улыбнулся. Улыбку легко было принять за гримасу боли.

— Кажется, от отрицания будет немного проку, правда?

— Да, — сказал Генри, — мы движемся в правильном направлении. Тогда правда и то, что вы начали от нее уставать и хотели развязать себе руки...

— Мне их ничто не связывало...

— Прошу вас, мистер Хили, после вашего признания...

Майкл беспомощно произнес:

— Думаю, она воспринимала все это серьезнее, чем я.

— Вы не считали это важной частью своей жизни?

— Ну... нет.

Генри не стал это комментировать, он лишь попросил Майкла:

— А теперь расскажите мне о цианиде и ключах от шкафчика с химикатами в кладовке фотолаборатории.

— Что с ними не так?

— Вчера вечером вы отвечали за них.

— Они были у меня в кармане, — ответил Майкл, — и до сих пор там.

— То есть вы ушли домой, оставив шкафчик открытым?

— Да, инспектор. Виноват.

— Это довольно безответственно, вам не кажется?

— Мой дорогой инспектор, — с некоторой иронией произнес Майкл, — если бы вам хоть раз в жизни приходилось готовить в печать парижский номер сразу по окончании парижской Недели высокой моды... В любом случае в месте вроде этого никто не ожидает, что кто-то из его коллег будет внезапно убит.

Генри сделал вид, что не услышал.

— Когда вы в последний раз видели флакон с цианидом? — поинтересовался он.

— Я велел Эрни редуцировать отпечаток незадолго до полуночи. Должно быть, тогда он им и воспользовался.

— Но когда вы сами его видели?

— Я вообще его не видел, по крайней мере внимания точно не обращал. Флакон всегда там стоит. Я им не пользуюсь.

— То есть вы не имели понятия, много ли там осталось?

— Ни малейшего.

Майкл бросил сигарету и поднялся.

— Работа не ждет, — произнес он с некоторым облегчением.

Генри повернулся и увидел выходящую из гримерки Веронику. В ее внешности произошли разительные перемены. Изысканная белая пудра исчезла, и она снова выглядела как обычная девчонка — простая, наивная и юная. Ее золотые волосы выпустили на волю из-под шиньона, и теперь они очаровательно падали ей на плечи. На ней было бело-розовое полосатое хлопковое платье и сандалии на плоской подошве. За Вероникой следовала Бет Конноли с огромной плетеной корзиной, полной живых цветов.

Проходя на свое место под софитами, Вероника слегка толкнула Генри и прошептала:

— Увидимся вечером.

— Какого черта дождю вздумалось пойти именно сегодня? — пожаловался Майкл. — Для этого платья нужна природа и пруд с утками.

— Знаю, — отозвалась Бет, — я сделала все, что могла. Ты не представляешь, как мне пришлось изворачиваться, чтобы добыть весенние цветы в январе.

Майкл перевел оценивающий взгляд с Вероники на цветы и обратно. Наконец он спросил:

— Ты не сможешь добыть для меня молодого теленка и большие деревянные ворота?

Вежливо, но твердо Бет ответила:

— Нет, Майкл, не смогу.

— Что ж, мне все равно нужно какое-нибудь животное. Как насчет котенка?

Бет вздохнула:

— Это займет полчаса, если везти его на такси из Найтсбриджа.

— Не важно. Пошли за ним. Маленький, пушистый и, если получится, серый. Тогда мы разбросаем цветы по полу и положим на них Веронику с котенком в руках. Как тебе?

Когда Генри вышел из студии, его племянница лежала на полу на листе белой бумаги в окружении цветов, как умирающая Офелия.

Едва он добрался до кабинета, зазвонил телефон. Генри взял трубку.

— Инспектор Тиббет? Это Годфри Горинг. Как продвигается расследование?

— Медленно, но верно.

— Хорошо-хорошо. Я хотел спросить, не согласитесь ли вы пообедать со мной в «Оранжеее» около часа? Это через дорогу. Там мы сможем спокойно поговорить.

— Отлично, — ответил Генри, — буду рад.

— Встретимся там через десять минут, — сказал Горинг и повесил трубку.

Телефон тут же издал еще один пронзительный звонок. На этот раз звонил мрачный доктор из Скотленд-Ярда.

— У меня есть кое-какие новости для вас, Тиббет, — мрачно произнес он. — Это определенно цианид, определенно он был в чае. Время смерти между четверть и половиной шестого. Жертве около тридцати трех, она хорошо питалась и...

— Не тяните, — сказал Генри, — я уже в курсе.

— В курсе чего?

— Того, что она была беременна.

— Беременна? — Доктор на секунду перестал говорить унылым монотонным голосом. — Да вы что?!

Генри был поражен.

— То есть... вы хотите сказать, это не так? — слабо произнес он.

Доктор рассмеялся. Вероятно, впервые за последние полгода, если не больше.

— Она не только не была беременна, мой дорогой Тиббет, — сказал он, — она вообще была девственницей! Что на это скажет ваша дедукция? — Он снова усмехнулся и повесил трубку, оставив Генри в весьма смешанных чувствах.

Глава 5

«Оранжерея», как известно, один из самых роскошных ресторанов Лондона со знаменитой на весь мир кухней и винной картой, а также ценами, которые доступны обладателям солидных счетов в банке. Генри чувствовал себя не в своей тарелке. Он изучал декор стен, выполненный в темно-оранжевом и золотом цвете, по стенам ниспадали бархатные занавеси, подхваченные золочеными зажимами, стояли маленькие апельсиновые деревья с блестящими листьями, чудесным образом увешанные плодами, невзирая на зиму. Только через какое-то время он заметил, что каждый апельсин был аккуратно закреплен на ветке при помощи тонкой проволоки. В воздухе чувствовался запах дорогого одеколona и сигарного дыма, а голоса, которые уловил Генри, судя по их низкому, глубокому тембру и уверенным интонациям, принадлежали более чем успешным людям.

Как обычно в обеденное время, большую часть посетителей составляли мужчины средних лет, в идеально скроенных костюмах, спокойные, уверенные в себе. Здесь, за едой, напитками и шутками, обсуждались серьезные деловые вопросы. Продавцы и покупатели спорили о контрактах и процентных ставках, осторожно поднимали вопросы о слиянии компаний. Неутомимые агенты по связям с общественностью расписывали прелести товаров и услуг циничным журналистам, умные и проницательные рекламные агенты убеждали производителей в необходимости дорогостоящих рекламных кампаний. Те суммы — довольно значительные, — которые «Оранжерея» выкачивала из карманов посетителей, не шли ни в какое сравнение с теми, что переходили из рук в руки за ее столиками между половиной первого и тремя часами дня.

Темноволосый, безупречной внешности метрдотель подошел к Генри.

— Вы заказывали столик, сэр? — поинтересовался он. Манеры метра были не менее безупречны, чем внешность, но Генри не мог не уловить холода в обращении — ведь он не являлся постоянным клиентом, а его костюм не был сшит на Севил-роу, и потому финансовая состоятельность вызывала определенные сомнения.

— Я обедаю с мистером Горингом, — ответил Генри.

Тон метрдотеля неуловимо изменился:

— Разумеется, сэр. Мистер Горинг уже здесь. Вы знаете, где его столик?

— Нет.

— О, позвольте, я вам покажу. Сюда, пожалуйста, сэр...

Генри проследовал за метрдотелем в освещенный лампами под плотными абажурами зал, который украшали цветы из теплиц, а также витрины с копченым лососем и экзотическими фруктами. Было трудно представить, чтобы дневной свет когда-нибудь проникал в этот храм чревоугодия.

Годфри Горинг сидел за столиком в дальнем углу и читал «Таймс». Он поднял глаза, заметив приближение Генри, и улыбнулся.

— Мой дорогой Тиббет, как я рад вас видеть, — произнес он, — садитесь. Что вы будете пить?

Генри опустился за столик и отказался от аперитива.

— Верное решение, — одобрительно заметил Горинг, — я сам никогда к ним не прикасаюсь. Но полагаю, вы не откажетесь от вина за обедом?

Генри согласился. За этим последовало вдумчивое обсуждение меню и винной карты, причем в обоих случаях Горинг говорил с уверенностью знатока. Когда принесли еду, Генри с удивлением обнаружил, что Горинг — до этого пробормотавший официанту «мне то же, что и обычно» — ограничил себя холодной курицей и простым салатом, которые запивал минеральной водой «Виши», в то время как Генри решил побаловать себя *pate maison*⁴ и *canard a l'orange*⁵ в сопровождении прекрасного бургундского.

Он был в достаточной степени знаком с этикетом деловых обедов, чтобы не удивляться тому, что до кофе Горинг избегал касаться темы. До того как принесли кофе, генеральный директор

⁴ Печеночный паштет (фр.)

⁵ Утка с апельсинами (фр.)

издательского дома «Стиль» оживленно говорил о достоинствах и недостатках итальянской и французской кухни, сравнивал последние тенденции в постановках лондонских и парижских театров, о том, стоит ли ехать на юг в январе, и о континентальном влиянии на дизайн британских машин. Генри предполагал, что все это не столько заготовлено заранее, сколько выдается автоматически как ритуал, неизбежно предшествующий обсуждению по-настоящему важных дел.

Когда наконец официант принес кофе и удалился, Горинг начал:

— А теперь скажите, чем я могу вам помочь в этой ужасной истории с Хелен Пэнкгерст.

— В данный момент, — сказал Генри, — я пытаюсь составить для себя полную картину случившегося. Когда приходится расследовать дело подобного рода, отсутствие знаний о личной жизни жертвы очень мешает. Я надеюсь посредством разговоров с ее друзьями и коллегами воссоздать в своем сознании портрет мисс Пэнкгерст — ее характер, привычки, образ жизни. С этого я полагаю начать.

Горинг кивнул:

— Очень разумно. Я бы сам начал с этого. — Очевидно, в его устах это была высшая похвала. — Хелен была моей сотрудницей, разумеется, я могу оценить ее только с точки зрения профессионала.

— Вы не знали ее лично? Не общались с ней в неформальной обстановке?

— Любой добросовестный работодатель, — произнес Горинг, — старается интересоваться жизнью своих наиболее ценных сотрудников. Но в случае Хелен я могу сказать только, что она была девушкой, полностью погруженной в свою работу. Вы понимаете, это ужасная потеря для компании. Не представляю, кем мы сможем ее заменить.

— Расскажите о ней со своей точки зрения.

— Она начала у нас работать десять лет назад в качестве секретаря, — медленно заговорил Горинг. — Марджери Френч два года спустя предложила мне повысить Хелен, сказав, что та должна принять участие в управлении журналом. Она была убеждена, что девушка обладает исключительными способностями. Я поговорил с ней и был поражен ее умом и способностями в сочетании с... как бы это выразить *savoir faire*⁶ и... я называю это породой... что я считаю главным в своих основных сотрудниках. Она стала помощником редактора, затем младшим редактором и в конце концов заместителем главного редактора. Могу сказать вам, разумеется, сугубо конфиденциально, что, останься она в живых, она стала бы главным редактором. Теперь, по всей видимости, после того, как Марджери уйдет на покой, это место достанется Терезе Мэннерс. Не думайте, что я имею что-то против Терезы, — напротив, мы дружим с ее семьей. И все-таки, что бы ни говорила Марджери, мне не кажется, что она именно тот человек, который должен руководить журналом. Тем не менее... — осекся он, — прошу извинить меня за многословие.

— Вам не за что извиняться, — произнес Генри, — все это очень интересно. Вы хотите сказать, что мисс Френч скоро собирается отойти от дел?

Горинг, немного подумав, ответил:

— Пусть то, что я сейчас скажу, останется только между нами, Тиббет. Марджери серьезно больна. Она не хочет этого признавать, но дело обстоит именно так. Собственно, ее врачи требуют, чтобы она ушла с работы в течение ближайшей пары месяцев. Можете себе представить, что вопрос о ее преемнике был в последнее время одним из самых важных для меня. Такой журнал, как наш, должен иметь яркого главного редактора. Марджери идеально подходила для этой должности. Я никогда не считал хорошей идеей брать кого-то со стороны, так что выбирать мы должны были между Хелен и Терезой. Я даже не пытаюсь скрыть от вас, что мои симпатии были на стороне Хелен. На самом деле, должен сказать, ее смерть — это... — он поколебался, — это большая личная трагедия для меня.

— Мне говорили, — заметил Генри, осторожно подбирая слова, — что между ней и другим сотрудником существовала некая эмоциональная связь.

Лицо Горинга посуровело.

— Это не имеет к делу никакого отношения. Меня интересовала только ее работа.

— В любом случае, когда вы собираетесь назначить кого-то на такой важный пост...

⁶ Находчивость (фр.)

— Марджери упоминала это, — ответил Горинг. Очевидно, тема казалась ему верхом дурного вкуса. — Она, разумеется, хотела, чтобы главным редактором стала Тереза, и... нет, это не вполне справедливо. Она правильно поступила, попытавшись привлечь мое внимание к тому, что могло нарушить весь ход жизни редакции. В любом случае, думаю, мне удалось убедить ее в том, что ситуацию можно исправить, если правильно подойти к делу. К несчастью, по всей видимости, я ошибался. Как бы то ни было...

В этот момент разговор прервался появлением незнакомца — худого низенького молодого человека, хорошо одетого и с чуть более длинными, чем следовало бы, волосами. Он направился к их столику и еще издали закричал:

— Годфри, мой дорогой! Что у тебя творится? Я только что... — Мужчина осекся, увидев Генри.

— Здравствуй, Николас, — недовольно поприветствовал его Горинг.

— Господи, я только что купил «Стэндарт», и я в шоке. Я совершенно убит. Я просто не могу поверить...

— Инспектор, — произнес Горинг, слегка подчеркнув это слово, — разрешите представить вам мистера Найта. Николас, это инспектор Тиббет из Скотленд-Ярда.

Молодой человек резко опустился на стул, сильно побледнев.

— О, — сказал он, — о, разумеется. Рад знакомству.

— Мистер Найт, — произнес Горинг, — один из самых талантливых наших молодых модельеров.

— Наслышан о вас, мистер Найт, — вступил в беседу Генри.

— Обо... обо мне? Не может... то есть... правда? Надеюсь, только хорошее. — Он натянуто улыбнулся.

— Вчера вечером вы были дома у мистера Горинга на вечеринке, которую он устраивал.

— Правда? То есть да, конечно... Очень хорошая была вечеринка, да, Годфри. Страшно подумать... что ж... мне пора идти. Ни минуты свободной, сами понимаете. До свидания, инспектор.

Найт вскочил и поспешил обратно, пробираясь между столиками.

— Мистер Найт! — окликнул его Генри. Тот вздрогнул, остановился и нехотя обернулся. — Я бы хотел побеседовать с вами. Вы не сможете заглянуть в редакцию «Стиля» сегодня после обеда?

Молодой человек занервничал, как пойманный кролик. Он оглянулся, как будто боялся, что его подслушают, и затем ответил чуть ли не шепотом:

— Нет. Приходите ко мне в салон. Я невероятно занят, сами понимаете. В этом здании. Второй этаж. Вам любой скажет.

С этими словами он, грациозно двигаясь, скрылся за бархатной занавесью в дальнем конце зала.

— Весьма талантливый молодой человек, — сказал Горинг, когда модельер ушел. — Не думайте о нем плохо из-за его... своеобразной манеры себя вести. Те, кто занимается тем же, что и он, часто бывают экстравагантны. На самом деле он весьма расчетливый деловой человек, но изо всех сил старается это скрыть.

Вспомнив замечания, брошенные Патриком Уолшем, Генри решил ударить наугад и спросил:

— В любом случае разве он не был в последнее время замешан в каком-то скандале?

Горинг посмотрел Генри в глаза.

— Найт? Ничего подобного не слышал. Разумеется, нет.

— О, ясно, — ответил Генри. — Я, вероятно, спутал его с кем-то. Боюсь, я не слишком знаком с миром моды.

Повисла пауза. Генри терпеливо ждал, пока Горинг сделает следующий ход. У него было стойкое чувство, что тот еще не коснулся темы, ради обсуждения которой устроил эту встречу. После продолжительного молчания Горинг произнес:

— Мир моды... Это очень необычный мир, инспектор. Вы можете столкнуться с чем-то совершенно неожиданным, пока будете расследовать это дело. Мы... Что ж, боюсь, мы довольно необычные люди...

Генри неожиданно осознал, что почти все сотрудники редакции «Стиля» из кожи вон лезли, чтобы убедить его, насколько необычная компания там собралась. И тем не менее до сих пор он

не видел большой разницы между ними и прочими людьми. Если не принимать в расчет темперамент Патрика, разумеется. Он задумался: что это — какое-то странное заблуждение, заставляющее их считать себя в корне отличными от других людей, или под маской нормальности действительно скрывались странности? Генри надеялся вскоре это выяснить.

Горинг же продолжил:

— У меня всегда были проблемы с подбором сотрудников-мужчин. Я не имею в виду тех, кто занимается сугубо административными делами — тут все в порядке, — я о творческих сотрудниках. Мои художественные редакторы и фотографы должны быть исключительными людьми. Во-первых, им необходимо обладать настоящим талантом и оригинальным видением мира. Во-вторых, они должны быть готовы работать в области, которая является преимущественно женской, и при этом не терять своей мужественности, которую я считаю очень важной составляющей нашего бизнеса. Я никогда, — сердито продолжил он, — не беру на работу гомосексуалистов, как бы талантливы они ни были. Дело тут не в морали. Просто в журнале и так мало мужчин, а те, что есть, должны быть мужчинами на все сто процентов, чтобы уравновесить преобладание женского начала. Вы понимаете, о чем я?

— Думаю, да, — осторожно ответил Генри.

— В идеале, — продолжил Горинг, — мужчины должны представлять собой островки здравого смысла в этом обманчивом и переменчивом море. Им не требуется бурный темперамент и чрезмерная эмоциональность, но при этом их творческое мышление должно быть свободным от любых ограничений. К несчастью, такие мужчины встречаются редко. Не стану делать вид, будто все мои сотрудники мужского пола подходят под эти стандарты.

Вспомнив Патрика, Генри улыбнулся:

— Могу представить, с какими сложностями вы сталкиваетесь.

— Единственный, кого я могу назвать идеальным представителем той категории людей, которая мне нужна, — это Майкл Хили, — продолжил Горинг. — Его характер не меньше, чем его талант, повлиял на мое решение заполучить его после того, как он покинул «Так делают женщины». Поступив так, я нарушил одно из самых строгих своих правил, поскольку он уже был женат на Терезе Мэннерс — тогда она занимала должность заместителя редактора раздела моды, — я всегда твердо придерживался принципа не брать на работу мужа и жену. Мне прекрасно известно, что многие считают, будто я нарушил это правило из-за того, что Тереза и Майкл мои друзья. Это не так. Мое решение основывалось исключительно на характере и таланте Майкла, и долгое время я был уверен, что не ошибся. Тем не менее недавно ситуация начала меня беспокоить...

Генри подумал: «Наконец-то мы добрались до сути». Горинг замолчал и зажег сигару, официант принес еще кофе.

— В некотором роде я вам благодарен, инспектор, за то, что вы завели разговор об этой неприятной истории с Майклом и Хелен, поскольку самому мне отвратительно ее обсуждать, и все-таки считаю своим долгом вас предупредить. Майкл на самом деле не тот разумный и уравновешенный человек, каким он выглядит снаружи. Его работы, пусть и более блестящие, чем когда-либо ранее, в последнее время становятся все более экспрессивными, все более нервными. И сам он, кажется, все больше углубляется в мир своего воображения. Несколько лет назад невозможно было даже представить роман Хелен и Майкла. А сейчас он ведет себя так, будто утратил всякое представление об ответственности. Может быть, сейчас у них с Терезой сложный период в отношениях. Может быть, дело в его развитии как художника. Не знаю. Единственное, что я могу вам сказать — о чем могу вас предупредить, — это то, что в последнее время он говорит... как бы это выразить... много лишнего, не имеющего отношения к действительности.

— Вы хотите сказать, — прямо спросил Генри, — что мне не стоит верить ни единому его слову?

— Я бы не стал так обобщать, — поспешно ответил Горинг, — я всего лишь имел в виду... с осторожностью относитесь к его заявлениям. Я уверен, он может убедить себя в том, что некоторые его выдумки являются правдой, или попросту выдать желаемое за действительное. Его воображение способно выстроить целый замок из крошечного факта. Прошу вас, не думайте, будто я обвиняю его во лжи. Я лишь советую вам быть осторожным.

— Возможно, вы правы, — согласился Генри, думая о противоречии между признанием Майкла и заключением врача.

Горинг откинулся на спинку стула и помешал кофе.

— Вернемся к Хелен. Она не замечала того, что Майкл так изменился. Все, что она могла заметить, это то, что старая и крепкая дружба неожиданно переросла в роман. Боюсь, это свойство женской психологии: ни одна женщина — даже Хелен — не отнесет такие перемены в отношениях на счет нервного расстройства. Напротив, она решила, что все изменения, которые она замечала в Майкле, имели своей причиной его чувства к ней, хотя на самом деле все было ровно наоборот. Когда ей стало очевидно, что все не так и его любовь всего лишь порождение его фантазий, она была потрясена. Она пришла в отчаяние. Теперь я виню себя за то, что не принял никаких мер. Уверен, что, если бы Майкл уехал, а Хелен заняла пост главного редактора, ее любовь к работе и новые обязанности не дали ей... Понимаете, к чему я клоню, инспектор?

— Вы пытаетесь убедить меня в том, что Хелен покончила с собой, — произнес Генри.

— Мое мнение заключается в том, что именно так обстоит дело. Поверьте, я это обдумал. Нет других приемлемых объяснений. У нее не было врагов. На всем свете не было ни единого человека, желавшего ее смерти.

— За исключением, возможно, мистера Хили. Или его жены.

— Нет-нет. Мой дорогой инспектор, я не собирался намекать на что-то подобное. Об этом не может быть и речи.

— Даже в столь странном состоянии Майкла?

— Об этом не может быть и речи, — повторил Горинг. Было заметно, что он потрясен и расстроен тем, что его слова можно было так понять. — Я заговорил об этом только потому...

Разговор вновь прервали. Горинг, сидевший лицом к залу, неожиданно замолчал, вскочил. Генри обернулся и увидел красивую женщину лет сорока, направлявшуюся к их столику. Она была без головного убора, ее длинные рыжие волосы ниспадали на воротник великолепной норковой шубы. Генри потряс контраст между этой женщиной и сотрудницами «Стиля». Тогда как последние представляли собой тщательно выверенные иллюстрации своих собственных советов, она была просто красива, богата и небрежна. Шуба заботила ее не больше, чем старый плащ, ее волосы казались недостаточно тщательно уложенными, а лиловая помада плохо сочеталась с алым платьем. Журналисты «Стиля» немедленно заклеямили бы ее жемчужное ожерелье из трех нитей и две бриллиантовые броши как вопиющую вульгарность. Что хуже всего, на ней не было чулок, а каблуки крокодиловых туфель выглядели слегка потертыми. Тем не менее она выглядела переполненной жизнью. Генри был уверен, что где-то видел ее раньше.

— Лорна, — произнес Горинг, — что ты здесь делаешь?

— Дорогой, я не могла не приехать. — Голос у женщины оказался хриплым и будоражил воображение. — Я услышала...

— Милая, — сказал Горинг, — это инспектор Тиббет из Скотленд-Ярда. Инспектор, познакомьтесь с моей женой.

Пока Генри бормотал слова приветствия, Горинг продолжил:

— Что ж, присядь. Ты обедала?

— Разумеется, нет. Я кинулась к машине, как только узнала новости.

— Не стоило, — Горинг казался раздраженным, — что мне теперь с тобой делать целый день?

— Ты ведешь себя очень неблагодарно, дорогой, — произнесла Лорна Горинг. — Ты ведь не собираешься отправить меня обратно в Суррей голодной? — Не дожидаясь ответа, она повернулась к официанту, который, почтительно склонившись, стоял рядом, и очаровательно улыбнулась. — Пьер, принеси мне, пожалуйста, копченого лосося и цыпленка. И еще шабли. Ты знаешь, какое мне нравится. — Затем, вновь повернувшись к мужу, она попросила: — Теперь, дорогой, расскажи мне все о том, что случилось. Все, не упуская ни одной детальки, тогда я буду хорошей девочкой и не стану тебе мешать — пойду в «Лирик», взгляну на Мэдж. У нее сегодня дневной спектакль.

Когда она заговорила о театре, Генри вспомнил, где ее видел. Это Лорна Винсент, актриса, чье имя гремело лет пятнадцать назад. Она сколотила внушительное состояние, а затем вышла замуж, заявив, что полностью посвятит себя семье. Самым удивительным было то, что она сдержала обещание. Больше никто ничего не слышал о Лорне Винсент, разве что иногда в колонке светской

хроники появлялись ее фотографии. До этого Генри не приходило в голову, что ее мужем мог быть Годфри Горинг. Газеты, насколько он сейчас мог вспомнить, никогда не называли его по имени, просто «бизнесмен» — бесцветная тень на фоне блистательной Лорны Винсент.

— Кто она? — жадно расспрашивала Лорна мужа. — Одна из твоих тросточек? — Она повернулась к Генри. — Я всегда говорила, что девочки из «Стиля» выглядят в точности как трости. Прямые швы на чулках, прямые черные костюмы, прямые черные шляпы, спины, будто они аршин проглотили, и залитые лаком волосы. Никогда не могла их различить. Если увидеть их на улице, можно подумать, что смотришь парад деревянных солдатиков.

Генри, несмотря на то что не мог счесть слова Лорны до конца справедливыми, не мог не улыбнуться, признавая, что в них есть некое зерно истины. Горинг, напротив, пришел в бешенство.

— Хелен Пэнкгерст умерла, — напомнил он злым, напряженным голосом, — и ты могла бы не оскорблять моих сотрудников.

— Он до ужаса гордится своими девочками, правда, дорогой? — без всякой обиды сказала Лорна. — Хелен... как? Ты имеешь в виду темненькую с большим носом?

— Да, — коротко ответил Горинг.

— Но что случилось? Мне жутко интересно. Ее убили? В газетах пишут...

— Лорна, — проговорил Горинг, — Бога ради, обедай и отправляйся на свой спектакль. Нам с инспектором Тиббетом надо возвращаться к работе. Ты сегодня останешься в городе?

— Кажется, это разумно.

— Хорошо. Тогда встретимся дома.

— Я заеду за тобой в редакцию...

— Нет, — твердо ответил Горинг, — посторонним вход воспрещен. У нас идет полицейское расследование. — Он поднялся, но неожиданно наклонился и поцеловал жену. — Я все тебе расскажу, но позже.

Выйдя из ресторана, Горинг едва ли не прошептал Генри:

— Если моя жена сегодня вечером приедет в редакцию... Посторонним вход воспрещен, правда? Возможно, вы могли бы поговорить со своими людьми...

— Если ваша жена захочет, я уверен...

— Нет-нет... — Горинг не мог подобрать слова. — Я хотел бы... все могут решить... на самом деле я предпочел бы, чтобы ее не впускали.

— Хорошо, — ответил Генри, — я скажу сержанту.

И они вернулись в редакцию «Стиля».

Генри вновь устроился в своей тесной и убогой комнате и набрал номер кабинета главного редактора. Ему немедленно сухим тоном профессионала ответили:

— Кабинет мисс Френч. Добрый день.

— Это мисс Филд?

— Да. Чем я могу вам помочь?

— Это инспектор Тиббет. Я надеялся, что смогу с вами поговорить.

— Разумеется, инспектор.

— Вы можете зайти сейчас?

— Разумеется.

— Я в маленьком кабинете рядом с отделом моды.

— О, правда?

Повисла небольшая пауза, окрашенная взаимным недопониманием. Затем Рейчел Филд произнесла:

— Так что вы хотели у меня спросить?

— Боюсь, не могу сделать это по телефону, мисс Филд. Не могли бы вы подойти сюда?

— К сожалению, нет, — мгновенно ответила Рейчел, — мисс Френч нет на месте, и я не могу выйти из кабинета.

— Видите ли, — сказал Генри, — полицейские расследования — это дело первоочередной важности.

— Но я не могу...

— Если вы не верите мне, можете спросить мистера Горинга.

Во второй раз за день магия этого имени сработала.

— О, ну если так... Сейчас приду, инспектор.

Как и все люди, впервые встречающие Рейчел Филд, Генри был впечатлен и несколько напуган ее профессионализмом. Впрочем, она не взяла с собой записную книжку, но когда она уселась напротив Генри, положив ногу на ногу, а руки — на колени, было трудно отказаться от мысли, что она ждет возможности что-то записать. На ней был аккуратный костюм из темно-синей фланели с «белыми деталями», милыми сердцу читательниц журналов, рассчитанных на более широкую аудиторию, чем «Стиль». Ее туфли были начищены до блеска, ногти коротко острижены и покрыты бесцветным лаком, а укладывая волосы, она явно более заботилась о симметрии, чем об элегантности. С Лорной Горинг ее объединяла одна-единственная черта: обе они существовали на периферии «Стиля», но ни на одну из них журнал, создающий законы элегантности, не оказал ни малейшего влияния.

Рейчел оказалась прекрасным и лаконичным свидетелем. Она описала возвращение из Парижа с Майклом, Терезой и Вероникой, авральную работу вечером и вечеринку у Горинга.

— Вам понравилась вечеринка? — неожиданно поинтересовался Генри. Ему внезапно пришло в голову, что Рейчел не слишком уместно смотрелась среди роскоши Бромптон-сквер.

— Со стороны мистера Горинга было очень мило пригласить меня, — без каких-либо эмоций ответила Рейчел, — на самом деле, должна признаться, мне не слишком хотелось идти, — добавила она в приступе неожиданной откровенности, — но он настаивал, так что я не могла отказаться.

— Я так понимаю, домой вас отвез мистер Найт на своей машине.

— Да. Он ехал в мою сторону.

— Где вы живете, мисс Филд?

— У меня квартира рядом с Холланд-роуд.

Генри слегка приподнял брови:

— Но мистер Найт живет здесь, на Эрл-стрит. Холланд-роуд совершенно в другой стороне.

— Ему в любом случае надо было отвезти мистера Барри в Кенсингтон, — ответила Рейчел.

— Ясно, — сказал Генри, — а теперь, если вы не против, мы поговорим о вашем чемодане.

— О моем чемодане? А что с ним? Я бы хотела получить его обратно, если это возможно.

— Вчера вечером вы оставили его в кабинете мисс Пэнкгерст, верно?

— Да. Я не могла позволить себе заполнить хламом кабинет мисс Френч.

— А что в нем, мисс Филд?

Рейчел удивилась:

— Разве вы не знаете? Я думала, вы уже открывали его. Там были вещи, которые я привезла из Парижа, — одежда и все в таком роде. — Она спокойно посмотрела в глаза Генри. — Я не занимаюсь контрабандой, инспектор, клянусь вам. К тому же у нас нет времени ходить по магазинам во время Недели высокой моды.

— Я верю, что вы не имеете отношения к контрабанде, — заверил ее Генри, — а в чемодане не было ничего, кроме ваших личных вещей.

Рейчел слегка смутилась:

— Я привезла с собой флакон духов в качестве подарка подруге.

Генри улыбнулся:

— Разумный поступок. А теперь скажите, вы можете предположить, зачем кому-то могло понадобиться искать что-то у вас в чемодане?

Рейчел задохнулась от возмущения:

— Искать? Что вы имеете в виду?

— Думаю, вам стоит пойти и взглянуть самой, — сказал Генри.

Он встал и вместе с Рейчел направился к кабинету Хелен, у двери которого стоял на страже полицейский.

Рейчел заколебалась, прежде чем войти.

— Она все еще?.. — осторожно спросила Рейчел, сильно побледнев.

— Все в порядке, — заверил ее Генри, — там нет ничего, кроме... Впрочем, смотрите сами.

Он открыл дверь, и они вошли. Глаза Рейчел расширились, когда она увидела беспорядок, лицо исказил гнев.

— Мои вещи... — проговорила она. — Как он посмел?..

— Почему «он»? — быстро спросил Генри.

Рейчел растерялась.

— Ну... — протянула она, — это ведь наверняка был мужчина, разве нет? Я хочу сказать...

— Возможно, и нет, — ответил Генри, — а теперь я хотел бы, чтобы вы проверили, все ли на месте. Может, что-то пропало? Что угодно.

Рейчел тут же превратилась в деловую женщину. Она опустилась на колени и принялась разбирать груды вещей. В какой-то момент она подняла глаза и спросила:

— А что насчет отпечатков пальцев?

— Все в порядке, — ответил Генри, — об этом уже позаботились.

— Ясно. Хорошо. — Она тщательно просмотрела разбросанную одежду, обувь и косметику и наконец сказала: — Кажется, все на месте.

Генри задумался.

— Таким образом... Либо кто-то искал то, чего там не было, либо... — Он осекся. — Мисс Филд, кто-нибудь в Париже мог подложить что-то в ваш чемодан так, чтобы вы этого не заметили?

Рейчел без колебаний ответила:

— Да. В таких поездках наши гостиничные номера превращаются в филиал редакции. Я стараюсь, чтобы в мой номер никто не входил, так у меня появляется возможность спокойно работать, но, разумеется, все заглядывают с вопросами или еще за чем-нибудь. На самом деле Вероника Спенс была там все время, пока я складывала вещи.

— Правда? — медленно проговорил Генри. Ему не нравилось, что его племянница оказалась втянута во все это, но он невольно подумал, что Вероника могла бы оказаться ценным источником информации. В какой-то момент Генри ощутил укол страха, что она может в какой-то степени оказаться причастна к убийству, но решительно отбросил эту мысль. Рейчел же он сказал: — Надеюсь, мы в конце концов сумеем выяснить, что преступник надеялся найти. А пока вы можете сложить вещи и забрать чемодан, если хотите.

— Спасибо, — кивнула Рейчел.

Она принялась поспешно складывать вещи, и Генри заметил, что она делает это не совсем уверенно. Несколько неожиданно было видеть, что такой дотошный человек, как Рейчел Филд, запикивает вещи в чемодан как Бог на душу положит: туфли, белье, платья — все теперь лежало вперемешку. Впрочем, можно было понять, что происходящее потрясло даже невозмутимую Рейчел Филд.

Когда чемодан был наконец снова закрыт, Генри поблагодарил ее за помощь, попросил оставить адрес сержанту и разрешил вернуться к себе. Оставшись в одиночестве, он внимательно осмотрелся. Где-то здесь, Генри в этом не сомневался, находился ключ к загадке, но он был не в силах его увидеть. Инспектор задумался о показаниях, которые успел собрать. Часть свидетелей что-то скрывала, это не подлежало сомнению. Но что? Что-то, имеющее отношение к личной жизни Хелен, подумал он, к ее личной жизни, которая сплеталась с ее работой, так что невозможно было отделить одно от другого. Возможно, поездка в Хиндгерст поможет найти ответ. Генри вздохнул и направился взглянуть на черный ход здания.

Там не было ничего примечательного. К черному ходу вел побитый жизнью лифт в задней части дома — им, по словам Альфа, пользовались для того, чтобы поднимать наверх тяжести — к примеру, мебель для фотосессий. Дверь вела к подсобным помещениям и запиралась на автоматический замок. Альф заверил Генри, что от замка было всего два ключа и оба находились у него. Один он всегда носил вместе с остальными ключами, а другой, на случай непредвиденных обстоятельств, всегда висел на стене в его закутке. Все, кто привозил товары к черному ходу, звонили в звонок, тогда Альф посылал кого-нибудь открыть дверь. С некоторым стыдом он признал, что утром впустил в здание гепарда, поскольку не видел в этом ничего плохого.

— Я знал, что его ждут для фотосессии мистера Хили. Не мог же я позволить опасному зверю разгуливать по внутреннему дворику.

— Вам следовало спросить разрешения у сержанта, — сказал Генри, — но теперь это не имеет значения.

Оставив Альфа, он направился через дорогу побеседовать с Николасом Найтом.

Глава 6

Около входа в «Оранжевую» Генри увидел дверь со стильной черной табличкой, на которой изящными белыми буквами было написано: «Николас Найт — *Haute couture*⁷ — Второй этаж». Он поднялся по узкой лестнице и оказался перед двойной дверью, на которой висела еще одна табличка, гласившая то же самое. Он открыл дверь и вошел. Тепло и аромат, стоявшие в помещении, неожиданно напомнили Генри о комнате, в которой умерла Хелен.

Салон занимал весь этаж. Пол был покрыт белым ковром, окна завешивали черные атласные шторы, подвязанные белыми жгутами, в пустом камине стояла огромная ваза с белыми лилиями и красными розами. Вдоль одной стены стоял ряд маленьких золоченых стульев, большую часть другой занимало огромное зеркало. У двери стоял антикварный стол из орехового дерева, за которым сидела девушка с невозможно светлыми волосами и красила ногти серебряным лаком. Когда Генри вошел, она поднялась и, покачивая бедрами, зашагала к нему.

— Маагу ваам чем-н'будь п'мочь? — проговорила девушка, так подчеркивая столичный выговор, что ее речь была едва понятна. Она смотрела на старый плащ Генри, как преданный своему делу садовник смотрит на слизня.

— Я хотел бы поговорить с мистером Найтом, — ответил он и протянул девушке свою визитку.

— Присаживайтесь. Я'а паасматрю, не занят ли он.

Она на своих похожих на стилеты каблуках засемила прочь из комнаты. Генри ожидал ее, неудобно присев на край золоченого стула. Через минуту девушка вернулась.

— Мистер Найт вас примет прямо сейчас. — Теперь в ее голосе слышалось больше уважения. — Пааднимитесь к нему, п'жаал'ста.

Генри последовал за ней сквозь черный занавес в дальнем конце салона и поднялся по маленькой винтовой лестнице. Здесь, как и в редакции «Стиля», он не мог не заметить того, как резко менялось оформление, стоило покинуть комнаты, предназначенные для публики, и перейти туда, где действительно шла работа. Лестницу давно не ремонтировали — белая краска отставала от стен, а вместо пушистого белого ковра лежал старый коричневый линолеум.

Дойдя до верхней ступеньки, Генри услышал оживленную женскую болтовню, доносившуюся, по всей видимости, из приоткрытой двери слева. Справа была дверь с табличкой «Не входите».

— Он в атэлье, — сообщила блондинка, — вхаадите, п'жаалста.

Она открыла дверь и впустила Генри.

Первым желанием инспектора было броситься из комнаты вон. Он оказался в огромном помещении, где царил фантастический беспорядок: тюки ткани, мотки ниток, булавки, обрезки, сантиметровые ленты, наброски моделей, перья, кружева, искусственные цветы, манекены и нитки бус, разбросанные повсюду, составляли только его часть. Из дальнего угла комнаты доносилось несмолкаемое жужжание швейных машин, за которыми полдюжины бледных девушек в коричневой униформе жали на педали, крутили колесики и ловко направляли под иглы драгоценную ткань.

Впрочем, ничто из этого не имело отношения к панике Генри. Что его шокировало, так это непосредственный первый план. Здесь — всего в ярде от его ошарашенного лица — стояло, насколько он мог сосчитать, больше сотни невероятно красивых девушек, одетых всего лишь в самые крошечные трусики и бюстгалтеры, какие только можно представить. Только когда Генри разглядел бесконечное множество уменьшающихся вдаль Николасов Найтов, он понял, что эффект был вызван двумя зеркалами, помещенными друг против друга. На самом деле в комнате были всего три едва одетые девушки, но и этого оказалось слишком много для инспектора.

Николас Найт драпировал зеленый атлас вокруг стройных бедер четвертой модели — брюнетки с профилем, как у Нефертити, — которая стояла в позе статуи и рассматривала свои лиловые ногти скорее с интересом, чем с удовольствием. Выше талии она тоже была обнажена, если не считать тонкую белую полоску бюстгалтера.

— Войдите, — невнятно произнес Найт, в губах которого были зажаты булавки.

— Возможно, будет лучше, если... — нервно пробормотал Генри, готовясь к отступлению.

⁷ Высокая мода (фр.)

— Не дольше минуты, хорошо? Кто-нибудь найдите мистеру Тиббету стул.

Одна из обнаженных красавиц отодвинула рулон темно-синего бархата, под которым стояла деревянная табуретка. Вторая нимфа выдвинула табуретку, слегка обмахнула ее от пыли кусочком золотистой ламе и поставила рядом с Генри. Он поблагодарил девушку и сел, почувствовав себя немного уютнее. Его поразило, что красавицы не выказывали ни малейших признаков стеснения при виде постороннего мужчины. Минуту спустя пришел посыльный с рулоном ткани, который он закинул на полку в другом конце комнаты с изяществом, которое могло быть только результатом многолетней тренировки. Девушки весело поприветствовали его, и он ответил им тем же. Не было ни визга, ни попыток прикрыться, ни ухмылок или похабных комментариев. Генри стало стыдно за свою ограниченность. Грязь, решил он, в глазах смотрящего, и здесь, в этой комнате, ее не было.

Найт взял еще одно полотнище зеленого атласа, обернул его вокруг груди модели и заколол булавкой.

— А теперь медленно повернись, Рене. Вот так, да, славно.

Девушка, не меняя выражения лица, принялась грациозно поворачиваться. Найт оценивающе смотрел на нее.

— Так. Еще. Еще чуть-чуть. Стоп! — Он поправил ткань. — Вот так. Продолжай, милая. А теперь иди от меня. — Рене изящно направилась к швейным машинкам, при этом ее бедра слегка покачивались. Найт наблюдал за ней сквозь полуопущенные веки. — Да. Вот так. Стоп. Вот так хорошо, милая. Марта!

— Да, Николас? — Полная женщина средних лет, одетая в черное платье, неожиданно появилась рядом с Найтом.

— Сними это с Рене и передай закройщикам, — распорядился он, — для нижней юбки используй туалет номер восемнадцать и эти драпировки. Это срочно. Леди Прендергаст.

Внезапно к Найту подошла молодая китаянка в самой странной одежде, которую Генри когда-либо приходилось видеть. Силуэт походил на вечернее платье в пол, но из плотной бязи кремового цвета, обильно украшенной карандашными отметками.

— На мне туалет номер двадцать четыре, как вы и просили, мистер Найт, — с очаровательным акцентом проговорила она.

— О Господи! — Голос Найта звучал раздраженно. — Я совершенно забыл. Ну что ж, придется подождать. Я занят.

— Но мисс Марта говорит... — начала девушка.

Найт топнул ногой в шикарном ботинке.

— Марта может говорить все, что угодно! — сердито воскликнул он. — У меня назначена встреча. Оставьте нас.

Девушка пожала плечами, как бы говоря, что это не ее дело, и исчезла. Найт повернулся к Генри:

— Мне невероятно жаль, что вам пришлось ждать, инспектор. Но сейчас у нас — бедных портных — самая жаркая пора. У меня через неделю показ летней коллекции. А тут еще все эти зимние приемы, и во всем Лондоне нет женщины, которой не хотелось бы обзавестись новым платьем, и все они решают это сделать в последнюю минуту. В самую последнюю, говорю вам. Не знаю, за кого они меня принимают. Я работаю с Рождества, и уже стер пальцы до костей. В буквальном смысле до костей.

Генри не до конца поверил в его последнее заявление, но не мог не заметить, что кутюрье и вправду выглядит усталым и измученным. Принимая во внимание нервное напряжение в сочетании с беспорядком, в котором он работал, это было неудивительно.

— Пойдемте в мой кабинет, — предложил Найт, — надеюсь, там нам удастся поговорить спокойно.

Генри последовал за ним на площадку, а затем в комнату с табличкой «Вход воспрещен». В кабинете Николаса Найта царил еще больший беспорядок, чем в его ателье, если такое возможно. Стол и стены покрывали листы с набросками платьев, сделанными уверенной и умелой рукой. К большей части набросков были приколоты лоскуты ткани. Всего остального было не видно из-под лавины бумаг и фотографий, среди которых Генри заметил Веронику, по всей видимости, собирающуюся прыгнуть с Эйфелевой башни.

Найт сбросил стопку бумаг со стула и жестом предложил Генри присесть. Затем он сам опустился во вращающееся кожаное кресло у дальнего края стола, угостил Генри черной сигаретой из золотого портсигара, сам взял одну и в конце концов произнес:

— Наконец. Теперь мы можем поговорить.

Генри осторожно начал:

— Не думаю, что вы можете мне так уж много рассказать, мистер Найт. Но у меня есть чувство, что ваше мнение, как заинтересованного постороннего лица, может быть весьма ценным.

Николас заулыбался:

— Все, что в моих силах... — Он сделал широкий жест рукой. Казалось, ему удалось преодолеть нервозность, терзавшую его в ресторане.

— Для начала скажите, вы были знакомы с Хелен Пэнкгерст?

— Нет, то есть почти нет. Разумеется, я знал о ней, но она работала в основном в редакции. Других сотрудников «Стиля» я, разумеется, хорошо знаю. Терезу, Бет и остальных.

— Что я сейчас пытаюсь сделать, — сказал Генри, — так это нарисовать для себя схему отношений между разными людьми.

Улыбка Найта исчезла с лица, словно он чего-то неожиданно испугался.

— Что вы имеете в виду, инспектор? — спросил он.

— Я имею в виду, — ответил Генри, — отношения Хелен Пэнкгерст с другими сотрудниками редакции.

— О... — В голосе Найта послышалось облегчение. — Я расскажу вам все, что знаю. — Он сделал паузу, будто тщательно выбирал слова. — Разумеется, вы понимаете, что мир моды — довольно странное место.

— Мне говорили, — произнес Генри.

— Дело даже не в том, что люди тут не то, чем они кажутся, — продолжал Николас, — напротив, они стараются преувеличивать, утрировать до абсурда то, чем кажутся.

— Я это заметил, — кивнул Генри.

— Возьмем Дядюшку. Полагаю, с Дядюшкой вы уже успели познакомиться.

— Успел, — с чувством ответил Генри.

— Так вот, — довольно зло продолжил Николас, — он полное ничтожество. Даже хуже чем ничтожество. Все, что он собой представляет, — это обычный тупоголовый ирландец. Более чем обычный, — добавил Николас с некоторой грустью в голосе, — но он был вынужден стать яркой индивидуальностью. Что хорошего было в Хелен Пэнкгерст, так это то, что она не играла в эту игру и всегда оставалась самой собой — не больше, но и не меньше. По крайней мере так мне говорили.

— Кто говорил?

— Ну, это все знают, — ответил Николас, взмахнув рукой с ухоженными ногтями. — А посмотрите на Терезу и Майкла. Что это за брак, а?

— И что же это за брак?

— Господи, да это фарс! — рассмеялся Николас. — Когда они поженились, Тереза уже была заместителем редактора раздела моды в «Стиле», а Майкл только-только открыл свою студию в убогой комнатухе на Шарлотт-стрит. Он фотографировал вышитые грелки на чайник по три гиней за час. Разумеется, понятно, зачем он на ней женился. На это была масса причин.

— Что вы имеете в виду?

— Вы же знаете, кто такая Тереза? — спросил Найт.

— Нет.

— Вторая дочь лорда Клэндона. Она купалась в деньгах. Чуть ли не в прямом смысле. Тереза пошла работать просто для развлечения, а потом выяснилось, что у нее потрясающая интуиция. Майклу хватило ума не упустить эту возможность. Он ничего, совершенно ничего не добился бы без Терезы. Полагаю, Клэндоны были в бешенстве, когда она за него вышла. Но ирония в том, что сейчас они поменялись местами.

— Что вы имеете в виду?

— Дорогой мой! — воскликнул Найт. — Майкл сделался *comme il faut*⁸. Не будь он зятем Клэндонов, они не сумели бы теперь заполучить его даже на званый ужин. Нет, что вы.

Как частное лицо, Генри позволил себе в этом усомниться, но промолчал. Он только заметил:

— Все это еще не значит, что их брак — фарс.

— Не хочу казаться циничным, — сухо ответил Николас, — но у Терезы выше шеи — сплошная кость. Без единого просвета. Потрясающее чувство тенденций моды, и все. А у Майкла всегда была масса разных интересов. — Последние его слова прямо-таки сочлись ядом. Генри попросил его уточнить насчет интересов Майкла.

Неожиданно модельер сделался неразговорчивым:

— О, много всего. Ходит немало слухов, понимаете...

— Какие-то из этих слухов касались Хелен Пэнкгерст? — поинтересовался Генри.

Найт искренне удивился:

— Нет... Хелен тут ни при чем... Речь о... — Он поколебался и продолжил, не говоря совершенно точно ни слова правды: — Я не сплетник, инспектор. Вполне возможно, что ходили слухи о Майкле и Хелен. Просто я ничего не слышал, вот и все. — Судя по его тону, он об этом сожалел.

— А о чем вы слышали? — настаивал Генри, но ему не удалось добиться от Найта большей определенности. Если верить ему, то у Майкла имелись эстетические и интеллектуальные потребности, а у них с Терезой не было ничего общего никогда в жизни. Майкл существовал в другом мире. В последнее время Майкл куда больше интересовался театром и балетом, чем модой. Наконец Генри сдался и, решив, что при первой же возможности вернется к этой теме, перешел к расспросам о событиях предыдущего вечера.

— Я допоздна работал, — сообщил Найт, — и, наверное, где-то около полуночи мне пришло в голову спуститься в забегаловку внизу и пропустить стаканчик на ночь.

— Вы имеете в виду «Оранжевую»?

— Ага. Жуткое место, правда? Но полезное, если живешь в том же доме.

Генри выглянул из окна и понял, что смотрит прямо на редакцию «Стиля» на другой стороне Эрл-стрит.

— Вы не заметили света в окнах через дорогу? — поинтересовался он.

— Не то чтобы я его именно заметил, — ответил Николас, — я знал, что он будет гореть. Это же была ночь подготовки парижского номера. Я бы скорее заметил, если бы его там не было, если вы понимаете, о чем я.

— Итак. Вы спустились в «Оранжевую» и встретили там мистера Горинга и мистера Барри.

— Верно. Они как раз заканчивали ужинать. И оба были до отвращения веселы, должен признать. Хорас рассказывал бесконечные, до смешного правдивые истории. Годфри нацепил маску рубахи-парня. Думаю, это непросто, когда пьешь только тоник. Единственное, что я могу предположить, они заключили выгодную сделку и отметили ее. Я был вымотан, вы не поверите, насколько я был вымотан. Не знаю, как я все это выдержал.

— Тогда зачем, — поинтересовался Генри, — вы приняли приглашение мистера Горинга и отправились к нему домой?

Николас замялся:

— Я всегда говорил, что не ползаю на коленях перед людьми, которые мне не нравятся, даже если они важные шишки. Но к сожалению, порой этого нельзя избежать. Мне не стоит ссориться со «Стилем», понимаете? Мне попросту нельзя с ними ссориться. Вы ведь понимаете меня?

— Разумеется, — ответил Генри. — Итак, вы с мистером Барри поехали на Бромптон-сквер, а мистер Горинг зашел за остальными в редакцию. Кстати, миссис Горинг была на вечеринке?

— Лорна? Нет, ее не было. Она находилась в загородном доме. У них есть дом в Суррее, помимо лондонского, вы знали? Вот вам еще один парень, которому хватило ума жениться на деньгах.

— Скажите, вам не показалось, что кто-нибудь из сотрудников «Стиля» выглядел расстроенным или нервничал? Или вообще вел себя не так, как обычно?

⁸ Благопристойный, принятый в обществе (*фр.*)

— Обычно? — Николас взвизгнул от смеха. — Никого из них нельзя назвать обычным даже в лучшие их дни. Дядюшка был таким же грубым, как всегда, — полным хамом, откровенно говоря. Майкл дразнил бедного старого Хораса. Должен признать, что меня это несколько порадовало. Тереза вела себя на удивление тихо, а Марджери показалась мне совершенно больной.

— А что вы можете сказать о мисс Филд?

— О мисс Филд? Кто это?

— Секретарь мисс Френч. Вы подвозили ее домой.

— О, наша фея из Сурбитона. Так что с ней?

— Она вела себя как обычно?

— Понятия не имею, — ответил Николас, — я ее никогда раньше не видел. И, честно говоря, она, бедняжка, не могла бы при всем желании вести себя более обычно, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Итак, вы отвезли мисс Филд и мистера Барри домой и вернулись сюда?

— Верно. Я живу на чердаке, в элегантной бедности. Хотите взглянуть на мое гнездышко?

— Нет, спасибо, — твердо отказался Генри, — во сколько вы вернулись домой?

— Было около трех, точнее сказать не могу. Знаю только, что покинул Бромптон-сквер в половине третьего.

— А когда вы приехали, — поинтересовался Генри, — то не заметили ничего необычного? Никто не приходил, не уходил?

— Кое-что я все-таки заметил. Когда закрывал шторы в своей спальне, то увидел выходящую из редакции «Стиля» девушку. Странного вида создание в ужасном оранжевом платье, белой накидке и в очках. Я сказал себе: «Она точно работает не в разделе моды».

Генри кивнул:

— Это, должно быть, мисс Пайпер, редактор раздела статей. Что она сделала дальше?

— Пошла по улице.

— Больше вы никого не видели?

— Честно говоря, я заметил Хелен. Она увлеченно печатала. В тот момент она точно была жива. Потом я задернул шторы, упал на кровать и мгновенно заснул.

— Ясно, — произнес Генри, — спасибо большое. — Он заглянул в записную книжку. — Думаю, мне надо будет поговорить и с мистером Барри. Не подскажите, как с ним связаться? Кажется, вы неплохо его знаете.

— Я на него работаю, — просто ответил Николас.

— Работаете на него? — удивился Генри. — Но я думал, что... Я хочу сказать, вы делаете вещи такого уровня, а он...

— А он занимается дешевой массовой производством и продает их в сети «Уиган»? Вы это имели в виду, правда? — Николаса позабавила реакция инспектора.

— Ну... — смутился Генри.

— Что ж, вы совершенно правы, инспектор, — кивнул Найт, — и в то же время бесконечно ошибаетесь. Вы, по всей видимости, не заметили революцию, которая произошла во вкусах публики. Что не так с «Уиган»? Возможно, они и не диктуют моду всему миру — на это есть Париж. Но ребята из «Уиган» — молодцы и уже в прямом смысле слова наступают Парижу на пятки. А работающие девушки — если взять их всех вместе — это целая прорва денег. И они готовы тратить. — Найт наклонился вперед. Сев на своего любимого конька, он почти отбросил экстравагантные манеры, и Генри вспомнил, что Горинг говорил о деловых качествах молодого человека. — Люди вроде меня — это анахронизм, — продолжал он. — Основные деньги крутятся в мире готовой одежды, и именно там должны работать хорошие модельеры. Так они и поступают. У каждого известного дома теперь есть розничный магазин. Это диктуется здравым смыслом. Пять тысяч платьев по десять гиней приносят больший доход, чем одно за сто гиней. Смысл салона вроде моего в том, чтобы о тебе узнали, и это стоит любых жертв. Любых, поверьте.

Он замолчал, слегка смутившись. Затем продолжил:

— Мне повезло. Друг... да, друг снабдил меня достаточным количеством денег, чтобы я смог начать свое дело здесь. Теперь меня знают. Я понял, что добился успеха, когда полгода назад ко мне подошел Барри и предложил сделать коллекцию для его фирмы. Понимаете, у меня есть... определенная интуиция, если хотите... которая позволяет мне перерабатывать парижские модели

для моих заказчиков. Четверть прошлой коллекции «Барримода» — моя работа, а в следующем сезоне я надеюсь выпустить целую линию под своим именем. Сам Барри скучен и вульгарен, но он досконально знает наше дело.

— Где мне его найти? — спросил Генри.

— Поуп-стрит, два-восемь-шесть. Рядом с Поланд-стрит. Там конторы основных продавцов готовой одежды, храни их Господь, — произнес Найт.

Генри уже уходил, когда его посетила некая мысль.

— Кстати, — спросил он, взявшись за дверную ручку, — вы были в Париже на прошлой неделе?

К его удивлению, лицо Найта совершенно побелело, и, когда он заговорил, в голосе послышались истерические нотки.

— Нет! — закричал он. — Разумеется, нет! Я никогда не езжу в Париж. Каждый это знает. Я был тут всю неделю. Спросите любого!

— Не нужно так нервничать, — сказал Генри, которого весьма заинтересовала реакция модельера. — Мне просто пришло в голову, что вы могли там оказаться, вы же упомянули, что перерабатываете парижские модели для своих заказчиков.

— У меня есть интуиция, — пискнул Николас, — я смотрю на фотографии и сразу вижу, как скроено платье, как сшито. Мне не нужны туалы! — Он осекся.

— Что такое туалы? — поинтересовался Генри.

Найт немного успокоился:

— Помните ту китайку в ателье? В платье из хлопка? Она и была в туалы. Это модель платья, скроенная и сшитая точно как оригинал, но из дешевой ткани. Производители покупают их в Париже — а цены на такие изделия, должен сказать, кусаются. Хорошее обойдется вам в несколько сотен фунтов. Но как только производитель заполучил модель, он может изменять ее и копировать по своему вкусу.

— Ясно, — произнес Генри, — спасибо большое. Мне приходится многому учиться. То есть вы делаете копии парижских платьев, не покупая туалы.

— Это не запрещено законом. — Найт как будто защищался. — Я же сказал вам. Я даже близко не подхожу к парижским показам. Я работаю с фотографиями.

— Наверное, это сберегло вам немало денег, — простодушно заметил Генри, открыл дверь и вышел. Оказавшись на лестничной площадке, он услышал, как Найт берет трубку и говорит: «Соедините меня с 'Барримода'».

В этот момент из ателье вышла женщина по имени Марта, и Генри, к великому своему огорчению, больше не мог подслушивать. Он медленно спустился по лестнице — ему было над чем подумать.

Выйдя на улицу, он взглянул на часы — половина пятого. Ему предстоял в редакции всего один разговор, от которого он ничего не ожидал. Генри должен был встретиться с Доналдом Маккеем — заместителем художественного редактора, который так интересовал Веронику. Генри не думал, что молодой человек сможет рассказать что-либо интересное, но, как часто бывает, беседа получилась весьма плодотворной.

О том, что касалось событий предшествующего вечера, Доналд мало что мог сообщить. Он заметил термос в кладовке фотолаборатории и подтвердил, что, когда уходил домой в половине второго, он все еще стоял там. Маккей работал в другом месте — готовил пробные макеты для Патрика — и вообще не видел флакона с цианидом. Как и все остальные, впрочем, он знал, где хранится яд. Доналд рассказал Генри, что встретил на улице Горинга и после долгих поисков ему все же удалось отыскать такси, на котором он и уехал в Бэттерси.

Когда Генри приступил к теме отношений Хелен и Майкла, Доналд уже расслабился.

— А, вы об этом, — сказал он. — Да, разумеется, я слышал. Олвен приложила все усилия, чтобы об этом узнали все. Но могу вам сказать одно: во всем этом чувствовалась какая-то фальшь. Не спрашивайте, что именно, — я все-таки из младших сотрудников. Журнал управлялся Марджери, Терезой, Дядюшкой и Хелен, они никого не впускали в свой круг. — Он помолчал. — Думаю, вы понимаете, что любой из них, в особенности Дядюшка, мог бы заработать целое состояние, займись он пиаром.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что говорю, — ответил Доналд. — Еще я хотел бы намекнуть на то, что у них прекрасно получается заставлять других верить в то, что нужно им. — Он наклонился вперед. — Вы имеете дело не с любителями, инспектор. Поправьте меня, если я ошибаюсь, — искренне добавил он, — но обычно вам приходится сталкиваться с людьми, на которых производит большое впечатление ваша должность, и они рассказывают вам всю правду, за исключением тех случаев, когда им есть что скрывать. Здесь это не работает. — Он умолк. — У меня нет ни малейшего понятия о том, что происходит здесь на самом деле, но с этой историей про Майкла и Хелен что-то не так.

— Вы хотите сказать, — уточнил Генри, — что эта история просто дымовая завеса для чего-то другого?

— Да. Именно это я имею в виду.

— Мне тоже так показалось. Но что она призвана скрыть?

— Понятия не имею.

— Мистер Уолш, — произнес Генри, — очень привязан к Хелен, верно?

— Разумеется. Мы все... всем она нравилась. Кроме мисс Филд.

— Это было так важно? — поинтересовался Генри. — Мисс Филд всего лишь секретарь.

Доналд ухмыльнулся:

— Не только. Она в своем роде очень влиятельная особа. Марджери уйдет — причем ей придется это сделать довольно скоро, — а мисс Филд отнюдь не все равно, кто станет новым главным. Она не любила Хелен — они с ней были слишком похожи. Став редактором, Хелен стала бы вникать во все, даже в систему хранения документов. Она была не тем человеком, который мог бы делегировать обязанности. Мисс Филд презирает Терезу, но она понимает, что, став главным редактором Тереза, все административные обязанности достались бы секретарю. Тогда мисс Филд будет еще более влиятельной, чем прежде. Понимаете меня?

— Да, — задумчиво произнес Генри, — да, понимаю.

Глава 7

До дома Генри добрался в половине седьмого. Он устал, а на улице шел дождь. Ему пришлось проделать длинный путь на автобусе номер девятнадцать, а потом идти по узким улицам, под крышами, с которых стекала вода. Вставляя ключ в дверь, он мечтал о большой порции виски с содовой, тапочках, спокойном ужине и горячей ванне.

Понятно, что он не слишком обрадовался, когда, войдя в холл, услышал веселые женские голоса. Он уже собрался было повернуть, но, приблизившись к двери гостиной, понял, что голоса принадлежат его жене Эмми и племяннице Веронике. Поскольку этих двух женщин он любил больше всех остальных на свете, то был готов многое им простить. И все-таки в гостиную он вошел с твердым намерением отправить Веронику домой как можно скорее. Его решимость была, однако, несколько поколеблена тем, что никто из них не заметил его прихода.

Эмми стояла на коленях на полу и вырезала с помощью бумажной выкройки что-то похожее на детали парашюта из синего твида с узелками. Вероника лежала на диване, закинув ноги на спинку, в позе, которая открывала большую часть ее красивых ног, затянутых в сетчатые шерстяные чулки.

— И вот там оказывается эта чертова герцогиня, — рассказывала Вероника, — в точно таком же платье, да, тетя Эмми, в точно таком же. И ты бы видела, что произошло дальше. Понимаешь, она ездила к Монье и купила платье за бог знает какие деньги только для того, чтобы встретить Фелисити Фрейзер точно в таком же...

Генри довольно громко закрыл дверь. Эмми виновато вскочила:

— Дорогой! Ты уже дома! Господи, как бежит время! Я думала, ты еще не скоро придешь. Хочешь выпить?

— Да, если можно, — несколько ядовито ответил Генри, — а что это ты делаешь?

— Шью юбку. Ронни говорит, что твид с узелками — это последний писк парижской моды. Кроме того, он не мнется. Вот потрогай.

— Ты не против, если я просто сяду и выпью виски? — спросил Генри. — Я очень устал.

— Бедный дядя Генри, — улыбнулась Вероника, продолжая лежать вверх ногами. — Он был великолепен. Все под впечатлением.

— Если никто не возражает... — начал Генри.

— Дядя Генри, я так старалась, проводя для тебя расследование, ты даже не представляешь.

— Моя дорогая Вероника, — произнес Генри, — уверен, что Скотленд-Ярд будет тебе весьма благодарен. Но все, что интересует меня сейчас, — это еда, виски, ванна и кровать.

— Но, дядя Генри, ты же сам сказал...

— Милая Ронни, я уверен, ты нам очень поможешь. Но, прошу тебя, не сейчас.

— Свинство, — фыркнула Вероника. — Я как раз рассказывала тете Эмми о том, как герцогиня Бейсингстокская появилась на балу в точно таком же платье, как у...

— Я слышал, — отозвался Генри.

— Вот твои виски, дорогой, — сказала Эмми. — Ужасный день?

— Довольно мерзкий, — ответил Генри, чувствуя себя значительно лучше. Он рухнул в свое любимое кресло и сбросил ботинки.

— И самое странное, дядя Генри, это то...

— Ронни, — оборвала ее Эмми.

— О, ну ладно, — обиженно ответила Вероника, — если ты не хочешь слушать, что мне удалось для тебя разузнать, это твои проблемы. Мне все равно пора идти. Доналд обещал заехать за мной в восемь.

— Доналд Маккей? — поинтересовался Генри из бархатных глубин кресла.

— Разумеется. — Вероника резко опустила ноги на пол и встала.

— Ты его знаешь, Генри? — спросила Эмми с ноткой беспокойства в голосе.

— Видел.

— И что он собой представляет?

— Я бы сказал, что он очень толковый молодой человек.

— Он такой лапочка, просто ангел. — Вероника поцеловала Генри в нос и быстро исчезла, только у двери промелькнули сетчатые колготки.

Эмми принялась убирать свое рукоделие с пола.

— Ронни рассказывала мне... — начала она, но Генри ее прервал:

— Эмми, родная, я вымотан до смерти. Давай просто поедим и ляжем спать.

Поступив так, он обеспечил себе намного больше работы и дальнейших переживаний. К сожалению, никогда не знаешь заранее, что может произойти.

* * *

На следующий день, проведя небольшое совещание у себя в кабинете в Скотленд-Ярде, Генри позвонил в «Барримода» и договорился о встрече с мистером Хорасом Барри. На Поуп-стрит инспектор поехал на такси и был очень доволен своим решением, поскольку вряд ли он смог бы найти нужное место самостоятельно. Генри не приходилось раньше тут бывать, несмотря на то что улица располагалась совсем рядом с Оксфорд-стрит. Его поразило обилие маленьких, но загруженных улочек и переулков, каждый дом в которых вмещал как минимум одну контору компании, связанной с торговлей готовой одеждой. Если тут и обнаруживались витрины, то в них были выставлены манекены или другое «оборудование для демонстрации» — плетеные стенды для шляп, белые проволочные стойки для обуви и не совсем приличные отрубленные ноги из прозрачного пластика, предназначенные для демонстрации чулок. Там же были небольшие магазинчики, в которых торговали исключительно бесформенными войлочными колпаками, которые при помощи пара и мастерства портнихи станут стильными шляпами. В других продавалась подкладка, пуговицы всех мыслимых размеров, формы и цвета, а также тесьма, кружево, ленты и галуны — все, что мода считает необходимыми аксессуарами.

Маленькие улочки заполняли мальчишки-посыльные с рулонами ткани, и у многих зданий стояли фургоны с громкими названиями фирм на бортах. Заглянув в один из них, Генри выяснил,

что на самом деле эти фургоны представляли собой огромные передвижные гардеробы, где аккуратно висели на вешалках ряды платьев и ждали, пока их развезут по магазинам Англии. Этот район заявлял о своем предназначении так же однозначно, как Биллингсгейт или Ковент-Гарден.

Дом под номером 286 на Поуп-стрит оказался высоким и старым. На стенах унылого холла висело множество табличек, из которых Генри узнал, что по всем вопросам, имеющим отношение к «Барримода», следует обращаться на второй этаж, на пятом этаже располагается «Марсель Миллинери лимитед», а на шестом — «Ремни от Бидкрафта и Саймона». Кроме этого, он прочитал, что попрошайкам и торговцам вразнос вход воспрещен. Покончив с чтением табличек, Генри поднялся на первый этаж.

Демонстрационный зал «Барримода» в точности повторял сотни других по соседству. Большая комната с бежевым ковром на полу занимала большую часть второго этажа и была заставлена длинными стеллажами с образцами моделей из последней коллекции «Барримода». Две стильные женщины средних лет с очень деловым выражением лица сидели в креслах, прихлебывая кофе и делая заметки, пока толпа усталых манекенщиц крутилась перед ними в соответствии с их пожеланиями. Время от времени одна из женщин наклонялась вперед, чтобы поймать край юбки и со знанием дела потереть пальцами ткань. Очень стильный молодой человек с гвоздикой в петлице с почтительным видом стоял между ними, щедро угощая их сигаретами и кофе, осыпая комплиментами и расхваливая достоинства новой коллекции. Генри заключил, что женщины скорее всего представляют магазины из провинции. Очевидно, они были весьма ценными клиентами и привыкли к тому, что их окружают вниманием и заботой. Они выслушивали молодого человека с безразличием, от которого у Генри пробежал мороз по коже. По всей видимости, впрочем, такой защитный механизм жизненно необходим людям, обязанность которых принимать взвешенные решения в атмосфере постоянной лести.

Девушка в темно-синем костюме подошла к Генри и поприветствовала его.

— Ах да, — сказала она, взглянув на его визитную карточку, — мистер Барри вас ждет. Сюда, пожалуйста.

Она провела Генри из демонстрационного зала на третий этаж. Собственно говоря, помещение, в котором он оказался, представляло собой склад, заполненный вешалками с одеждой. Девушка вместе с Генри прошла между рядами стеллажей и постучала в дверь с надписью «Вход воспрещен».

— Входите, — прозвучал глубокий бархатный голос с сильным центральноевропейским акцентом.

Девушка открыла дверь.

— Мистер Барри, это главный инспектор Тиббет, — сказала она и отошла в сторону, позволяя Генри пройти.

Хорас Барри оказался невысоким полным человеком с редкими седыми волосами, носившим очки в широкой роговой оправе. Он был больше похож на банкира или держателя большого пакета акций, чем на законодателя мод.

— Ах, инспектор. Проходите. Садитесь, прошу. Ужасное происшествие, так? Вы пришли из-за убийства в «Стиле», так?

— Да, — ответил Генри, — извините, что пришлось вас побеспокоить...

— Никакого беспокойства, инспектор. Никаких проблем. Боюсь, я мало чем сумею вам помочь, но все, что в моих силах...

Генри сел напротив него за большой, до блеска отполированный стол и задал вопрос:

— Вы, очевидно, слышали, что случилось.

— Читал в газете. — Барри бурно жестикулировал, и его похожие на обрубки пальцы напомнили Генри кисти музыканта — сила в них сочеталась с артистизмом.

— Мисс Пэнкгерст была отравлена, — произнес Генри, — я пришел к вам потому, что во вторник вечером вы ужинали с мистером Горингом, а потом поехали к нему домой. Я подумал, что вы сможете поделиться впечатлениями о людях, которые были на той вечеринке.

— Разумеется... Могу я предложить вам чашечку кофе? Или что-нибудь покрепче, инспектор?

— Нет, спасибо, — отказался Генри. — Просто опишите мне вечер вторника.

— Ну, сначала я ужинал с Горингом, и мы довели до ума мои планы насчет цветной рекламы в майском номере. Потом к нам присоединился Николас — Николас Найт. Вы его знаете?

— Я говорил с ним.

— Талантливый юноша. Невероятно талантливый. У него есть интуиция. Он способен понять суть парижских коллекций.

— Он сказал мне, что работает на вас.

— Верно. Он сделал часть моей осенней коллекции, и у меня большие планы насчет летней. Моя новая рекламная кампания будет построена вокруг его имени. Я собираюсь выпустить новую, более дорогую линию одежды, с другим логотипом — очень скромным и стильным. Представьте... черный атлас и белый шрифт: «Николас Найт для 'Барримода'». Просто. Со вкусом. Мои рекламщики хотели, чтобы я использовал какой-нибудь дешевенький слоган: «Больше чем Париж от 'Барримода'»... или какую-то чушь в этом роде. Я отказался. Теперь я хочу поймать покупателей при помощи стиля «Николас Найт для 'Барримода'» — ничего больше. Я вам надоедаю?

— Нет, что вы, — произнес Генри, — но давайте вернемся к вечеру вторника. Я полагаю, вы неплохо знаете сотрудников «Стиля».

— Некоторых. — Барри широко улыбнулся. — Мисс Конноли, редактор молодежного раздела, часто приходит ко мне за одеждой для съемок, потому что я создаю хорошие вещи в том ценовом диапазоне, о котором она пишет. Что за девушка! — Барри поцеловал кончики пальцев. — Какой талант! Какой ум! В первый раз она была тут два года назад. Посмотрев мою коллекцию, сказала: «Мистер Барри, сделайте это платье чисто белым, уберите карманы и укоротите рукава — вот так, — и я отведу ему целую страницу». Я просто озверел. «Что, ребенок будет указывать мне, как вести дела?» — подумал я. Но «Стиль» — это «Стиль», так что я сделал, как она сказала, и продал две тысячи штук. Я этого в жизни не забуду. С того дня я всегда слушаю, что она говорит.

— Но мисс Конноли не было там во вторник вечером, — терпеливо отметил Генри. — А что вы можете сказать про остальных?

— Мисс Френч — потрясающая женщина. Потрясающая сила. Она оказывает мне честь, два раза в год приходя на мои показы. О... это действительно сила. Не знаю никого, похожего на нее. Мисс Мэннерс — она понимает в моде. Но мы с ней не всегда соглашаемся. «У вас слишком хороший вкус, моя дорогая мисс Мэннерс, — говорю я ей. — Ваш вкус для читательниц 'Стиля'. Но мои вещи, мои вещи должны покупать и те, у кого другой вкус». О, но подождите, посмотрим, что она скажет, когда увидит мою линейку от Николаса Найта...

— Давайте вернемся ко вторнику, — в который раз повторил Генри. — Вы все поехали на Бромптон-сквер. Что там было?

Обычно веселое лицо мистера Барри исказила злобная гримаса, как будто он вспомнил что-то неприятное.

— Патрик Уолш и Майкл Хили, — мрачно произнес он, — такие грубияны. Не выношу их. Там была еще одна дама, которую я раньше не видел. Думаю, это секретарь мисс Френч. Мисс Филд. Мне было ее жаль, потому что она... как это сказать... оказалась не в своей среде. Я поговорил с ней о кошках, выяснилось, мы оба их любим. Майкл Хили говорил об искусстве, как обычно. Этот молодой человек не должен отходить от своего фотоаппарата. С ним он гений, этого я не отрицаю. Но разве это позволяет ему оскорблять людей? — Барри действительно злился. — Я ему говорю: «Мистер Хили, я, возможно, и не в состоянии рассуждать о пьесах Ионеско, как вы утверждаете. Я, возможно, и не способен оценить то, что вы называете линией Нуриева, но в своих собственных линиях я разбираюсь. Я зарабатываю деньги и плачу вам за работу. И если бы я не занимался своим делом, мне было бы нечем вам платить, запомните. Так что давайте я буду заниматься своим делом, а вы своим». Да, он хороший фотограф, но не единственный в своем роде. Ему не стоит думать, что я буду продолжать работать с ним, если он будет так хамить.

— Кто-нибудь упоминал мисс Пэнкгерст? — поинтересовался Генри.

— Не припоминаю. Мы там, на Бромптон-сквер, недолго пробыли. Честно скажу, инспектор, мне трудно было получать удовольствие от вечеринки, учитывая хамство Уолша и Хили. Они называют меня вульгарным, а ведь я плачу им хорошие деньги. На что им жаловаться? Так что я иду беседовать о кошках с бедной мисс Филд, которая ни с кем, кроме меня, не разговаривала. Я обрадовался, когда Николай подошел ко мне и сказал, что нам пора. Он вызвался подвезти и мисс Филд, раз ей в ту же сторону, что и мне. Кажется, она тоже была рада уехать. И верите ли, инспектор, когда мисс Филд ушла собираться, этот Уолш... — Он осекся. — Да, вот тогда, думаю,

как раз и упомянули мисс Пэнкгерст. Так вот тогда этот Уолш подошел и принялся оскорблять Николаса, как обычно.

— Что именно он сказал?

Барри замялся:

— Он делал неприятные намеки насчет... морали. А потом сказал: «Ты думаешь ‘Стиль’ тебя поддерживает, ты, маленький...». Он произнес плохое слово. «Что ж, — сказал он, — некоторым из нас не очень нравятся твои делишки. Для начала мне и Хелен тоже. Мы знаем все, и мы не дадим тебе жить спокойно. Ни тебе, ни твоему другу».

— Как на это отреагировал Найт? — спросил Генри.

— Бедный мальчик. Он не мог найти слов. Такое оскорбление... и такая неправда. В любом случае прежде чем он успел ответить, вернулась мисс Филд, и мы ушли. Николас расстроился и очень разволновался. Он мало разговаривал в машине. Он завез меня домой около трех. Вот, я вам все рассказал.

— Спасибо, — поблагодарил его Генри, — скажите, а вы были знакомы с Хелен?

— Я знал только ее имя, но никогда не видел.

— Кстати, вы были в Париже на прошлой неделе?

— Разумеется, — вновь заулыбался Барри, к которому вернулось хорошее настроение, — это дорого, но я не могу позволить себе пропустить показы. Я купил несколько туалетов, разумеется. Но основные деньги ушли на плату за вход, чтобы посмотреть и запомнить.

— Вы имеете в виду, что за вход на парижские показы надо платить? — заинтересованно спросил Генри.

— Разумеется, производители одежды всегда платят. Только пресса и частные клиенты проходят бесплатно. Как еще могла бы существовать высокая мода?

— Вы встречали там кого-нибудь из «Стиля»?

— Нет-нет. Показы для прессы отдельно, показы для оптовиков отдельно. Нет, я никого из них не видел.

— Ясно, — ответил Генри. У него испортилось настроение. Он просматривал свои заметки, пытаясь понять, насколько эти с виду гладкие рассуждения ни о чем невинны на самом деле, или же, как сказал Доналд Маккей, в данный момент он противостоял заговору, цель которого заключалась в том, чтобы сбить его с толку. — А насколько хорошо вы знаете мистера Горинга? — поинтересовался Генри.

— Насколько хорошо? Я веду с ним дела. Мы обедаем вместе. Ужинаем вместе. Играем в гольф. Мы уважаем друг друга.

— Вы знакомы с его женой?

— С прекрасной Лорной? Я познакомился с ней, когда приехал на выходные играть в гольф в их имение в Суррее.

— Оно в Хиндгерсте, верно?

У Барри был озадаченный вид.

— Хиндгерст? Такого названия я не знаю. Нет-нет. Дом Горинга неподалеку от Виргиния-Уотер. Туда удобно добираться из Саннингдейла.

— О, разумеется, — ответил Генри, — как глупо с моей стороны, видимо, я спутал его с кем-то другим. Миссис Горинг очень эффектная женщина, вы не находите?

— Настоящий огонь, — согласился Барри, — она не подходит для роли домохозяйки. Не следовало ей оставлять сцену. А он у нее под каблуком. Не хотелось бы мне быть на его месте, признаюсь честно. Но может быть, человеку, которому нет равных в финансовых вопросах, полезно, чтобы дома с ним обращались как с комнатной собачкой, — добавил он. — Как-то, много лет назад, я был в Праге с братом и его женой. Она очень напоминала Лорну Горинг — такие же рыжие волосы и полное отсутствие вкуса. И когда мы там были...

Рассказ, по счастью, прервал милосердно зазвонивший телефон.

— Извините, — сказал Барри, поднимая трубку, — одна минутка...

— Мне уже пора, — произнес Генри, — спасибо вам большое, мистер Барри. До свидания.

Он быстро вышел из кабинета, пока Барри вел оживленную дискуссию с манчестерским магазином о том, когда нужно доставить чесучовые платья с высокой талией.

Вернувшись в кабинет в Скотленд-Ярде, Генри написал длинный и подробный отчет о том, как продвигается дело. На полях он поставил несколько больших вопросительных знаков, означавших, что в данном случае улики недостаточно и требуется дальнейшее расследование. Закончив, он позвал своего сержанта.

— Если кто-то будет искать меня после обеда, — сказал он, — меня нет. На сегодня с меня хватит Лондона. закажите мне машину, пожалуйста. Я поведу сам.

— Хорошо, сэр, — ответил сержант, довольно сносно подражая несравненному Дживсу. — А куда вы поедете, сэр?

— Сначала в Виргиния-Уотер, потом в Хиндгерст. Думаю, я успею в оба конца. Найдите мне адрес загородного дома мистера Годфри Горинга, он находится около Виргиния-Уотер. А потом свяжитесь с полицией Хиндгерста и попросите выяснить, не посещала ли мисс Пэнкгерст кого-то из местных врачей. Я буду у них около пяти. И мне нужна фотография покойной.

Когда сержант уже уходил, Генри остановил его:

— Не звоните в «Стиль» по поводу адреса мистера Горинга. Поищите его в телефонной книге.

Генри уже надел плащ и шарф, готовясь пойти пообедать в любимый паб неподалеку, когда зазвонил телефон и Вероника, задыхаясь от нетерпения, проворковала в трубку:

— Дядя Генри, где же ты был?

— Что ты имеешь в виду? А где я должен был быть?

— Ну, ты так и не появился в «Стиле». Тут только тот сержант с каменным лицом.

— Я занимался другими делами, если тебе необходимо это знать.

— Тебя не сняли с дела, или что-нибудь в этом роде? — взволнованно спросила Вероника.

— Нет, конечно, нет.

— Ох, как хорошо. Тогда ты можешь сводить меня пообедать, я хочу рассказать тебе нечто потрясающее.

— Ну хорошо, — согласился Генри. Он испытывал некое чувство удовлетворенности, как после составления отчета, предвкушая день за городом. — Но есть придется быстро. У меня мало времени. Где ты сейчас?

— В телефонной будке за зданием редакции. Я думала, мы ходим в «Оранжевую».

— Ты думала? Подумай получше, я, знаешь ли, деньги не рисую. Буду ждать тебя на углу Ковентри через десять минут.

— Ладно. Могу я съесть бифштекс с печеной картошкой и мороженое?

— Все, что угодно, — ответил Генри, — только не опаздывай.

Разумеется, она опоздала. На целых десять минут. Вероника, девушка с золотыми волосами, осветила своим присутствием серый январский день и серую Лестер-сквер, через которую бежала в своем алом пальто, полы которого теребил ветер...

— Я не смогла поймать такси, — громко объявила она, встряхивая головой, чтобы убрать волосы с глаз, — мне пришлось идти пешком!

Генри, не любивший оказываться в центре внимания, взял ее за руку и решительно направился к пабу. Всем, кто шел куда-нибудь с Вероникой, приходилось мириться с тем, что она никогда не оставалась незамеченной, люди оборачивались, желая получше ее рассмотреть.

Вероника была слишком молода, чтобы соблюдать этикет делового обеда так, как это делал Годфри Горинг. Ее прямо-таки распирало от информации, которой она начала делиться еще до того, как они с Генри уселись за стол.

— Думаю, это очень важно, дядюшка Генри. Я сама случайно узнала, представляешь. Интересно, сама она тебе об этом расскажет...

— Пожалуй, нам стоит сделать заказ, — произнес Генри, заметив подошедшего официанта.

— Бифштекс и печеная картошка, — коротко сказала Вероника. — Понимаешь, дело в том, что Бет хотела его у кого-нибудь попросить, а мисс Филд подходила как нельзя лучше, а я была с Бет из-за моей фотосессии, и...

— Два бифштекса с печеной картошкой, — сделал заказ Генри. Обращаясь к Веронике, он добавил: — Ронни, можешь говорить немного потише? Так что Бет хотела попросить у мисс Филд?

— Ключ. — И без того большие глаза Вероники из-за горящего в них азарта казались огромными. — Бет приходится сейчас проворачивать массу работы, потому что из-за убийства пришлось менять планы и парижский номер опаздывает. А потом, когда мы уже почти закончили,

пришла Тереза и сказала, что Бет следует изменить весь свой раздел для апрельского номера. Я думаю, это совершенно...

— Не отходи от темы, — произнес Генри. — Итак, Бет Конноли решила, что ей придется работать допоздна, и попросила мисс Филд одолжить ей ключ от двери здания. Так?

— Да! — ответила Вероника. — Тогда мисс Филд обнаружила... — Вероника выдержала эффектную паузу, — что потеряла его!

— Ключ? — встрепнулся Генри.

— Да. Она была страшно расстроена. Клялась, что во вторник он был у нее в сумке, а теперь исчез. Если бы это была мисс Мэннерс или кто-то вроде нее, я бы просто решила, что она его где-то забыла или выронила. Но мисс Филд никогда ничего не теряет. Его украли, я уверена! По-другому и быть не могло! Ну что, нашла я для тебя что-то полезное?

— Очень интересно, — проговорил Генри, — я бы не назвал это полезным. То, что ты рассказала, лишь все усложняет. Раньше я считал, что только один из тех, у кого был ключ, мог... Не важно. Интересно, кто-нибудь мог открыть ее сумку во вторник вечером?

— Я думаю, все могли. Но с другой стороны, не знаю... Сумка всегда стоит на полу рядом с ее столом, а Доналд сказал, что она весь вечер никуда не выходила. Все остальные то и дело расхаживали по фотолаборатории и другим кабинетам, как он говорит, но мисс Филд не сдвинулась с места.

— Марджери Френч сказала то же самое, — задумчиво произнес Генри.

Принесли бифштексы, как всегда вкусные, и на некоторое время Вероника увлеклась едой с аппетитом, присущим всем молодым и худым. Генри погрузился в свои мысли, от которых его отвлек голос Вероники:

— Разве не так, дядя Генри?

— Разве не как? — невнятно переспросил он с полным ртом картошки.

— Ты меня не слушал, — обиженно проговорила Вероника. — Я сказала, разве это не намного интереснее, чем платья Николаса Найта?

— Намного, — согласился Генри, — а скажи мне... У Доналда ведь нет своего ключа от здания, верно?

— Нет. Но если ты хочешь сказать, что...

— Я ничего не хочу сказать. Просто думаю вслух. У Эрнеста Дженкинса тоже ведь нет ключа?

— Разумеется, нет. Можно мне еще масла?

— Бери. — Генри подтолкнул к ней свою тарелочку с маслом. — Ты не растолстеешь от всей этой картошки?

— Я ни от чего не толстею, — ухмыльнулась Вероника, и это была чистая правда. — Есть еще кое-что, о чем я умолчала.

— Что?

— Марджери Френч собирается отойти от дел, — возвестила она с видом фокусника, вынимающего кролика из шляпы.

— Я в курсе.

— Ох! — Вероника была разочарована. — Ты не мог этого знать, это страшный секрет.

— Тогда откуда ты знаешь?

— То есть был страшный секрет. До сегодняшнего утра. Сегодня об этом объявили официально. Мисс Френч уходит в марте, и главным редактором станет мисс Мэннерс. Вся редакция только об этом и говорит. Доналд утверждает, что Дядюшка ему сказал, будто Олвен в бешенстве. Не знаю почему. Ну что, есть от меня польза?

— Еще какая, Ронни, — серьезно ответил Генри, — но... — Он поколебался. — Думаю, тебе стоит прекратить заниматься этим расследованием.

— Но, дядя Генри! Ты же говорил...

— Не хочу тебя пугать, но то, что ты, по всей видимости, считаешь игрой, на самом деле очень серьезное дело, которое может оказаться опасным. Мы имеем дело с убийцей, и я хочу, чтобы ты держалась от всего этого подальше.

— Ты же не хочешь сказать, что кто-то попытается убить меня? — рассмеялась Вероника. — Дядя Генри, это же глупо.

— Это не глупо, — отрезал Генри, — ты можешь держаться подальше от этого места, пока я со всем не разберусь?

— От «Стиля»?! Разумеется, не могу. Это самый важный этап в моей карьере. И кроме того...

— И кроме того, там Доналд Маккей, — без улыбки произнес Генри.

Вероника покраснела:

— Это не имеет никакого отношения к...

— Разумеется, имеет. Возможно, даже большее, чем ты думаешь.

Они замолчали.

— Ладно, — проговорил Генри, — тут я не могу тебе указывать. Твоя карьера — это твоё дело. Но, пожалуйста, Ронни. Никаких больше расследований. Я серьезно. Делай свою работу, а мою оставь мне.

— Посмотрим, — ответила Вероника.

Глава 8

Ферма Редфилд, в Даунли, недалеко от Виргиния-Уотер, уже много лет не использовалась по своему прямому назначению. Генри понял это сразу, как только свернул в кованые ворота, окаймленные мокрыми каштанами. Симпатичный, отделанный деревом домик в стиле Тюдоров — вот все, что напоминало о сельскохозяйственном прошлом имения. Сейчас он стоял посреди тщательно распланированного сада, пастбища и поля. Окружавшие его участки были распроданы преуспевающим дельцам, желающим построить загородные дома. Все эти дома были построены в двадцатом веке, и Генри был вынужден признать, что ему больше всего нравились те, которые выглядели современно и не пытались прикидываться тудоровскими или георгианскими особняками. Среди них, как живой лев в магазине плюшевых игрушек, и стояла ферма Редфилд во всем своем, пусть и несколько стесненном, великолепии.

Дорога превратилась в широкую полукруглую площадку перед дверью из темного дуба. Генри аккуратно припарковался, подошел к двери и потянул за старомодный шнурок для звонка. Откуда-то изнутри донесся мелодичный звон. Он поднял глаза и заметил, что за ним напряженно наблюдают из окна наверху. Это была Лорна Горинг.

Однако ни малейшего признака напряжения или беспокойства не было на ее лице, когда через несколько секунд она театральным жестом распахнула дверь и воскликнула:

— Инспектор Тиббет! Прошу вас, входите. Простите, что я в таком виде, я не знала, что вы приедете. Это официальный визит или дружеский?

— И то и другое, надеюсь. — Генри с трудом удалось вставить слово.

— Осторожно, не ударьтесь головой — о нашу притолоку все бьются, — предупредила Лорна, пока они шли в удобную, но безвкусно обставленную гостиную, где два спаниеля громко храпели на диване перед камином. — Садитесь, я соображу чего-нибудь выпить. Что вы будете? Собак можете просто сбросить — они привыкли... Чай, кофе, виски, шампанское?..

— Если вам не трудно, я выпил бы чашечку чаю, — сказал Генри, толкая одного из спаниелей. Собака перевернулась на спину и захрапела еще громче.

— Совершенно не трудно, — отозвалась Лорна. — Куколка, ленивая скотина, слазь. — Она решительно схватила спаниеля за лапы и стащила на пол. Судя по всему, Куколка вполне свыклась с таким обращением, поскольку тут же вновь уснула. — Садитесь, — повторила Лорна.

Генри последовал ее приглашению без особого желания. Обивка дивана была покрыта длинной золотой шерстью Куколки, и — как Генри мрачно подумал — эта шерсть обязательно окажется у него на брюках.

— Пойду принесу чай, — сказала Лорна. — Если вы бросите в камин еще одно полено, будет очень мило. — Она развернулась и, заметив свое отражение в зеркале над камином, произнесла: — Господи, как жутко я выгляжу. Извините меня.

На самом деле Лорна Горинг выглядела очень хорошо. Вряд ли она смогла бы выглядеть по-другому, поскольку природа распорядилась так, что ей досталось безупречное лицо, а к нему прилагалась стройная фигура с длинными ногами и роскошная грива рыжих волос в качестве приятного дополнения. Сегодня, впрочем, было еще более заметно, чем тогда, в «Оранжеее», что Лорна считала: доставшееся ей от природы богатство не требует никаких дополнений. Ее волосы спутались, а весь макияж составляла небрежно нанесенная губная помада. Лорна была одета в темно-зеленые шелковые брюки и бледно-голубую шелковую блузу. И то и другое было безупречно скроено, но брюки держались на талии при помощи огромной, бросающейся в глаза английской булавки, а блуза выглядела неопрятно. Когда она подняла свои изящные руки в безуспешной попытке привести волосы в порядок, Генри увидел, что красный лак на ногтях облупился и облез. Генри невольно вспомнил всегда холеного и безупречно выглядевшего Годфри Горинга, изысканный облик сотрудника «Стиля», и понял, что не может представить себе это потрясающее, небрежное создание в мире «Стиля». Он мог предположить только, что Лорна, непринужденно отбрасывающая все правила, диктуемые журналом, позволяет Горингу отдохнуть в атмосфере, совершенно не похожей на ту, в которой он работает. Отдыхает он здесь или нет, подумал Генри, но эти два мира и вправду совершенно не похожи.

Лорна скрылась в кухне и крикнула Генри оттуда, чтобы он угощался сигаретами. Через несколько минут она вернулась с подносом, на котором стоял чайник, накрытый розовой вязаной грелкой, сделанной в виде юбки модницы восемнадцатого века. Верхняя часть туловища красавицы, сделанная из фарфора, покоилась на крышке чайника. На грелке виднелись пятна чая, а сама фарфоровая барышня даже лишилась руки. Кроме этого, на подносе обнаружили две чашки от разных сервизов — обе со сколотым краем, очень красивая серебряная сахарница георгианских времен и бутылка молока в полпинты.

Лорна стащила с дивана второго спаниеля, села и принялась разливать чай. Наконец она сказала:

— Разумеется, я весьма польщена вашим визитом, но не представляю, чем могу вам помочь. Я не была в Лондоне уже несколько месяцев — до вчерашнего дня, когда мы встретились в «Оранжеее».

— Завидую вам, — произнес Генри, — должно быть, ваш муж тоже рад иметь возможность отдыхать здесь, вдали от лондонской суеты.

На какое-то мгновение лицо Лорны помрачнело.

— О, Годфри ненавидит бывать за городом. Он живет в Лондоне и приезжает сюда только на выходные. Иногда, — добавила она. — Разумеется, он должен находиться в Лондоне из-за работы.

У Генри сложилось впечатление, что она сожалела о том, что это сказала. Он заметил:

— Но многие ездят отсюда каждый день на работу в Лондон, разве нет?

— Годфри не ездит.

Генри не стал развивать тему. Вместо этого он спросил:

— Миссис Горинг, насколько хорошо вы знали Хелен Пэнкгерст?

— Я не знала никого из них, разве что визуально, — ответила Лорна. — Годфри не хотел, то есть он не любит женщин, которые лезут в дела мужчин. И я тоже. — Последние три слова она произнесла с излишним напором. — Мне приходится иногда там появляться — на ежегодных вечеринках, к примеру, или по другим подобным поводам, но все остальное время я туда не лезу. Между нами, я думаю, что девушки из «Стиля» выглядят как в фильме ужасов. Единственная из них, кто хоть чего-то стоит, это маленькая Олвен, которая снимала квартиру вместе с Хелен. Разумеется, остальные смотрят на нее сверху вниз. Я защищаюсь от них смехом, и это приводит Годфри в бешенство.

Она посмотрела своими огромными зелеными глазами прямо в глаза Генри, и тот подумал, что небольшие морщинки не портят ее, а лишь придают лицу больше выразительности.

— Мне жаль Хелен, разумеется, — продолжила Лорна, — но нет смысла делать вид, что я хорошо с ними лажу. Я подумала, что лучше будет сразу вам об этом сказать, чем если бы вы потом узнали об этом от кого-нибудь другого и заподозрили что-нибудь. Думаю, если уж быть до конца честной, то я ревную. Не к кому-то конкретному, а к той власти, которую журнал имеет над моим мужем. Тем не менее могу вас заверить, что я не убивала Хелен. Я ее почти не знала.

— Я ни на секунду не мог предположить... — начал Генри.

Лорна оборвала его:

— Разумеется, нет. Это было бы слишком глупо.

Генри поинтересовался:

— Вы не чувствуете себя здесь одиноко в будние дни?

— О, — пожала плечами Лорна, — у меня есть моя дорогая миссис Адамс, которая каждое утро приходит помогать по дому. И собаки, разумеется.

— И, полагаю, множество соседей.

Лорна скорчила гримаску.

— Отвратительные люди, — сказала она, — богатые и респектабельные. Они все читают «Стиль». Все. Простые черные платья и одна нитка жемчуга на шее. — Неожиданно она улыбнулась. — Тем не менее и от них есть какая-то польза. Так вышло, что вечером вторника я была вынуждена устроить гнусную вечеринку с бриджем — периодически мне приходится делать широкий жест и проявлять гостеприимство. Вечеринка затянулась где-то до трех ночи. Так что у меня есть алиби, инспектор. Могу сказать вам, кто здесь был. Миссис Дэнкуорт с сыном, леди Райт, Петерсоны...

Генри сосредоточенно записал имена в свою записную книжку, а затем поинтересовался:

— Миссис Горинг, вы знаете что-нибудь о Хиндгерсте?

Лорна была озадачена вопросом:

— О Хиндгерсте? Нет, никогда там не была. Это на другом конце графства. А почему вы спрашиваете?

— Я просто решил, что, возможно, вы сможете мне помочь. Кажется, мисс Пэнкгерст обращалась к местному врачу. А раз это в Суррее, я подумал, что ваш муж вполне мог порекомендовать ей кого-то. Я как раз туда еду. Выяснив, к какому именно врачу она обращалась, я избавился бы от бесконечных поисков.

— Нет, боюсь, тут я не могу ничем вам помочь. Наш врач принимает на Харли-стрит. И есть еще один местный врач, к которому я обращаюсь по мелким поводам. Так Хелен была больна?

— По всей видимости, нет, потому меня так и интересует ее визит к врачу. Ну что ж, у меня была только смутная надежда. Пожалуй, мне пора. Спасибо за чай.

— Но разве вы не хотите... То есть вы задали мне не так уж много вопросов.

— Я узнал все, что мне было нужно, — ответил Генри, — вы очень мне помогли.

— Правда? Господи, да я же ничего вам не сказала.

— Именно, — заверил ее Генри, — вы сказали, что не знали ни саму Хелен, ни ее коллег и несколько месяцев не были в Лондоне. Так что мне, кажется, больше не о чем говорить.

Лорна рассмеялась:

— Вы правы.

Генри стоял на пороге, когда Лорна Горинг вдруг сказала нечто довольно странное. Несколько минут она отвлекала Генри небольшими светскими уловками, как будто раздумывала, стоит что-то добавить или нет. Но в последний момент она, по всей видимости, приняла решение.

— Что ж, инспектор, — начала она, очень убедительно имитируя непринужденность, — желаю вам удачи в поисках. — Она помолчала. — Кстати, если вы найдете этого врача... У меня есть подруга, которая недавно переехала в Хиндгерст, и она спрашивала, не знаю ли я хорошего семейного врача в той части графства. Если вам не трудно, конечно, не могли бы вы сообщить мне имя этого парня, когда его узнаете? Раз Хелен ездила к нему, он, должно быть, неплох.

Генри постарался не выказать удивления.

— Разумеется, — вежливо произнес он, — я скажу вашему мужу. Думаю, мы с ним увидимся.

— О нет-нет, не делайте этого... он безнадежен. Он совершенно точно забудет мне передать. Позвоните сюда. Мой номер есть в телефонной книге.

— Хорошо, — ответил Генри, — так и сделаю. А теперь до свидания и спасибо за все.

Довольный собой, он сел в машину и уехал. Лорна Горинг сообщила ему больше, чем думала.

* * *

К тому времени когда Генри доехал до Хиндгерста, зарядил дождь. Симпатичный городок под серыми струями выглядел весьма уныло, так что Генри был рад оказаться в тепле и относительном уюте полицейского участка. Здесь его встретил широко улыбающийся сержант и еще одна чашка чая, но никаких хороших новостей. Имя Хелен не вызвало даже смутных воспоминаний ни у одного из местных врачей.

— Разумеется, сэр, — добавил сержант, — она могла представиться вымышленным именем, и у нас не было фотографии.

Генри потер шею. Этот жест всегда свидетельствовал о том, что ему не дают покоя фрагменты головоломки, которые никак не складываются.

— Я тут подумал, — произнес сержант. — Может, она... ну... понимаете, обращалась по семейным вопросам. Почему бы ей еще пришло в голову ехать в такую даль? И если это действительно так, то она бы не сказала врачу настоящее имя.

— Действительно, — ответил Генри, — это удобное, очевидное объяснение. Но не для нашего случая.

— А... — мрачно отозвался сержант. Он был совершенно разбит тем, что плоды его вдумчивого анализа были с ходу отвергнуты как, во-первых, очевидные, а во-вторых, ошибочные.

Генри, пожалев его, быстро добавил:

— Мы сами поначалу пришли к такому заключению, но медицинское свидетельство показало, что мы ошибались.

— О... — Сержант немного повеселел.

Генри улыбнулся.

— Расскажите мне про местных врачей, — попросил он, — сколько их тут?

— Ну... — Сержант удобнее устроился в кресле. Ему явно доставляло удовольствие продемонстрировать свои познания такому важному гостю. — Во-первых, старый доктор Гербертсон, который живет на холме — у него очень успешная практика. Во-вторых, доктор Робертс, здесь на Хайстрит, к нему ходит большая часть лавочников. В-третьих, доктор Бланд и доктор Таннер вместе содержат хирургический кабинет на Гилдфорд-роуд — их клиенты в основном фермеры. И еще, разумеется, есть молодой доктор Вэнс. Почти забыл про него. Новый парень. Приехал и устроился здесь, когда умер старый доктор Пирс. Говорят, дела у него идут не слишком хорошо. Большая часть пациентов доктора Пирса перешла к доктору Гербертсону. Люди тут бывают странными, знаете ли. Долго привыкают к новым лицам. — Сержант помолчал. — Это все. И, по их словам, никто из них не знал мисс Пэнкгерст.

— Ее фотографии были почти во всех газетах, — произнес Генри, — и никто ее не узнал?

— Увы, — ответил сержант. — Кроме того, по этим газетным снимкам вряд ли можно кого-то узнать.

— Те, которые привез я, не намного лучше, — невесело заметил Генри. — Видимо, она терпеть не могла фотографироваться. — Он вытащил из кармана конверт и уставился на две лежавшие в нем маленькие фотографии. Одна из них была сделана Олвен Пайпер на балконе их квартиры в Кенсингтоне прошлым летом — там была запечатлена размытая фигура Хелен, поливавшей бегонии. Другой оказалась фотография для паспорта, сделанная семь лет назад. Генри вздохнул: — Ну что ж. Это все, что у нас есть. Я пойду навещу врачей.

В Лондон Генри удалось вернуться только в девять вечера. Ему пришлось пережить нескончаемые, бессвязные рассказы доктора Гербертсона о его пациентах аристократического происхождения: «И я сказал лорду Уэссексу: 'Ладно. Ступайте к сэру Джеймсу за еще одним мнением, если хотите'. На следующий день он вернулся несколько пришибленным. Я, разумеется, сразу понял, в чем дело. 'Так что же сказал сэр Джеймс?' — спросил я. Он сказал: 'Мой дорогой Уэссекс, я бы не хотел ставить диагноз, не посоветовавшись с моим дорогим другом Гербертсоном. Он знает об этом вдвое больше меня'. И что вы об этом думаете, а? Мы с его светлостью до сих пор смеемся над этим. Замечательный человек... Настоящий джентльмен и, думаю, имею право так говорить, мой друг». Сбежав от доктора Гербертсона, Генри провел недолгую беседу с занятым и очень с виду взволнованным доктором Робертсом: «Извините, инспектор. Ничем не могу помочь. В жизни не видел эту девушку. Мне надо идти. Прошу

прощения». Далее последовал визит в переполненный страдающими сельскими жителями хирургический кабинет, где доктор Бланд и доктор Таннер, не унывая, занимались своим делом. В конце концов Генри удалось отклонить настойчивое приглашение выпить, поступившее от молодого доктора Вэнса. Доктор продемонстрировал, несмотря на молодость, явную тоску и настойчивость Старого Морехода: «Господи, в этом месте можно прожить десять лет, и ты все равно останешься для них чужаком, и тебе этого никогда не простят — вот в чем беда. Выпейте виски, инспектор, прошу вас. Этот старый дурак Гербертсон должен был отойти от дел много лет назад. Самонадеянный, болтливый, некомпетентный... Но все они так и ходят к нему. Почему? Да потому что они давно его знают. И как прикажете...» Генри твердо отказался и вернулся в машину. Из всех разговоров ему удалось извлечь только один удручающий факт — ни один из врачей не узнал Хелен.

По дороге домой под все усиливающимся дождем Генри прокручивал задачу в уме. В ту субботу, месяц назад, Хелен ходила к врачу. Зачем? Судя по всему, с ней все было в полном порядке. В тот же день она ездила в Хиндгерст. Разумеется, это ничего не доказывало — она вполне могла сходить к врачу в Лондоне, а потом поехать. С другой стороны, в этом случае у нее должны были быть друзья или знакомые в Суррее. Стал известен и еще один более интересный факт: обратно она не поехала поездом — об этом свидетельствовала неиспользованная половина билета в оба конца, до сих пор лежавшая в ее сумке. Это могло означать, что либо ее довезли домой на машине, либо она неожиданно была вынуждена остаться на ночь и купить обратный билет на следующий день. Оба варианта подразумевали более личную цель поездки, чем просто визит к врачу.

Генри задумался о коллегах Хелен. Кто-то из них совершенно точно смог бы пролить свет на эту проблему, если бы захотел. Но кто? Хелен еще раз встречалась с врачом — в день перед смертью. Она точно успела бы съездить в Хиндгерст между обедом и шестью часами, но Генри пришел к выводу, что врач и Хиндгерст никак не связаны. Нет, врач должен быть в Лондоне, и Генри завтра же примется за его поиски.

Хиндгерст же пока оставался загадкой, ответ на которую мог быть весьма банальным. Куда больше Генри интересовал телефонный разговор, подслушанный Олвен. Повинуясь внезапно пришедшей в голову идее, Генри остановился рядом с телефонной будкой в Патни, нашел имя и фамилию Патрика Уолша и набрал его номер в Кэнонбери.

Некоторое время на звонок никто не отвечал. Затем неприветливый голос произнес:

— Чего вам? Я был в ванной.

— Это инспектор Тиббет, мистер Уолш.

— А сейчас уже черт знает сколько времени, чтобы звонить мне, если я могу высказать свое мнение. Я думал, вы насмотрелись на меня вчера.

— Мы с вами еще и не начали, — миролюбиво проговорил Генри. — Могу я к вам подъехать?

— Когда?

— Сейчас.

Повисла пауза, и наконец Патрик произнес:

— Господи, чего вам надо? С какой стати я должен принимать вас у себя в такое время?

— Сейчас только девять, — ответил Генри, — и я весь день был занят.

— Я тоже. Нет. Будь я проклят, если разрешу вам прийти.

— Я могу настоять на этом, — заметил Генри, — но надеюсь, нам удастся обойтись без этого. В любом случае разве мы оба не заинтересованы в том, чтобы выяснить, кто убил Хелен? А след убийцы остывает с каждой потраченной впустую минутой.

Патрик на другом конце провода явно усомнился в своем решении, поскольку уступил:

— Ладно, приезжайте, если вам действительно надо. Вы знаете дорогу?

— Найду, — ответил Генри. — Буду у вас через полчаса.

Он позвонил Эмми и предупредил, что задержится, затем продолжил свой путь на восток.

Выяснилось, что Патрик живет в красивом, но обветшалом георгианском доме на небольшой площади рядом с Эссекс-стрит. Постепенно наводнявшие район художники и интеллектуалы стали причиной появления окрашенных в яркие цвета дверей и оконных рам. Дом Патрика не был исключением.

Входная дверь оказалась открыта, и Генри прошел в обшарпанный холл с облупившимися, выкрашенными в шоколадно-коричневый цвет стенами и вытертым линолеумом на полу. Следуя указаниям Патрика, он поднялся по ветхой лестнице на третий этаж к недавно окрашенной бескомпромиссно черной двери. На прикрепленной к ней белой табличке от руки было написано всего одно слово: «Уолш». Генри поискал звонок, не смог его обнаружить и взялся за дверной молоток в форме сжатого кулака. Он ударился о дверь с коротким глухим стуком.

В квартире тут же послышалось движение, дверь открылась, и Патрик Уолш произнес:

— Давайте входите, мой мальчик. Входите.

Патрик, выглядящий еще более огромным и неуклюжим в красной пижаме, черном махровом халате и старых верблюжьих тапочках, провел Генри в квартиру, представлявшую собой огромную студию. Инспектор подумал, что это и есть идеальное жилище художника, и неожиданно очень смутился. Он внезапно осознал, что его собственный вкус в оформлении помещений — вкус, которым он был склонен гордиться, — был плодом смешения мировоззрения представителя среднего класса, советов журналов по интерьеру и предложений рекламы. К своему стыду, он понял: все, что они с Эмми сделали в их доме, представляло собой дешевую имитацию современных взглядов на элегантное жилище. Выбирая мебель, шторы, детали интерьера, они руководствовались, пусть и не до конца это сознавая, чьим-то чужим мнением. А сейчас Генри находился в квартире, оформленной исключительно в соответствии со вкусом ее владельца, которому было наплевать на других. Генри с горечью осознал, что, если бы сам он поступил таким образом, результат был бы чудовищен. Здесь же эффект вышел поразительный.

Стены огромной комнаты были покрыты узором из беспорядочных цветных пятен, в эркерах или вокруг окон — оранжевых, темно-лиловых, бледно-голубых. Выглядело хаотично, но и весьма эффектно. Маленькие бронзовые статуэтки из Флоренции соседствовали с современными резными фигурами из Африки и перуанской керамикой. На массивном дубовом столе, напоминающем обеденный, среди завалов книг и набросков было расчищено место для каменной банки с золотистой хризантемой, а на мольберте у окна стоял стилизованный набросок цветка, выполненный яркими масляными красками. Грязный деревянный пол украшал и два темно-красных персидских коврика для молитвы, норвежский домотканый коврик с черно-белым узором и несколько кокосовых циновок. Одно окно не было занавешено, другое скрывала драпировка из оранжевого шелка. По стенам висели рисунки чернилами, автором которых, по всей видимости, был сам Патрик, маленькая византийская икона, сверкающая как драгоценный камень, и эффектный рекламный плакат французских железных дорог. Комната должна была выглядеть ужасно, но на деле было не так. Все разномастные предметы, украшавшие ее, объединял вкус Патрика.

Патрик уселся на маленький стул в викторианском стиле, жестом предложил Генри занять диван, поворошил угли в камине и предложил:

— Выпейте, раз уж вы здесь.

— Спасибо, — ответил Генри, — не откажусь.

Патрик не предложил ему никакого выбора. Вместо этого он налил в стаканы из толстого стекла две щедрые порции ирландского виски. Свою он выпил одним глотком, налил еще и произнес:

— Ну что?

— Хелен, — сказал Генри, — звонила вам вечером перед смертью.

Лицо Патрика изменилось, приобретя угрожающее выражение.

— И что? Это запрещено законом?

— Почему вы не сказали мне об этом?

— Вы не спрашивали. Вы спросили, видел ли я ее, и я ответил «нет».

— Не важно, — произнес Генри, — знаете, когда люди делятся информацией, это сильно облегчает жизнь. Что она вам сказала?

— Ничего особенного. Просто дружеский звонок.

Генри открыл записную книжку и пролистал ее. Механическим голосом он прочел:

— «Доктор говорит, что у него нет сомнений. Не знаю, что мне делать. Он никогда от нее не уйдет, ты же знаешь. Честно говоря, мне хочется умереть».

Последовало тяжелое, как густой туман, молчание. Затем Патрик произнес:

— Я так думаю, что эта чертова дура Олвен...

— Мисс Пайпер, как и следовало, рассказала мне...

— Как и следовало? — Патрик зло рассмеялся. — Думаю, она за всю свою жизнь ни разу не сделала ничего, чего не следовало бы. В этом ее проблема.

Генри продолжил:

— Я не думаю, что она лгала, но нельзя быть ни в чем уверенным. Если бы вы могли сказать мне, что именно сообщила вам мисс Пэнкгерст...

Патрик поднял глаза. Он казался старше, и у него было больше морщин, чем первоначально запомнилось Генри.

— Вы говорите, что Хелен убили, — проговорил он, — я в этом сомневаюсь. Я думаю, милая девочка покончила с собой, потому что... у нее были проблемы. И если так, то нет смысла рассказывать вам, какие это были проблемы. Если ее и вправду убили, то точно не из-за них. При всех обстоятельствах я не вижу смысла разглашать ее тайны.

— Рассказать мне не значит разгласить, — сказал Генри.

— Нет? — Патрик вопросительно посмотрел на него. — Позвольте мне в этом усомниться, господин инспектор. Вам недостаточно моего слова, что вы погнались не за тем зайцем и вам не стоит думать об этом? Вам следует искать убийцу в другом месте.

— Где, например?

— Не знаю. — Судя по голосу, Патрик был сбит с толку. — Если кто-то убил Хелен, то очевидно, сделал это не просто так. Но я об этом ничего не знаю. Вы не туда пришли за информацией.

— И куда же, вы полагаете, мне следует за ней идти?

— Откуда я знаю? — Патрик опять начинал злиться. — Это ваше дело.

— Мистер Уолш, — произнес Генри, — как вы не понимаете, что я лишь пытаюсь докопаться до правды. Мне не нравится лезть в личную жизнь окружающих, но раз уж вы делаете из этого такой секрет, я вынужден выяснить подробности на случай, если они имеют отношение к ее смерти. Если же нет, можете быть уверены, что все, что вы скажете, дальше не пойдет.

В последовавшем молчании Патрик налил им обоим еще виски. Затем произнес:

— Вы хорошо умеете заговаривать зубы, инспектор. Если бы только я мог вам доверять.

— Прошу вас, — сказал Генри.

Патрик подумал и, по всей видимости, принял решение.

— Ладно, — сказал он, — наверное, я старый дурак, но расскажу вам все, что знаю. Не слишком много на самом деле.

Генри с надеждой ждал. Патрик, сделав большой глоток из стакана, продолжил:

— Хелен была влюблена. Не спрашивайте меня, в кого, поскольку она мне никогда не рассказывала, а я не задавал вопросов. Она просто описала мне ситуацию — без имен, — и это была адская ситуация для моей бедной девочки. Я так понял, что у мужчины — назовем его Икс — была жена, с которой его связывал не только супружеский долг, но еще финансовые и деловые причины. Позже, как он говорил Хелен, когда у него будет возможность, он разведется с женой и женится на ней. А пока надо было молчать обо всем. Разумеется, Хелен все это не нравилось, но что она могла поделать? Ей приходилось мириться с обстоятельствами. Несколько месяцев назад, впрочем, возникла новая ужасная проблема. Хелен начала беспокоиться из-за здоровья Икса — она дочь врача и кое-что понимала в таких вещах. Ей удалось убедить Икса сходить вместе с ней к доктору и пройти обследование, ничего не рассказывая жене. После этого она сама переговорила с врачом, который, разумеется, счел ее женой Икса, и они договорились, что, когда будут готовы результаты анализов, он сообщит худшее ей, но не скажет самому Иксу. Хелен знала, что на уточнение диагноза потребуется несколько недель. Не было ничего странного в том, что милая девочка безумно нервничала. Мне она позвонила, вернувшись от врача. Он сообщил ей, что у Икса рак, не поддающийся лечению, и ему остался максимум год жизни. Сам Икс, разумеется, этого не знал и, полагаю, не знает до сих пор. Когда Хелен позвонила мне и все рассказала, она была в отчаянии. Всем ее надеждам и мечтам не суждено было сбыться. Оставался всего год, и она хотела провести его с любимым. Развод больше не имел никакого значения, лишь бы они были вместе. И все-таки она не желала, чтобы он узнал правду, а не узнав ее — она прекрасно

понимала, — он никогда бы не ушел от жены. Теперь вам ясно, что именно услышала Олвен? И есть ли у вас теперь сомнения в том, что Хелен покончила с собой?

Последовала долгая пауза. Затем Генри спросил:

— Вы и вправду не знаете, кто этот Икс?

— Нет, — неохотно ответил Патрик.

— Почему тогда, — продолжил Генри, — вы прилагали столько усилий к тому, чтобы я не узнал о Хелен и Майкле Хили?

— Я не... — начал Патрик, — я... — Он замолчал и с ненавистью посмотрел на Генри. — Вы пытаетесь загнать меня в угол. Нельзя было вам доверять, черт бы вас побрал!

— Я не пытаюсь загнать вас в угол, — терпеливо произнес Генри. — Все остальные просто наслаждались, рассказывая мне про Хелен и Майкла. Вы единственный, кто...

— Кто вам рассказывал? — Патрик пришел в ярость. — Олвен, разумеется.

— Не только Олвен. Мисс Френч и мистер Горинг, и даже сама мисс Мэннерс — миссис Хили. И мистер Хили ничего не отрицал.

— А, ну что ж, — вздохнул Патрик. — Раз она умерла, все, наверное, решили, что больше нет смысла...

— Вы ведь прекрасно знаете, что Икс — это мистер Хили, верно?

— Она никогда не называла мне имя. — Патрик продолжал стоять на своем. — Разумеется, разговоры были. Это все Олвен. Может, так все и было, а может, нет. Мне больше нечего сказать.

— Ясно, — проговорил Генри. Он думал об осунувшемся лице Майкла Хили в ярком свете фотостудии, о его лихорадочной энергии и едкой иронии. Он вспомнил слова Годфри Горинга за обедом в «Оранжевое» и намеки Николаса Найта. Да, возможность того, что блестящий фотограф — едва за сорок — обречен, но ничего об этом не знает, хотя, вероятно, в глубине души предчувствует скорый конец, существовала. Это бы многое объяснило. Не тот ли это секрет, который так старались скрыть сотрудники «Стиля»? Если предположить, что о болезни Майкла известно не только Патрику? Хелен умерла, но Майкл все еще жив, и его друзья могут бояться того, что расследование Генри заставит его столкнуться с горькой правдой.

Генри спросил себя, что бы он сам делал в их положении. Это очень умные люди. Они понимали, что роман Хелен и Майкла не удастся скрыть, раз Олвен так хочется всем о нем рассказать. Лучше сразу выложить правду и подчеркнуть, что это лишь каприз, ничего не значащая интрижка, и оставить в тени трагическую сторону их отношений. Да, это было вполне логично, если бы не кое-какие факты. Полицейский же работает с фактами, напомнил себе Генри, с фактами, а не со спекуляциями на их основе.

Он спросил:

— У вас ведь есть ключ от редакции «Стиля», мистер Уолш?

— И что с того?

— Ничего. Я просто хотел проверить. Вы часто работаете допоздна?

Патрик усмехнулся:

— Только не я. Я для этого слишком хорош и слишком стар. Разумеется, у нас бывают парижские вечеринки два раза в год, но обычно я стараюсь уходить вовремя. Видите ли, у меня есть моя работа. — Он обвел рукой комнату. — Вы же не думаете, что мне доставляет удовольствие делать макеты для модного журнала в то время, когда я должен писать картины?

— Думаю, — ухмыльнулся Генри, — я в этом уверен.

Патрик громко расхохотался.

— Вы правы, разумеется, — сказал он. — Выпейте еще виски. Разумеется, мне это нравится, иначе бы я там не работал. Но это не мое истинное призвание, я это прекрасно знаю. Я проститутка, если на то пошло. Бедная шлюшка, которая занимается своим ремеслом на Эрл-стрит. Единственное утешение, что я дорого беру.

— Не сомневаюсь, — ответил Генри, — что ж. Теперь я оставлю вас в покое. Спасибо за виски и за откровенность.

— Я уже сожалею о ней, — проговорил Патрик, — мне не следовало...

Генри встал.

— Еще только один вопрос, — проговорил он. — Почему Хелен не сказала вам, кто такой Икс?

— А зачем? — Патрик застыл, пораженный. Затем он выпрямился и произнес: — Это то, что я называю чисто метафизическим вопросом. Вопросом из области философии и психологии. Откуда, черт побери, мне знать, что творилось у бедной девочки в голове?

— Вы никогда об этом не задумывались?

— Думаю, она боялась, что если скажет кому-то его имя, то новость о его болезни может дойти до него...

— Но она рассказывала вам о нем задолго до того, как узнала о его диагнозе. Я правильно понял?

— Я гордился и считал честью для себя то, что она вообще мне что-то рассказывала. — Патрик выпрямился и встал в позу римской статуи. Его халат только подчеркивал сходство. — Я никогда не задавал никаких вопросов. Даже мысленно.

— А сами вы женаты, мистер Уолш? — неожиданно спросил Генри.

Патрик густо покраснел.

— Разумеется, нет.

— А были когда-нибудь?

Последовала долгая пауза. Патрик колебался, стоит ли ему отвечать. Генри продолжил:

— Вы же понимаете, что я могу с легкостью навести справки в Сомерсет-Хаусе.

Патрику стало очевидно не по себе. Наконец умоляюще, с подчеркнутым акцентом он проговорил:

— Инспектор, дорогой мой, вы же не станете устраивать неприятности невинному человеку, который в юности, как все мы, был глуп и совершал ошибки, правда? Можете дать слово, что, если я вам скажу, это никуда дальше не пойдет?

— Все зависит от того, какое отношение ваши ошибки имеют к делу.

— Ни малейшего. Ни малейшего отношения.

— Об этом судить мне, — ответил Генри. — Продолжайте, расскажите мне.

Патрик наклонился и кинул еще одно полено в пылающий камин.

— Это было так давно... — начал он. — Мы с ней сбежали из дома. Мне был двадцать один, а ей девятнадцать. Я тогда был художником-студентом без гроша в кармане, а она — из хорошей семьи, готовилась поступать в университет, изучать литературу. Разумеется, это был безумный поступок, любой бы это сказал. На самом деле большая часть наших знакомых так и говорила, но мы не слушали. Первый год, пока мы с ней учились в колледже, все было нормально. А потом начались проблемы. Она была амбициозна как сам дьявол с самого начала. Мечтала о блестящей карьере для нас обоих. А я хотел жить в мансарде и заниматься живописью. Ссоры и обиды становились все серьезнее и серьезнее, и через три года она собралась и ушла. Вот так все и было.

— Вы развелись?

— Разумеется, нет. Мы оба католики.

— А когда вы снова ее встретили?

Патрик в гневе повернулся к Генри:

— На что вы намекаете? Я не сказал...

— Если бы вы действительно потеряли с ней всякую связь, — сказал Генри, — то не сопротивлялись бы так, прежде чем рассказать мне о своем браке. — Он молчал. Патрик сердито смотрел на него. — Ну что ж, если вы не собираетесь продолжать, я сам это сделаю. Думаю, ваша жена — это мисс Марджери Френч, уважаемый главный редактор «Стиля».

Патрик с уважением посмотрел на него:

— Только ради Бога, никому об этом не говорите, хорошо?

— Почему? Что плохого, если кто-то узнает?

— Вы не понимаете...

— Как долго ваша жена работает в «Стиле»?

— Тридцать пять лет. Вскоре после того как от меня ушла, она устроилась туда секретарем.

— А вы?

— Меня взяли в штат три года назад. — Патрик старательно избегал встречаться взглядом с Генри.

— Вы получили работу благодаря влиянию жены, верно?

— Ничего подобного! Если думаете, что Марджери может нанять кого-то по любой причине, кроме того, что она считает его наиболее подходящим для этой работы...

— А что, — поинтересовался Генри, — вы делали эти тридцать два года?

Патрик взглянул на него исподлобья:

— Писал.

— И успешно?

— Нет.

— То есть вы, должно быть, счастливы, что вам удалось получить работу в «Стиле», — заметил Генри.

Патрик в бешенстве повернулся к нему.

— Выметайтесь! — рявкнул он. — Выметайтесь и больше не возвращайтесь! И держите свой поганный рот на замке, а не то я сломаю вам шею.

Генри с искренним сочувствием взглянул на него:

— К сожалению, я вынужден проявлять любопытство. Этого требует моя работа. Поверьте, мне это не доставляет ни малейшего удовольствия, я стараюсь быть максимально тактичным. За исключением тех случаев, когда речь идет об информации, имеющей отношение к делу. Спасибо за виски. Я сам отворю дверь.

Он спустился вниз и вышел на туманную площадь. Пока он медленно ехал домой, в его голове крутилось множество вопросов, и главным из них был такой: насколько можно доверять Патрику. И еще от одной мысли Генри никак не мог избавиться. Если не принимать во внимание историю болезни, которая вполне могла оказаться выдумкой, сам Патрик прекрасно подходил на роль господина Икса.

Глава 9

Следующее утро началось с дознания, которое Генри постарался провести как можно быстрее. К его радости, несмотря на то что дело вызвало некоторое оживление в прессе, публика была все же не готова промозглым январским утром прийти к Скотленд-Ярду в поисках сенсаций. Помимо Марджери Френч, которая с готовностью согласилась подтвердить личность покойной, и Альфа Сэмсона, присутствовали только полицейские свидетели и несколько репортеров криминальной хроники, которых Генри знал и с которыми здоровался по имени.

К счастью, процесс прошел быстро. Марджери подтвердила, что покойница и вправду Хелен, а затем поспешно уехала на такси в редакцию. Альф описал, как обнаружил труп. Врач низким голосом, как будто с неохотой произнося слова, изложил медицинское заключение. Генри сообщил, что полицейское расследование продвигается, но ему до сих пор не удалось прийти к какому-либо заключению, и попросил еще времени. Единственным продуктивным результатом стало то, что Генри, раз в причине смерти не было сомнений, дал разрешение похоронить покойную. Коронер подписал разрешение на погребение и закрыл слушание. Все заняло не больше двадцати минут, и в десять Генри был уже в редакции «Стиля».

Создавалось впечатление, что там уже вернулись к обычному ритму работы. Модели, курьеры, секретари сновали по коридорам, пишущие машинки беспрестанно стучали, и можно было услышать, как Патрик добродушно покрикивает на Доналда Маккея. Девушки с кипами фотографий, версток и гранок вбегали и выбегали из различных кабинетов, чудом не сталкиваясь с теми, кто неуверенно шел в отдел моды или обратно, наполовину скрытый под грудой одежды.

Генри направился прямо в кабинет Олвен Пайпер. Редактор сидела за столом, заваленным принесенными на рецензию книгами и приглашениями на кинопремьеры и всяческие выставки.

Когда Генри зашел, Олвен говорила по телефону. Она немного нервно улыбнулась ему и вернулась к разговору:

— Да, мистер Хартли, три часа вполне подойдет... Фотографом будет Майкл Хили... Да, он талант, не правда ли? Я чувствовала, что он идеально подойдет... Нет, мы будем использовать сценическое освещение. Я говорила об этом с мистером Дином. Все, что мне нужно, это вы в гриме из второго акта... Да, из второго акта... Я уверена... Нет, понимаю, что костюм из третьего акта более эффектный, но... Нет-нет, разумеется я не имела в виду... Разумеется, я понимаю, вы думаете, что нам лучше всего подойдет, но, понимаете... Необходимо учитывать, как ваше фото будет сочетаться на странице с другими... Да, разумеется, я надеюсь, что это будет целая страница, но не могу обещать... Вы же понимаете, какими бывают эти художественные редакторы... О, мистер Хартли, я знаю, насколько вы заняты... Разумеется, я не хочу, чтобы вы впустую тратили время... Не беспокойтесь, я полагаю, что могу со всей уверенностью обещать вам целую страницу... Да, большой снимок крупным планом, естественно... да... и в гриме из второго акта?.. О, я очень ценю вашу доброту... Тогда увидимся в три... До свидания.

Она положила трубку, посмотрела на Генри и скорчила гримаску.

— Актеры! — едко воскликнула она. — Все они одинаковые. И все-таки я думала, что Джон Хартли может оказаться выше этого. Я не умею с ними договариваться, часто все порчу. В какой-то момент я даже испугалась, что он вообще не позволит нам его снимать.

— Он получит целую страницу?

— Бог его знает. Все зависит от Дядюшки. Мне придется драться за нее, тут я не сомневаюсь. Но если Хартли ее не получит, он возненавидит меня на всю жизнь. С другой стороны, что я могла сделать? О Господи.

— Можно мне присесть? — поинтересовался Генри.

Олвен виновато покраснела и подскочила.

— О, простите, инспектор, разумеется. Вот, садитесь в мое кресло.

— Спасибо, но мне и здесь удобно, — произнес Генри, придвигая стул с прямой спинкой к ее столу. — Простите, что беспокою вас, когда вы так заняты.

— Я всегда занята, — просто ответила Олвен, — я здесь с семи, правлю гранки. До встречи с Хартли мне нужно успеть на два кинопоказа и выставку.

Последнее замечание могло показаться грубостью, подразумевающей, что Генри мешает Олвен работать, но она говорила вполне естественно, без малейшей злобы излагая факты. Генри видел, что она не собиралась грубить, но ему было ясно, что ее прямота может многих оттолкнуть.

— Тогда я постараюсь побыстрее, — сказал он, — я хотел спросить у вас имя врача Хелен.

— Ее врача? Вы имеете в виду...

— Вы ошибались насчет Хелен, мисс Пайпер, — сказал Генри, — она не была беременна.

— Не была беременна? — Олвен была совершенно ошарашена. — Тогда что это значило? Что я услышала?

— Пока точно не знаю, поэтому и хочу встретиться с ее врачом. Вероятно, он сумеет мне помочь.

— Хелен почти никогда не болела. Мы с ней обе числились среди пациентов доктора Маркхэма на Онслоу-стрит, но я и не помню, когда она в последний раз у него была. И она бы точно не пошла к нему из-за...

— Мисс Пайпер, я же сказал вам: Хелен не была беременна.

— Но другого объяснения не может быть.

— И все-таки оно есть, и я намерен до него докопаться. — Генри записал имя и адрес врача. — Спасибо большое. Пока все. — Он поднялся на ноги. — Приятно видеть вас в более приподнятом состоянии духа. Я был уверен...

— Я решила, что от страданий особого толку нет, — сухо пояснила Олвен. — Хелен умерла, и ее не вернуть. Я написала ее сестре в Австралию и дала объявление о поиске соседки. Больше ничего не могу сделать.

— Вы не думали переехать куда-нибудь? Я имею в виду...

— Это хорошая квартира, и арендная плата вполне разумная. Не думаю, что смогу найти что-то подобное за те же деньги. — Она встала — маленькая, крепенькая и целеустремленная — и надела пальто. — Сожалею, но мне действительно пора, иначе я опоздаю.

По пути в свой кабинет Генри думал об Олвен Пайпер. Буря эмоций, которую он наблюдал два дня назад, странно контрастировала с ее сегодняшней спокойной рассудительностью. Что это: ее

врожденные спокойствие и уравновешенность, унаследованные от предков-фермеров, наконец взяли верх или обычное бессердечие? Были ее слезы и истерика естественным проявлением эмоций, или она просто устроила спектакль? Генри не был уверен, что знает ответ.

Со стола в кабинете вытерли пыль и добавили чистой бумаги. Кроме того, Генри ждал адресованный ему конверт. В нем оказалась записка, напечатанная на бланке «Стиля»:

Дорогой инспектор Тиббет! Нельзя ли увидеться с вами как можно скорее и обсудить вопрос, который может оказаться важным?

Рейчел Филд

Генри набрал номер кабинета главного редактора.

— Кабинет мисс Френч... О, инспектор Тиббет, наконец. Вас не было вчера... — Мисс Филд определенно не одобряла этого.

— Сожалею, но у меня имелись другие дела.

— Я пыталась связаться с вами со вчерашнего дня, — продолжила упреки мисс Филд, — мне нужно сообщить вам нечто важное.

— Подойдите ко мне в кабинет.

— Хорошо, инспектор.

Перспектива блеснуть осведомленностью и заявить мисс Филд, что он уже знает то, что ей так хотелось сообщить, была довольно заманчивой, но Генри решил этого не делать. Ему не хотелось втягивать Веронику больше, чем необходимо. Потому ему пришлось убедительно изображать удивление, когда Рейчел Филд заявила:

— Инспектор, я думаю, мой ключ от редакции был украден.

— Украден? Вы уверены, что не могли просто положить его куда-то и забыть?

— Уверена. Он точно был в моей сумочке во вторник, когда я вернулась из Парижа. Я держу его на кольце вместе с ключами от дома. — Она вытащила из черной сумочки аккуратный брелок. — Видите? Нужно разомкнуть кольцо, чтобы снять ключ. Все остальные на месте.

— Когда вы заметили, что его нет?

— Вчера утром, когда мисс Конноли попросила меня одолжить его ей.

— И вы уверены, что он был у вас вечером вторника?

— Абсолютно уверена. Дверь была уже заперта, когда мы приехали из аэропорта, так что мне пришлось открыть ее своим ключом.

— Кто-то имел возможность взять ключ из вашей сумочки тем вечером? — поинтересовался Генри.

Мисс Филд смутилась.

— Да, — сказала она.

— Когда?

— Я... Сумка всегда стоит рядом с моим столом, если я на работе...

— Именно, — произнес Генри, — и мне говорили, что вы ни разу за весь вечер не вышли из кабинета. Вы не думаете, что ключ могли взять у вас позже? В доме мистера Горинга, к примеру?

Рейчел Филд была шокирована таким предположением:

— Там? Нет, разумеется, нет.

— Минутку, мисс Филд. — Генри достал записную книжку и принялся просматривать записи. Рейчел наблюдала за ним с легким презрением — обычно так же, кто работает быстро и эффективно, смотрят на медлительных и неловких коллег.

Подняв глаза от записей, Генри произнес:

— Когда я говорил с Хорасом Барри, он сказал, описывая свой отъезд с Бромптон-сквер... — Генри заглянул в книжку и прочитал вслух: — «...когда мисс Филд ушла собираться...» О чем он, мисс Филд?

— Мне надо было взять пальто и перчатки. Они остались в холле.

— Но не сумку?

— Разумеется, нет. Я носила ее с собой.

— Понятно... Но вы говорили, что кто-то мог покопаться в ней раньше.

— Да. — Рейчел в первый раз за все время заметно колебалась, видимо, решая, стоит ли ей продолжать. — То, что я ни разу за весь вечер не вышла из кабинета, не совсем правда. Я отсутствовала примерно десять минут, где-то в начале второго.

— Где вы были?

— Сначала зашла в художественный отдел. Там был один мистер Уолш. Я спросила, не знает ли он, где мисс Френч, поскольку у меня появился вопрос о том, что я тогда печатала. Он ответил, что она в фотолаборатории. Я открыла дверь в кладовку, в которой... стоял термос, да. — Генри кивнул. Рейчел продолжила: — Мисс Френч, мисс Мэннерс, мистер Хили и Доналд Маккей были там и смотрели на свежееотпечатанные снимки. Мне не хотелось их отвлекать — мой вопрос не был таким уж важным, и я решила, что с этим можно подождать. Так что я прошла через фотолабораторию, вышла в коридор через другую дверь и направилась... — Рейчел замолчала и покраснела.

— Куда? — осторожно поинтересовался Генри.

— В дамскую комнату, — смущенно ответила Рейчел.

— Разумно, — заметил Генри. — Мисс Френч была занята и некоторое время не нуждалась в вашей помощи.

— Именно. Разумеется, — встрепенулась Рейчел. — После того, как... Словом, я решила причесаться и вдруг поняла, что оставила сумку в кабинете. Когда я вернулась, мисс Френч уже была там, и мы тут же взялись за работу. Сумка стояла на обычном месте, рядом с моим столом, и я не могу сказать вам, передвигали ее или нет.

— Скажите мне, — попросил Генри, — те, кто был в фотолаборатории, заметили вас, когда вы открыли дверь?

— Доналд заметил, — уверенно ответила мисс Филд, — он стоял лицом к двери и поднял глаза, когда я заглянула. Остальные стояли отвернувшись и изучали фотографии. Не думаю, что они меня заметили.

— Как считаете, — продолжил Генри, — Маккей мог узнать вас? Вы ведь зашли из ярко освещенной комнаты в полутемное помещение. Он, наверное, видел только силуэт...

— Этого было вполне достаточно, — неожиданно усмехнулась Рейчел, — мой силуэт очень отличается от силуэтов остальных сотрудников, инспектор.

Генри улыбнулся:

— Ну что ж, тогда примем за данность то, что он вас узнал. — Затем он добавил более серьезно: — Кроме того, Доналд Маккей был единственным человеком, не имевшим своего ключа от входной двери.

— Что меня беспокоит больше всего, инспектор, — проговорила Рейчел, — так это зачем кому-то могло понадобиться брать мой ключ. Любой из нас мог добавить цианид в термос. Убийце не требовался для этого ключ. Если только он не планировал еще что-то?

— Убийце нужен был ключ, мисс Филд, — произнес Генри. — Он или она вполне мог добавить яд в течение вечера, но кто-то — вероятно, сам убийца — вынужден был вернуться позже. Намного позже. Когда мисс Пэнкгерст была уже мертва.

— Что? — задохнулась от изумления Рейчел.

— Причина, по которой убийца вернулся, — продолжал Генри, — это что-то, что он рассчитывал найти в вашем чемодане.

— В моем... — Рейчел побледнела, схватилась за ручки кресла и на секунду прикрыла глаза. Открыв их, она посмотрела на Генри и улыбнулась. — Не беспокойтесь, инспектор, все в порядке. Вы меня несколько шокировали, признаюсь. Но что кто-то мог рассчитывать найти в моем чемодане?

Генри несколько озадачило ее очевидное потрясение.

— Вы же еще позавчера узнали, что в нем кто-то рылся.

— Да, но... мне не приходило в голову, что кто-то убил Хелен, желая добраться до чего-то в моем чемодане...

— Похоже на то, — произнес Генри. — И то, что ваш ключ был украден, сужает поле поисков. Теперь я хочу, чтобы вы как следует подумали. Я уже спрашивал вас об этом, но сейчас мне нужен более точный ответ. Кто в Париже мог подкинуть в ваш чемодан какой-то маленький предмет так, чтобы вы его не заметили?

Почти без колебаний Рейчел ответила:

— Только один человек, инспектор. Вероника Спенс. Теперь, когда об этом думаю, то вспоминаю, что ни мисс Мэннерс, ни мистер Хили не заходили ко мне в номер в последний день, а когда я начала собираться, мой чемодан был почти пуст. Но Вероника постоянно входила и выходила, я даже на какое-то время оставила ее одну в номере, когда мисс Мэннерс позвала меня...

Генри похолодел. Смешно, конечно, думать, будто Вероника способна заниматься чем-то незаконным, но он не мог избавиться от мысли, что ее втянули в какую-то аферу — возможно, так, что она и сама этого не поняла. И вот теперь все закончилось убийством.

— Спасибо, мисс Филд, — кивнул он. — Вы очень мне помогли. Думаю, будет излишним просить вас не разглашать некоторые факты о вернувшемся преступнике и так далее.

— Разумеется, инспектор, — ответила Рейчел, — я ценю ваше доверие.

Дверь за ней еще не успела закрыться, когда Генри схватил телефонную трубку. Ему пришло в голову, что разговор с племянницей не следует откладывать. Он набрал номер отдела моды и попросил позвать к телефону Бет Конноли.

— Вероника? — Бет говорила несколько обиженно. — Нет, она сегодня работает не у нас... Да, могу... Она через дорогу, у Николаса Найта на примерке. Она участвует в его показе на следующей неделе... Что?.. Одну минуточку. — Генри услышал стук, с которым трубка опустилась на стол, а затем Бет произнесла: «Я просила вас заказать розовое, а не зеленое, Мэрилин. Нет, это не подойдет. Хорошо, мне не интересно, чья это вина... Просто добудьте розовое, и побыстрее». Она вновь взяла трубку. — Извините, инспектор, сегодня утром тут настоящий хаос.

— Прошу прощения, что побеспокоил вас, — сказал Генри, — я постараюсь отыскать Веронику у Николаса Найта.

В салоне Найта трубку взяла секретарша-блондинка. Вежливо, но непреклонно она заявила:

— Бааюсь, сэр, что не магу сааединить вас с атэлье с'годня. Паанимаете, мы репетируем шоу. Все даа ужаса заняты. Вероника Спенс? Модель? Нет... Невааозможно. Мне очень жаль.

— Но вы можете хотя бы сказать мне, когда она освободится, и передать ей сообщение? — спросил Генри. У него не было никакого желания пользоваться магией слова «Скотленд-Ярд», чтобы вломиться в ателье. Он был там в относительно спокойный день. Представить, что у Найта творится, когда все «даа ужаса заняты», было попросту страшно.

Без особого желания блондинка ответила:

— Она, может быть, выйдет на аабед около часа, но я не магу абещать.

— Это ее дядя Генри. Передайте ей, что я буду обедать в «Оранжеее» и хочу, чтобы она составила мне компанию. Жду ее с половины первого до половины третьего.

Упоминание «Оранжееи» вызвало у блондинки уважение.

— Разумеется. Я передам. Каанечна, — тепло пообещала блондинка. Она, по всей видимости, представила себе Генри дядюшкой-толстосумом, а Веронику — перспективной клиенткой. В наше время кто только не бывает моделями. — Уверена, мы сможем выделить ей время на обед. Я сама поговорю с мистером Найтом.

— Спасибо. — Генри положил трубку. Тут он вспомнил, что в его бумажнике всего четыре фунта десять шиллингов и, чтобы заплатить за обед, ему, вероятно, придется занять у Вероники. Тем не менее сейчас была еще половина двенадцатого, а у него оставались дела в «Стиле». Генри взял записную книжку и направился в художественный отдел.

Патрик Уолш стоял спиной к двери и делал какой-то набросок. Когда дверь открылась, он громко сказал, не оборачиваясь:

— Вы что, читать не умеете? Убирайтесь. Вход воспрещен.

Доналд Маккей, собиравший макеты у окна, поднял глаза и застенчиво улыбнулся Генри.

— Доброе утро, инспектор, — сказал он.

— А, это вы опять, верно? — проворчал Патрик, не оборачиваясь. — Чего вам еще? Мы заняты.

— Я хочу, чтобы вы, если возможно, воспроизвели у себя в воображении события вторника. — Он посмотрел на Доналда. — Мистер Маккей, вы сказали мне, что мисс Филд ни разу за весь вечер не покидала кабинета мисс Френч. Если вы немного подумаете, то, я уверен, поймете, что ошиблись.

Доналд задумался.

— Был один момент, — произнес он, — мы все находились в фотолаборатории. Дверь открылась и через несколько секунд закрылась снова. У меня возникло чувство, что это Рейчел, но она увидела, что мы заняты, и ушла.

— По ее словам, — сказал Генри, — она прошла через фотолабораторию, через другую дверь вышла в коридор и направилась в сторону дамской комнаты.

— Уверен, что это не так, — несколько нервно ответил Доналд.

— А вы что скажете, мистер Уолш? — поинтересовался Генри.

Не поднимая глаз от наброска, Патрик ответил:

— Неужели вы и вправду думаете, что я провел вечер перед сдачей парижского номера, раздумывая, не отправилась ли наша Рейчел в туалет? Господи, да вы с ума сошли! У меня была куча работы. — Он помолчал и добавил: — Она приходила сюда один раз. Спрашивала, где Марджери. Я сказал ей, в лаборатории.

— И что она сделала потом?

— Наверное, вышла. Я не заметил.

— Через какую дверь?

— Говорю вам: не имею ни малейшего понятия. Я вернулся к работе, а она исчезла так же быстро и незаметно, как обычно.

Генри обратился к Доналду:

— Мисс Филд уверена, что вы ее узнали.

— Да, я так и сказал. Но она просто заглянула в дверь и пошла обратно... Господи, инспектор, — Доналд казался утомленным и возмущенным в одно и то же время, — зачем бы мне лгать? Да и какая разница?

— Большая на самом деле, — ответил Генри, — по крайней мере тому, кто хотел заполучить ключ от здания редакции «Стиля», было важно узнать, что кабинет мисс Филд пуст, а ее сумка осталась там.

Доналд побледнел, затем покраснел, и, когда вновь заговорил, в его голосе был слышен гнев:

— Если вы имеете в виду то, о чем я догадываюсь, то это чудовищная ложь.

— Между прочим, — поинтересовался Генри, — а что вы делали после того, как мисс Филд заглянула в дверь?

Доналд замялся и неуверенно проговорил:

— Видимо, пошел сюда. Точно не помню.

— А все остальные остались в фотолаборатории?

— Ну... Да...

— И вы не пошли в кабинет главного редактора, который, как вы знали, пустовал?

— Разумеется, нет. Правда, Патрик?

— Не спрашивай, я не имею ни малейшего понятия, что и когда ты делал.

— Ну что ж, — очень вежливо произнес Генри, — если решите изменить свою версию событий, я буду у себя.

Патрик тихо проговорил:

— Выметайтесь из моего кабинета и больше не заходите.

— С удовольствием, — ответил Генри. Он вернулся в свой кабинет, набрал номер мисс Филд и спросил, не уделит ли ему мисс Френч несколько минут.

— Она очень занята, инспектор, — сурово ответила Рейчел.

— Могу я поговорить с ней?

Прежде чем Рейчел успела ответить, в трубке прозвучал решительный голос:

— Мисс Френч слушает. Что я могу для вас сделать, инспектор?

— Уделите мне немного своего драгоценного времени, если это возможно.

— Разумеется. — Ответ последовал немедленно. — Минуту, я проверю свое расписание.

Генри услышал неразборчивое бормотание, в котором, однако, ему удалось различить голос мисс Филд, резко говорившей:

— Нет, мисс Френч, вы не можете это отложить, это очень важно.

В конце концов Марджери снова взяла трубку:

— У меня собеседование с кандидатом на место Хелен в четверть первого, а в час назначена деловая встреча за обедом. Я хотела ее отменить, но мисс Филд мне не позволила. Она может

быть настоящим тираном, поверьте. Думаю, лучше всего нам встретиться прямо сейчас. — По всей видимости, ее перебили, потому что она произнесла, обращаясь не к Генри: — Да, я знаю, что черновой вариант должен быть готов сегодня. Я закончу его после обеда. Что ж... передайте мисс Мэннерс, что с этим придется подождать до завтра... — Затем она вновь сказала Генри: — Мне прийти в ваш кабинет?

— Думаю, так будет лучше всего.

Марджери стремительной походкой вошла в маленькое помещение. Под отороченной норкой шляпкой мерцали серьги с большими топазами, а ее темно-коричневый костюм и крокодиловые туфли были безупречны, как всегда.

— Надеюсь, вы простите меня, если я буду следить за временем, инспектор? — спросила она. — Боюсь, сейчас я живу в еще более жестком ритме, чем обычно, поскольку приходится помимо собственной делать и работу Хелен. Надеюсь, новая девушка подойдет. У меня такое чувство, будто я лишилась правой руки.

— Понимаю, — кивнул Генри. — Я постараюсь быть краток. Вы сказали мне, что не любите сплетничать, и я вам верю. Но теперь, после того как я лично встретился с вашими сотрудниками, я был бы очень благодарен вам за помощь.

— О чем идет речь? — насторожилась Марджери.

— Помогите мне их оценить.

— Ну что ж. — Интонацию Марджери при всем желании нельзя было назвать доброжелательной.

Генри осторожно начал:

— Давайте начнем с Олвен Пайпер. Судя по всему, она умна, но не слишком тактична. Она с большой теплотой относилась к мисс Пэнкгерст — практически боготворила ее, — но она обладает твердостью духа и стойкостью характера, которые помогут ей пережить даже такую трагедию. Я думаю, она импульсивна и вполне способна на насилие. Другой вопрос, способна ли она задумать и совершить преступление? А как считаете вы?

— Не стану от вас скрывать, инспектор, что мне все это кажется верхом дурного вкуса.

— Убийство — это в принципе дурной вкус, — мрачно ответил Генри.

Они не мигая некоторое время смотрели друг на друга. Затем Марджери произнесла:

— Хорошо, продолжайте.

— Вам нечего добавить к этому портрету Олвен?

— Она идеалистка, — проговорила Марджери так, будто слова причиняли ей боль, — наивна так, как может быть наивен только человек большого ума и способностей. Она никогда не задумывается о том, насколько ее поступок может быть оправдан... с дипломатической или другой точки зрения. Она просто идет вперед и делает то, что, как она считает, должно быть сделано, не задумываясь об обстоятельствах.

— Да, — согласился Генри, — опасная черта. Должно быть, у нее много врагов.

— Я бы не стала называть их врагами. Она приводит людей в бешенство в первую очередь потому, что смотрит на них сверху вниз. К примеру, она не может принять того, что иногда Терезе приходится ставить в номер снимок платья, которое ей совершенно не нравится, если его производитель тратит тысячи фунтов, размещая рекламу у нас. А на вечеринке после прошлого показа Николаса Найта произошла ужасная сцена. Он поинтересовался мнением Олвен о его коллекции, и она заявила, что все в ней либо чудовищно, либо содрано у парижских кутюрье. Я думала, у Николаса начнется истерика. Вероятно, та коллекция и вправду не была его лучшей, но нельзя же говорить людям такое. Она пытается быть тактичной, но я искренне убеждена, что она не может сказать актеру или драматургу, что ей нравится их работа, если она не думает так на самом деле. Это очень осложняет жизнь. Она... не умеет прощать.

— Интересно, — проговорил Генри. — А что вы можете сказать о Терезе Мэннерс? Или лучше о супругах Хили?

Последовала короткая пауза, и Марджери произнесла:

— И что о них?

— Мне говорили, — сказал Генри, — и я уже до смерти устал это слушать, что у Хелен был роман с Майклом Хили. Вы сами, если помните, первой привлекли мое внимание к этому факту. Почему?

Генри говорил жестко, резко, с интонациями полицейского. Впрочем, если он надеялся запугать Марджери Френч, его ждало разочарование. Она лишь еле заметно улыбнулась:

— Потому что я думала, это поможет вам в расследовании. Так в подобных случаях отвечают.

— Я не думаю, — произнес Генри, — что вы сказали правду.

Марджери спокойно посмотрела на него.

— Какое поразительное утверждение, — сказала она. — С чего бы мне вам лгать?

— Я не сказал, что вы солгали. Но я не думаю, что вы сказали правду. Всю правду. Теперь я бы хотел прояснить эту историю с влюбленностью Хелен раз и навсегда, поскольку она все путает. — Генри замолчал на мгновение. — Я не собираюсь ходить вокруг да около, мисс Френч. Ответьте, разве вы не знали уже давно, что Майкл Хили неизлечимо болен — что он умирает, точнее? Неужели вы не знали, что Хелен и Патрик также были в курсе дела, но ни Майкл, ни его жена ни о чем не догадывались? Не пытались ли вы скрыть за видимостью легкой интрижки трагедию, чтобы избавить Майкла и Терезу от боли?

Марджери Френч в изумлении смотрела на Генри, и ее реакция выглядела абсолютно естественной. Наконец она выдохнула:

— Я не имею ни малейшего представления о том, откуда вы взяли эту невероятную историю, инспектор, но могу вас заверить, что в ней нет ни слова правды. У Майкла Хили нет никаких проблем со здоровьем, насколько я знаю, за исключением небольшого переутомления из-за работы. Если кто-то распространяет необоснованные слухи...

— Это не необоснованные слухи, — ответил Генри, — об этом говорила сама Хелен.

— Сама Хелен?

— Она рассказала об этом по телефону мистеру Уолшу в тот вечер, когда была убита.

Марджери, казалось, не могла понять значения только что прозвучавших слов.

— Она рассказала?.. — повторила она.

— Она сообщила мистеру Уолшу, что человек, которого она любит, умирает от рака, но ни он, ни его жена об этом не догадываются, а...

Неожиданно Марджери наклонилась в кресле. Ее лицо побледнело так, что это было заметно, даже несмотря на макияж, а отороченная норкой шляпка нелепо сползла ей на глаза. Генри, который, несмотря на годы опыта, так и не смог привыкнуть к зрелищу, когда люди теряют сознание на допросе, был поражен. Он тут же вскочил, но прежде чем он успел что-то сделать, Марджери открыла глаза.

— Нет, — слабо проговорила она, — не надо. Все в порядке. — Она выпрямилась, поднесла руку ко лбу и машинально поправила волосы. — Разве что, если можно, принесите мне стакан воды, чтобы я могла принять лекарство. Боюсь, у меня в последнее время иногда случаются обмороки. Но тут не о чем волноваться.

— Разумеется, сейчас принесу, — ответил Генри. Его поразило мужество Марджери. Он буквально ощущал силу воли, которая заставляла эту хрупкую женщину держаться прямо и не позволяла проявлять слабость. К восхищению, однако, примешивалась мысль — перед Генри сидел человек, вполне способный совершить убийство, если оно казалось оправданным. Другой вопрос, мог ли человек, настолько воспитанный и утонченный, как Марджери Френч, считать возможным отнять чью-то жизнь? Генри не мог ответить.

Когда он вернулся с водой, Марджери уже вполне пришла в себя и пудрила нос, глядя в карманное зеркальце. Она улыбнулась, извинилась еще раз и быстро проглотила таблетку из серебряной бонбоньерки.

— Возвращаясь к нашему разговору, инспектор... История, которую вы рассказали, — это чушь, и я бы попросила вас не распространять ее. Думаю, вы представляете себе, какой ущерб она может нанести не только Майклу и Терезе, но и всему журналу. Не представляю, зачем Патрику понадобилось это выдумывать, но он экспансивный ирландец и любит приврать. Поверьте мне... Я хорошо его знаю.

— Разумеется, — улыбнулся Генри, — в конце концов, тридцать два года — это и вправду долго.

— Вы и это знаете, верно? — Марджери не утратила самообладания. — Разумеется, вы это выяснили. Тем не менее я надеюсь, что вы проявите такт. Если об этом узнают, я окажусь в очень неприятном положении.

— Всегда стараюсь быть тактичным, — сказал Генри. — Что меня интересует, так это почему вы делаете из этого такой секрет.

Она ответила не сразу.

— Буду откровенна, — наконец произнесла она, — мистер Горинг против того, чтобы нанимать сотрудников, состоящих в браке друг с другом. Когда в прошлом году одна из сотрудниц отдела моды решила выйти замуж за мужчину из рекламного, им прямо сказали, что один из них должен уволиться. Политика компании.

— Но...

— Да, разумеется. Тереза и Майкл — совершенно особый случай. И я подозреваю, Годфри не слишком одобряет это даже сейчас. Я не желала терять Терезу, но ничуть не меньше мне хотелось заполучить Майкла, работы которого в то время стали едва ли не самыми заметными в Лондоне. Мне пришлось чуть ли не год добиваться согласия мистера Горинга, и думаю, мне бы это не удалось, если бы он не был дружен с Терезой и ее семьей. Я только выиграла эту битву, когда... Когда снова встретила Патрика. Вскоре после этого уволился мой прежний художественный редактор. Я знала, что Патрик идеально подходит для такой работы и что смогу с ним работать. Но кроме этого, я понимала, что не смогу пойти к мистеру Горингу и предложить взять на работу моего мужа. Вот мы и решили на некоторое время похоронить прошлое.

Генри наклонился вперед.

— На некоторое время? — переспросил он. — Что вы имеете в виду?

— Патрик мне очень дорог. И всегда был. Это большой секрет, инспектор, но после того, как в марте я уволюсь, мы с Патриком снова станем жить вместе. Сотрудники редакции будут думать, что я выйду за него замуж. Им незачем знать о нашем браке сейчас.

— Что ж, ясно... — произнес Генри. — Простите меня за этот вопрос, но верно ли я понимаю, что мистер Уолш относится к этой перспективе с таким же энтузиазмом, как и вы?

— Разумеется, — спокойно ответила Марджери, рассматривая свои покрытые алым лаком ногти. — Он очень безответственный, но я знаю, что для него лучше. Он будет намного счастливее, живя размеренной жизнью, чем продолжая холостяцкое существование в своей жуткой студии.

— Я был весьма впечатлен его студией, — заметил Генри.

Марджери подняла глаза.

— Вы там были?

— Да. Вчера вечером.

— Тогда вы понимаете, о чем я.

— Да, — задумчиво произнес Генри и добавил: — Кажется, мистер Уолш был весьма привязан к Хелен Пэнкгерст, не так ли?

— Исключительно платонически, — не без резкости ответила Марджери.

— О, разумеется, — сказал Генри, — я в этом не сомневаюсь...

Глава 10

Ровно в половине первого Генри зашел в «Оранжевую». Метрдотель сразу узнал его и подошел, сияя улыбкой. Генри, незаслуженно купаясь в ореоле славы мистера Горинга, позволил себе ненадолго воспользоваться привилегированным положением. Почтительные руки аккуратно избавили его от плаща, зажигалки возникали рядом с ним словно по волшебству, прежде чем он успевал открыть портсигар, его стул аккуратно выдвинули из-под столика, а салфетку в мгновение ока расстелили у него на коленях. Чувствуя себя самозванцем, но наслаждаясь ситуацией, Генри заказал мартини и переключил внимание на других посетителей.

Он смог заметить только два знакомых лица. Олвен Пайпер за столиком в углу обедала с грузным седым человеком, в котором Генри узнал известного писателя, славившегося остроумием и любовью к телевизионным играм. Они были погружены в беседу, которая

закончилась тем, что Олвен упрямо поджала губы, а мужчина перешел от добродушных уколов к искреннему раздражению. По всей видимости, искренность Олвен все испортила. Скорее всего, подумал Генри, она высказывала свое мнение о последней инфантильной, но безобидной глупости, в которой участвовал ее собеседник.

В двенадцать сорок пять в ресторан зашел Годфри Горинг. Он кивнул Генри, проигнорировал Олвен и направился к своему обычному столику, где погрузился в чтение «Файнэншл таймс».

Был почти час, когда Генри услышал знакомые голоса, доносившиеся из-за соседнего столика. Говорившие были скрыты от него — или он от них — занавесью темно-оранжевого бархата и кадкой с апельсиновым деревом, но он не мог ни с чем спутать акцент Хораса Барри и высокий, громкий голос Николаса Найта. Генри показалось занятным то, что они вошли не через парадную дверь, с которой он не сводил глаз. Он вспомнил маленькую лестницу, ведущую вниз из ателье Найта, и решил, что оттуда, должно быть, есть проход в ресторан.

Говорил Барри, и, кажется, он был взволнован.

— Я всегда с вами честно, нет? — возмущенно спросил он. Эмоции, судя по всему, мешали ему грамотно выражать мысли. — Тогда почему вам не быть честным со мной, а? Или я мало вам плачу?

— Говорю вам, я понятия не имею, о чем вы. Ни малейшего. — Найт почти кричал. — Зачем вы слушаете сплетни этих ужасных людей из «Стиля»? Даже Годфри на что-то намекал вчера вечером... не думайте, что я не в курсе.

— Слухи тут ни при чем. — Низкий голос Барри звучал решительно. — Я просто держу уши и глаза открытыми, вот и все.

Их беседу прервало появление официанта. Оба сделали заказ. Как только официант удалился, Найт опять заговорил.

— Кто вам сказал? — нервно взвизгнул он. — Вот что я хочу знать. Кто распространяет эту ужасную ложь? Как будто мне мало того, что у меня показ на следующей неделе, половина заказанной ткани еще не пришла, а кругом кишат полицейские... Этого достаточно, чтобы довести человека до нервного срыва.

— Никто мне не говорил, — ответил Барри, — разве что вот...

Прозвучал хлопок, как будто на стол с силой бросили газету или журнал.

— Это Америка, — более спокойно произнес Найт. — И при чем тут Лондон?

— Послушайте, мой друг. — Барри откашлялся и принялся читать: — «Существует ли противозаконное копирование парижских моделей? Это интересный вопрос, который вызван настойчивыми слухами о том, что некоторые производители продают точные копии парижских моделей, не покупая туалетов, причем еще до появления официальных фотографий. Наш журнал, однако, не распространяет сплетен и считает, что этот вопрос должен обсуждаться открыто и освещаться со всех сторон». Тут много пишут о морали американских производителей и так далее... о том, что нет никаких доказательств... потом... ага, вот оно. «Мы считаем, что некоторые случаи, имевшие место в последнее время в Нью-Йорке и Лондоне, трудно объяснить. Тем не менее мы придерживаемся мнения, что с модельеров и производителей в обоих городах могут быть сняты все обвинения по причине невозможности скопировать в модных домах Парижа модель достаточно детально, чтобы копию можно было использовать. Из-за того что некоторые швеи могут поддаваться искушению дополнительно заработать, крупные модные дома ввели настолько строгие проверки на выходе, что воровство туалетов стало физически невозможным».

Барри закончил читать. Оба молчали. Затем Найт заметил:

— Ну и из-за чего вы беспокоитесь? Там же пишут, что это невозможно и мы избавлены от подозрений.

— Там пишут... — Барри говорил так тихо, что Генри едва мог разобрать слова. — Там пишут, что это невозможно. Но видите ли, я знаю, что это не так.

— Что вы имеете в виду? — нервно взвизгнул Найт.

— Не так громко! — оборвал его Барри. — Я не собираюсь больше об этом говорить. Запомните одно: я не потерплю скандала. Вы работаете на меня, я использую ваше имя, значит, ваша репутация — это репутация «Барримода». Я вас не обвиняю и не допрашиваю. Но я требую: больше никаких скандалов и никаких слухов, иначе...

В этот момент Генри увидел, как через зал к нему идет Вероника в сопровождении свиты улыбающихся официантов, которые всегда, стоило ей войти в какой-нибудь ресторан, кафе или паб, появлялись рядом с ней, словно материализовавшись из воздуха. Она весело помахала и крикнула:

— Привет, дядя Генри! Прости, что опоздала. Я кое-что вынюхивала для тебя.

За столиком в углу Годфри Горинг отвлекся от газеты и наградил Генри и Веронику долгим тяжелым взглядом. Его лицо не выражало никаких эмоций. Олвен Пайпер, однако, отреагировала более эмоционально. Она осеклась на середине фразы, а ее квадратное лицо покраснело от гнева.

По всей видимости, не сознавая, какой фурор произвела, Вероника упала на стул и громогласно заявила:

— Господи, как я хочу есть! У меня выдалось то еще утро с этим извращенцем наверху.

Не обращая внимания на предупреждающие жесты Генри, она намазала хлеб маслом, откусила большой кусок и продолжила:

— Тут происходит что-то не то, дядя Генри, можешь мне поверить. Я пока не знаю, что именно, но скоро выясню.

— Вероника, — тихо произнес Генри, — Бога ради, говори тише. Николас Найт сидит прямо за тобой.

— Господи, правда? Сам Николас Найт? Где? — переспросила Вероника, не снижая голоса. Генри мрачно подумал о том, какую шутку сыграла природа, наградив племянницу его жены и такой красотой, и таким убогим умом одновременно.

— Пожалуйста, тише, — пробормотал он, — закажи себе обед и ешь его молча. Поговорим после обеда у меня.

Вероника улыбнулась:

— Ну ладно, в любом случае я не собиралась сегодня рассказывать тебе, что выяснила, поскольку еще не уверена, но на следующей неделе...

— Вероника! — строго одернул ее Генри.

Она взяла огромное меню и, скрывшись за ним, исподтишка подмигнула Генри, который чрезвычайно обрадовался приходу официанта, прервавшего их разговор. Вероника заявила, что не голодна, но его сердце упало, когда она сообщила о желании заказать тарелку копченого лосося и суфле. Тем не менее решительно отодвинув винную карту, отказавшись от кофе и ограничившись холодным цыпленком, он сумел покинуть ресторан с фунтом и шестью пенсами в кармане, а его гордость не пострадала.

Примерно в разгар обеда Генри заметил, что голоса Барри и Найта стихли. Вероятно, они удалились через ту же дверь, откуда вошли. Горинг исчез перед ними, не удостоив Генри и Веронику даже взглядом. Олвен все еще горячо спорила со своей знаменитостью с телевидения за бесконечными чашками кофе, но отвлеклась, чтобы взглянуть на Веронику. Генри вновь не смог понять, что именно выражало ее лицо. Гнев? Одобрение? Возмущение? Или все это одновременно?

Вернувшись в свой кабинет в «Стиле», Генри продолжил излагать племяннице свои взгляды на ее поведение. Он поговорил о нелепой храбрости, из-за которой она оказалась причастна к чему-то криминальному, о полном отсутствии у нее такта, граничившем с умственной неполноценностью, и о неприятных последствиях, к которым может привести ее поведение. В итоге он потребовал, чтобы Вероника отказалась от попыток содействовать расследованию, и запретил участвовать в показе Николаса Найта. Кроме того, Генри несколько раз поинтересовался, что, по ее мнению, сказала бы по поводу всего этого ее мать.

Вероника смиренно слушала, опустив глаза. Когда Генри замолчал, желая перевести дыхание, она грустно сказала, что ей очень жаль и больше такого не повторится. Она согласилась подчиниться всем требованиям Генри, кроме одного — отказаться от участия в показе.

— Всю одежду уже подогнали по моей фигуре, — объяснила она. — Я не могу подвести Найта. Это непрофессионально.

Никакие доводы Генри не смогли убедить ее изменить свое решение, но она так искренне раскаивалась, что он больше не настаивал. Затем перешли к разговору о Париже и чемодане Рейчел Филд. Вероника была возмущена:

— Я не прикасалась к ее чертову чемодану! И если она говорит что-то другое, то просто врет.

— Она не говорит, что ты это сделала, но считает, что ты могла.

— Это ничего не доказывает.

— Послушай, Ронни, — обратился к ней Генри, — я тебя ни в чем не обвиняю. Уверен, все, что ты делала, было абсолютно невинным. И все-таки, если кто-то попросил тебя подкинуть что-то в чемодан мисс Филд, ты должна мне об этом сказать. Обещаю, у тебя не будет проблем.

— Говорю тебе, я и близко не подходила к проклятому чемодану! Я была в ее номере, когда она собиралась, но я бы никогда не посмела хоть что-то и пальцем тронуть. Ты знаешь, какой она человек, — все было аккуратно завернуто и сложено, как начинка в праздничном пироге. Когда собираюсь я, то просто сворачиваю вещи и кое-как запихиваю в чемодан.

— Мисс Филд позвали куда-то во время сборов, верно?

— Да, Тереза попросила зайти к ней в номер, чтобы проверить что-то. Ее не было минут десять.

— И ты все это время была в ее комнате?

— Да.

— Больше никто не входил?

— Никто.

— Что ж, — произнес Генри, — видимо, тот, кто рылся в чемодане Рейчел, не нашел того, что искал. Если только, — добавил он сурово, — ты не все мне рассказала.

Большие глаза Вероники стали еще больше, и она захлопала ресницами с чересчур невинным видом.

— Нет, дядя Генри, я все тебе рассказала.

— Надеюсь. А теперь тебе лучше бежать по своим делам. Мне надо кое-кому позвонить. Не забывай, о чем я тебе говорил, и не ищи неприятностей. Ты зайдешь к нам вечером?

— Не смогу — иду в кино с Доналдом.

Генри задумался. Он волновался за Веронику больше, чем хотел ей показать. И все-таки он не мог запретить ей пойти в кино с молодым человеком, подозревать которого не было серьезных оснований, хотя этот молодой человек, возможно, был не совсем правдив. Наконец Генри сказал:

— Не обсуждай это ни с кем, Ронни. Даже с Доналдом. И в особенности не говори ему, что думаешь, будто что-то обнаружила. Кстати, о чем ты там болтала за обедом?

— А, да ни о чем. — Выражение невинности на ее лице снова показалось ему наигранным. — Так, что-то смутное. В любом случае ты же сказал, что мне не надо лезть в...

— Если ты на что-то наткнулась, скажи мне.

— Нет, правда. Ничего особенного.

Генри раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, как дядя Вероники, он хотел, чтобы она не имела с этим делом ничего общего. С другой — как полицейский — он понимал, что она находится в таком положении, которое позволяло ей собрать те самые крупницы информации, которые могут оказаться бесценными. В конце концов он сказал:

— Ладно, зайти к нам завтра, и мы все обсудим.

— Мне жаль, дядя Генри, но я не смогу — пообещала Нэнси, что на выходные мы вместе поедем к ее родителям. Ты же помнишь Нэнси Блейк? Мы вместе снимаем квартиру.

— Ну, в любом случае так ты окажешься подальше от неприятностей. Тогда до понедельника.

— До понедельника, — отозвалась Вероника. Она надела пальто, поцеловала Генри в нос и ушла.

Генри позвонил по телефону, а затем поехал на Онслоу-стрит в Кенсингтоне, где жил доктор Уолтер Маркхэм.

Доктор Маркхэм был полным, располагающим к себе человеком под шестьдесят.

— Какая трагедия, — повторял он, пока они с Генри шли в его уютный, обитый кожей кабинет, — какая трагедия. Такая очаровательная женщина и такая молодая. И все-таки не нам ее обвинять, если она сочла необходимым покончить с собой.

Эти слова привлекли внимание Генри. Еще один человек предположил самоубийство.

— Почему вы так говорите? — поинтересовался он.

— Ну... — Доктор Маркхэм замялся. — Я думаю, вскрытие показало состояние ее здоровья.

— Вы были ее лечащим врачом. Она чем-то болела?

— Я думаю, — произнес доктор, — она страдала от неизлечимого рака.

— Вы так думаете?

— Пожалуй, мне лучше все объяснить. — Доктор откинулся на спинку кресла. — Мисс Пэнкгерст числилась среди моих пациентов. К счастью, мы с ней редко встречались как врач и пациентка. Время от времени она приходила с простудой или какой-нибудь подобной мелкой проблемой. Тем не менее мы были соседями и, смею сказать, друзьями. Пару месяцев назад она пришла ко мне в полном смятении. — Он помолчал. — Она не позволила мне ее осмотреть и попросила дать ей адрес лучшего специалиста в Лондоне в области онкологических заболеваний. Разумеется, я был очень обеспокоен. Она уверяла меня, что делает это по просьбе кого-то из друзей... так обычно и бывает. Люди, подозревающие, что у них может быть такой диагноз, прилагают максимум усилий, чтобы скрыть его, пока не будут точно уверены. Они не хотят без необходимости расстраивать близких и друзей. Хелен подтвердила мои подозрения, настаивая, чтобы я никому не рассказывал о ее визите. В первую очередь она хотела, чтобы мисс Пайпер ничего об этом не узнала. Ее соседка по комнате — тоже моя пациентка. Я ничего не мог сделать, кроме как дать ей нужную информацию. Когда я прочитал в газетах о произошедшей трагедии, то, разумеется, предположил...

— Кого вы ей порекомендовали? — быстро спросил Генри.

Доктор Маркхэм не мог решить, что ему делать.

— Не думаю, что имею право... — начал он.

— Доктор, — сказал Генри, — с Хелен Пэнкгерст все было в абсолютном порядке, и она не покончила с собой. Ее убили.

— Господи! Убили? Какой ужас! — Доктор действительно был потрясен. — Но кто?

— Это я и пытаюсь выяснить, — ответил Генри, — и информация, которой вы располагаете, способна помочь.

— Ну, раз дело обстоит так... Я посоветовал ей обратиться к сэру Джеймсу Брейтуэйту. Он известный эксперт в таких вопросах. Принимает на Уимпол-стрит. Господи... убийство.

— Спасибо, — поблагодарил его Генри, — вы очень мне помогли. И, пожалуйста, никому об этом не рассказывайте. Кое-что из того, что я вам раскрыл, должно оставаться в тайне.

— Разумеется, инспектор. Разумеется. Убийство... какая трагедия. Какая трагедия.

Сэр Джеймс Брейтуэйт, как сообщила юная, но весьма строгая брюнетка в белой униформе, был очень занят и не принимал никого до конца следующей недели. Он только сегодня вернулся с конференции в Вене, добавила она, и за время отсутствия у него накопилось много работы.

При виде визитной карточки Генри она, однако, испуганно распахнула большие карие глаза. Девушка предложила Генри расположиться в комнате для ожидания и почти бегом скрылась за тяжелой дубовой дверью, которая вела во внутренние помещения солидного дома на Уимпол-стрит.

Генри сел. Он был тут один, если не считать бронзовой статуэтки Дианы-охотницы. На столике лежала стопка старых журналов. Генри казалось все более и более громким тиканье золоченых бронзовых часов на каминной полке и приглушенный рев автомобилей за стеной. Если верить в то, что здания могут впитывать отголоски событий и переживаний, свидетелями которых они становились, то эта комната, без сомнения, видела множество трагедий. Здесь томилась в мучительном ожидании, испытывая боль и отчаяние, столько людей, что было куда больше шансов увидеть привидение прямо тут, чем в доме, где совершили одно убийство. Генри вздрогнул, представив, как Хелен Пэнкгерст сидит здесь и ждет... представил Майкла Хили.

Дверь открылась, и брюнетка сказала:

— Сэр Джеймс может уделить вам несколько минут прямо сейчас, инспектор.

Генри встал и последовал за ней в кабинет.

Тут все было оформлено так, чтобы пациенты не думали о предназначении помещения. Большие арочные окна выходили в тихий садик, слабый январский солнечный свет, пробивавшийся сквозь белые муслиновые шторы, придавал светлой комнате уютный вид. Если не обращать внимания на два шкафчика с карточками пациентов и обитый кожей письменный стол, комнату можно было бы счесть приятно обставленной гостиной в частной квартире. Сам сэр Джеймс Брейтуэйт излучал спокойствие и хорошее настроение. Он оказался высоким, приятной

внешности человеком с совершенно седыми волосами, гладким улыбчивым лицом и голубыми глазами, сверкавшими из-за очков в роговой оправе. Человек из тех, перед которым самые серьезные проблемы отступают и кажутся пустяком. Человек, которому легко доверять.

— Мой дорогой инспектор, — приветствовал он Генри, — прошу вас, заходите, садитесь. Что я могу для вас сделать? Надеюсь, ваш визит — это не плохой знак? — Его голубые глаза весело поблескивали.

— Весьма великодушно с вашей стороны принять меня, сэр Джеймс. Насколько я понимаю, вы сейчас очень заняты.

— Да, боюсь, что так. Думаю, мисс Беннет объяснила вам, что я сегодня вернулся с конференции в Вене, и, полагаю, нет смысла рассказывать вам, в каких количествах дела имеют свойство накапливаться, стоит на минуту отвернуться.

— Когда вы покинули Англию? — поинтересовался Генри.

— В среду на рассвете, самолетом, — криво улыбнувшись, ответил сэр Джеймс. — Такая у меня жизнь. Я дал обещание произнести речь за ужином с коллегами из Суррея во вторник вечером, а в среду в одиннадцать мне надо было присутствовать на открытии конференции в Вене. Она продолжалась два дня, но неужели вы думаете, что я мог спокойно проскользнуть домой вчера вечером и нормально выспаться? Ничего подобного! Мне пришлось остаться на очередной ужин с коллегами в Вене. Я вернулся только сегодня утром и как раз успел на очередной деловой обед. Иногда мне кажется, я стал кем-то вроде свадебного генерала, хотя мне следует лечить пациентов, а не произносить речи.

— То есть, — медленно проговорил Генри, — вы не читали английских газет со вторника. И не знаете о смерти мисс Пэнкгерст.

— Мисс?.. — Сэр Джеймс в вежливом удивлении наклонился вперед. — Извините, инспектор, но я не совсем понимаю... Мисс Пэнкгерст? Кто это?

— Заместитель главного редактора журнала «Стиль».

Сэр Джеймс смутился.

— Боюсь, я ничего не понимаю. Моя жена, разумеется, читает «Стиль», но что касается меня, то я — нет. Полагаете, я что-то знаю об этой юной леди? Да, думаю, она была молода. Мне кажется, что все, кто пишет о моде, — поразительные красавицы двадцати пяти лет от роду.

— Вы хотите сказать, — уточнил Генри, — что она не была вашей пациенткой?

Сэр Джеймс покачал головой:

— Не буду притворяться, что мгновенно могу вспомнить всех, кто ко мне когда-либо обращался, но она совершенно точно не наблюдается сейчас у меня. Впрочем, есть очень простой способ все уточнить.

Он встал, подошел к одному из шкафов с карточками пациентов и приступил к поискам.

— Нет, у меня никогда не было пациентки с таким именем.

— Думаю, — предположил Генри, — она могла воспользоваться вымышленным именем.

Сэр Джеймс вздохнул:

— Да, такое часто случается.

— Итак, — произнес Генри, — у меня с собой есть несколько ее фотографий. Они не слишком хороши, но надеюсь, вы сможете ее узнать.

Доктор слегка нахмурился, рассматривая фотографии.

— И что же? — нарушил молчание Генри. — Вы ее узнаете?

Не отводя глаз от снимка, сэр Джеймс ответил:

— Да. — Сэр Джеймс посмотрел в глаза Генри. — Вы говорите, — начал он, — что ее фамилия была Пэнкгерст и она не была замужем. Я знал ее как миссис Чарлз Доджсон⁹. Она не была моей пациенткой. Ее муж лечился у меня. И до сих пор лечится.

Генри поднял взгляд.

— Чарлз Доджсон... — повторил он.

— Да, — ответил сэр Джеймс, — это имя вам знакомо?

— Разумеется. А вам разве нет?

⁹ Чарлз Доджсон — настоящее имя Льюиса Кэрролла, автора легендарной «Алисы в Стране чудес».

— Я же сказал вам, что Чарлз Доджсон мой пациент. Почему вы улыбаетесь?

— Всегда приятно, — сказал Генри, — осознавать, что кто-то способен не терять чувство юмора даже при самых мрачных обстоятельствах.

— Боюсь, не понимаю...

— Не берите в голову. Это не имеет значения. Скажите, какой диагноз вы поставили мистеру Доджсону?

— Инспектор, не думаю, что...

— Я расследую убийство, — сообщил ему Генри, — вы имеете полное право говорить.

— Убийство? — Сэр Джеймс, пораженный, взглянул на него. — Я думал, что, возможно... Нет. Нет, она была не из таких. Очень смелая женщина, я подумал о ней, даже когда...

— Пожалуйста, — произнес Генри, — скажите мне диагноз.

— Мистер Доджсон, — медленно начал сэр Джеймс, — страдает от злокачественного образования в желудке. Сейчас оно причиняет ему лишь небольшие неудобства, но оно расположено так, что оперативное вмешательство представляется невозможным. За исключением чуда — иногда такое происходит — ничто не может помешать его болезни развиваться по обычному сценарию. Я бы не дал ему больше года жизни.

— Вы сообщили ему?

— Нет. — Сэр Джеймс Брейтуэйт задумался. — В таких случаях я всегда советуюсь с близким родственником, следует ли говорить обо всем пациенту. Впервые я осмотрел мистера Доджсона... подождите минутку, я проверю дату. — Он подошел к шкафчику и принялся перебирать карточки, на какое-то мгновение приняв озадаченный вид, но потом улыбнулся. — Глупо с моей стороны. Карточка мистера Доджсона не здесь. Я совсем забыл. Обстоятельства их визита были несколько необычными. Миссис Доджсон — надеюсь, вы простите, если я продолжу называть ее так, — договорилась о встрече по телефону и подчеркнула, что и она, и ее муж — очень занятые люди, так что могут прийти ко мне только в субботу или в воскресенье. Я объяснил ей, что выходные провожу в загородном доме — пытаюсь делать вид, что у меня есть частная жизнь. Она ответила, что это прекрасно ей подходит. Ее муж совершенно не подозревает, что может быть болен раком, и она не хотела беспокоить его. Ей уже удалось убедить мужа пройти общее медицинское обследование, и она могла устроить так, чтобы они провели выходные неподалеку от моего загородного дома. Так она могла бы убедить его зайти ко мне просто потому, что я оказался рядом.

— Ваш загородный дом находится в Хиндгерсте, верно? — спросил Генри.

— Да. Ну, совсем рядом с Хиндгерстом, если быть точным.

— Не знаю, когда вы видели мистера Доджсона в первый раз, — произнес Генри, — но вы совершенно точно осматривали его чуть больше месяца назад — двадцать восьмого декабря.

— Верно, — удивился сэр Джеймс, — я вспомнил, это было в рождественские праздники. Тогда мы встретились впервые.

— Миссис Доджсон приехала первой, скорее всего на такси, и беседовала с вами, — сказал Генри, — думаю, она попросила вас не раскрывать диагноз ее мужу, но все сказать ей самой. Вы ответили, что не можете сразу дать определенный ответ — надо сделать анализы и так далее.

Сэр Джеймс улыбнулся:

— Да вы волшебник. Вы знаете, как все это было, лучше чем я. Продолжайте.

— Мистер Доджсон приехал на машине чуть позже, вы осмотрели его, и они вместе уехали. Верно?

— Верно!

— Когда вы видели его в следующий раз?

— Через пару недель он пришел на рентген. Я уже был уверен в диагнозе, но мне хотелось полной ясности. Миссис Доджсон с ним не было. Он очень волновался из-за своего состояния, но я сдержал обещание и сообщил ему, что у него язва желудка. Он ушел вполне довольным жизнью.

— А потом, — произнес Генри, — во вторник, пришли результаты рентгеновского исследования, которые подтвердили ваши худшие опасения.

— На самом деле вечером в понедельник, — поправил его сэр Джеймс.

— Извините, вечером в понедельник. Вы позвонили миссис Доджсон и попросили ее прийти к вам.

— В принципе верно, но она сама мне позвонила.

— Правда? Но почему?

Сэр Джеймс грустно улыбнулся.

— В ситуациях вроде этой, — пояснил он, — всегда существует риск, что трубку возьмет не тот человек. Понимаете, она не хотела, чтобы я звонил ей на работу. Она приложила все усилия, чтобы скрыть от меня место работы. Но в любом случае вечером ее муж мог взять трубку с той же вероятностью, что и она. Так что я попросил ее позвонить мне в Хиндгерст вечером в понедельник — к этому времени я рассчитывал дать ей определенный ответ.

— Понимаю, — кивнул Генри. — Итак, когда она позвонила, вы сказали, что вам надо увидеться с ней как можно скорее. Естественно, вам не хотелось сообщать ей плохие новости по телефону. Вы объяснили, что до вечера вторника будете в Хиндгерсте, а утром уезжаете в Вену.

— Верно. Ужин, о котором я говорил, был устроен сельской больницей Хиндгерста, где я веду прием раз в неделю.

— Миссис Доджсон ответила, что может приехать в Хиндгерст и зайти к вам во второй половине дня во вторник. Так она и поступила, и вы сообщили ей результаты.

— Да. Именно так все и было. А что произошло потом?

— Потом, — ответил Генри, — она вернулась в Лондон, в редакцию журнала, и села за работу, которая должна была продолжаться всю ночь. Все сотрудники ушли домой около половины второго, оставив ее работать в одиночестве. Утром ее обнаружили мертвой после того, как она выпила чай с цианидом.

Сэр Джеймс помолчал, затем спросил:

— И вы расследуете это как дело об убийстве?

— Да.

— Рад это слышать, — кивнул сэр Джеймс.

— Почему?

— Потому что в таких обстоятельствах вы могли бы поддасться искушению счесть ее смерть самоубийством, но это было бы ужасной ошибкой. — Сэр Джеймс замолчал, подбирая слова. — Я не психиатр, инспектор, но моя обязанность — сообщать плохие новости, очень плохие, и я хорошо научился разбираться в людях. Миссис Доджсон разрыдалась, как только услышала правду. Это хороший знак. Чем быстрее грянет неизбежная буря, тем скорее горизонт прояснится. Потом она взяла себя в руки и задала мне множество очень разумных вопросов. Ей хотелось знать все о состоянии ее мужа, как ухаживать за ним, чтобы сделать приятными его последние месяцы. В общем, ее подход я бы назвал в высшей степени конструктивным. Не могу представить, чтобы она тут же покончила с собой.

— Она этого и не сделала, — уверенно ответил Генри.

— Но... — Сэр Джеймс колебался, стоит ли ему задавать вопрос. — По поводу ее имени. Вы утверждаете, что ее на самом деле звали не миссис Доджсон?

— Верно.

— Тогда... простите, что задаю такой вопрос, но я не могу не думать о своих пациентах... кто позаботится о нем?

— Ваш пациент женат, — ответил Генри, — не могу сказать, будет ли его жена столь же разумна и готова взять на себя ношу заботы о муже, как мисс Пэнкгерст. Через некоторое время я пришлю ее к вам.

— Это ставит меня в очень деликатное положение, — невесело произнес сэр Джеймс. — Скажите, миссис Доджсон... настоящая... знает, что?..

— Не могу вам этого сказать, — проговорил Генри. — Не сейчас. Но я могу утверждать, что она придет к вам и ее фамилия тоже не Доджсон.

Уимпол-стрит Генри покинул в шесть часов. Он позвонил из ближайшей телефонной будки Олвен Пайпер. Девушка сразу же взяла трубку и не слишком обрадовалась звонку.

— Мне нужно быть в театре в половине девятого, — сказала она, — это не очень удобно. Я ожидала, что вы позвоните раньше.

— Я буду у вас в половине седьмого, — ответил Генри, — если бы вы могли уделить мне хотя бы полчаса...

— О, хорошо.

Генри с интересом ожидал возможности увидеть дом Хелен. Он уже знал, что она не была богата. Пара сотен фунтов в банке и доход от небольшой страховки — вот все, что достанется ее сестре из Австралии, за исключением, разумеется, мебели и личных вещей. Генри подумал, что, возможно, как большая часть незамужних женщин, Хелен тратила зарплату на одежду и квартиру.

Квартира находилась на восьмом этаже нового здания, была обставлена добротной современной мебелью — довольно простой с виду, которая свидетельствовала о хорошем, пусть и несколько строгом вкусе покойной. Нельзя было не заметить отсутствия украшений и безделушек, которых обычно полно в домах, где живут одни женщины. Здесь было лишь несколько стеклянных и керамических ваз простых геометрических форм от, по всей видимости, скандинавских дизайнеров, а также репродукции картин Кандинского и Клее — все остальное было строго функционально.

Олвен грубовато приветствовала Генри:

— Думаю, вы хотите осмотреть квартиру. Приступайте. Мне надо переодеться. Если понадобится вам — позовите, я буду у себя.

С этими словами она исчезла за дверью. Он успел заметить невероятный беспорядок, царящий в маленькой спальне Олвен. Одежда, книги, бумаги, пластинки валялись повсюду. Контраст между хаосом ее комнаты и идеальным порядком в остальных помещениях лишний раз подчеркивал, что они с Хелен были не самыми подходящими соседями.

Квартира состояла из маленького холла, большой гостиной с балконом, комнаты Хелен, комнаты Олвен, ванной и кухни. Гостиная не привлекла внимания Генри — она напоминала витрину магазина и несла на себе лишь небольшой отпечаток личности хозяйки. Кроме того, он был убежден, что Хелен не стала бы держать в гостиной ничего личного. Он направился в ее спальню.

Здесь тоже практически не было заметно присутствия женщины. На односпальной кровати лежало сшитое на заказ темно-синее покрывало, на простом туалетном столике из светлого дуба стояли духи и минимум косметики, хотя, как заметил Генри, это была очень дорогая косметика высокого качества. В ящиках аскетичного дизайна комода он увидел аккуратно сложенную чистую одежду и носовые платки. Гардероб был в таком же идеальном порядке. Лишь несколько испачканных платков в корзине для грязного белья свидетельствовали о том, что Хелен была обычным человеком, уязвимым, как все смертные, и страдала от сильной простуды. Генри расстроился. В комнате имелось небольшое бюро, и оно не было закрыто. Генри отодвинул его крышку.

Первым, что привлекло его внимание, стало неоконченное письмо, лежавшее наверху стопки чистой бумаги. Оно было написано чернилами, твердым почерком с наклоном. Начиналось оно словом «вторник». Генри взял его в руки и прочел:

Думаю, мне наконец-то удалось это заполучить. Пусть не совсем то, что продают в Париже, но я попросила Терезу привезти мне образец, чтобы я могла их сравнить. Я почти приняла решение насчет синего платья из джерси — того, которое Бет хотела сфотографировать. Думаю, я скажу точно через несколько дней.

На этом письмо заканчивалось. Поскольку оно не обрывалось на середине предложения, Генри решил, что Хелен просто отложила его, желая дописать потом. Вероятно, она опаздывала на встречу с врачом. К письму было что-то прикреплено большой булавкой. Генри перевернул лист, ожидая увидеть лоскут ткани — письмо явно было адресовано портнихе Хелен, — но, к некоторому своему удивлению, обнаружил там листок писчей бумаги. Он собрался было вернуть письмо на место, но понял, что у него нет образца почерка Хелен — в редакции она работала исключительно на машинке, — поэтому он сложил листок и убрал его в карман.

За исключением письма, бюро, к разочарованию Генри, оказалось в таком же идеальном порядке, как и вся жизнь Хелен. Он обнаружил аккуратно подшитые квитанции, банковские

выписки и счета. Нашлась и папка под названием «Неотвеченные письма», в которой лежало послание от старой школьной подруги, приглашавшей Хелен провести выходные в Шропшире с ней и ее мужем; сообщение из лондонского магазина, извещавшее о том, что абажура желтого цвета, который она заказала, нет, но есть голубой; а также карточка от энергетической компании с известием, что, если хозяйке будет удобно, их представитель посмотрит неисправную плиту в два часа в следующий понедельник.

Заканчивая изучать бюро, Генри почувствовал, что ему не по себе от безликости всех этих бумаг. Здесь не было ни приглашений, ни открыток от восторженных путешествующих друзей, ни второпях нацарапанных записок, назначающих или отменяющих свидания. Он задумался: было ли это результатом того, что Хелен никогда не получала ничего подобного, или она сразу уничтожала всю личную корреспонденцию?

Решив поговорить об этом с Олвен, Генри в последний раз окинул взглядом комнату, но не увидел ничего нового. В маленьком книжном шкафчике обнаружилось несколько детективов, пара модных биографических книг, известная, но имеющая мало отношения к науке книга об археологических открытиях в Египте, полное собрание А.А. Милна и пара популярных романов — один написанный университетским профессором, а второй профессиональным карманником. Нижняя полка была забита старыми номерами «Стиля». «Не интеллектуалка, — заключил Генри, — чуть-чуть выше среднего».

Из всего, что было в комнате, больше всего о Хелен могла рассказать ее одежда. Генри не слишком разбирался в моде, но даже он мог заключить, что вещи в одежном шкафу свидетельствовали о хорошем чувстве цвета их хозяйки и готовности к экспериментам в сочетании с приверженностью к классическому стилю. Среди одежды Хелен не было ни шляпок с вуалью или искусственными цветами, ни платьев мягких пастельных тонов, ни изделий, отмеченных смелыми дизайнерскими решениями. Генри понял, что согласен с Марджери Френч: Хелен хорошо одевалась — этому ее научила работа в «Стиле», — но была слишком осторожна, чтобы стать главным редактором модного журнала. Помимо воли Генри в его памяти всплыло слово «интуиция», которое он так часто слышал в последнее время. Кажется, он начинал понимать, что оно значит.

Покинув спальню, Генри направился на облицованную белым кафелем кухню взглянуть, как Хелен избавлялась от мусора. К его разочарованию, оказалось, что квартира оборудована современным мусоросжигателем. Все письма, выброшенные Хелен, были уничтожены без надежды на восстановление. Он вернулся в холл и постучал в дверь Олвен.

— Да? Что вам?

— Я увидел все, что хотел, мисс Пайпер, — сказал Генри, — но нельзя ли немного побеседовать с вами, когда вы будете готовы?

— Хорошо. Я скоро буду.

Через пару минут Олвен присоединилась к нему в гостиной. Она переоделась в розовое шелковое платье с мягко драпированными оборками — последним писк моды. Сидело оно на девушке ужасно. Любой из сотрудников «Стиля» сказал бы ей, что носить оборки может только тот, кому они идут. И в любом случае сочетание их с бусами из искусственного жемчуга, ярко-розовыми атласными туфлями и большой белой сумочкой смотрится чудовищно. На самом деле коллеги уже устали повторять Олвен такие вещи, поскольку ее ответ всегда звучал так: «Но мне нравится, как оно смотрится с жемчугом», или она бормотала что-то вроде «О, правда?.. Да, разумеется...». Что касается Генри, он, сделав над собой усилие, улыбнулся и сказал:

— О, вот и вы. Очаровательно выглядите.

— Красивое платье, правда? — не без самодовольства отозвалась Олвен. — Бет пару месяцев назад в своем разделе дала снимок Вероники Спенс в этом наряде. Фото получилось таким хорошим, что мне тут же захотелось купить платье.

Оценка, поставленная Генри способностям Бет Конноли, несколько снизилась. Нельзя было ожидать от него понимания, что платья могли быть совершенно одинаковыми, но эффект, производимый Олвен, разительно отличался от того ощущения свежих розовых лепестков прохладным утром, которое оставалось у смотревших на снимок в «Стиле». Все редакторы модных журналов несут тяжелое бремя сознания того, что их советы остаются непонятыми читателями.

— Так что я могу для вас сделать?

— В первую очередь, — ответил Генри, доставая из кармана сложенное письмо, — вы можете опознать этот почерк?

Олвен взглянула на листок:

— Разумеется. Это почерк Хелен.

— Хорошо. Я просто хотел убедиться. А теперь скажите, Хелен получала много писем?

— Не могу сказать при всем желании, инспектор.

— Но вы ведь наверняка...

— Хелен первой вставала по утрам и готовила кофе. Я по вечерам обычно в театре, так что могу позволить себе приходить в редакцию позже, разве что у меня особенно много работы. Хелен... она... она была немного скрытной. У нас было принято, что она забирает почту, приносит письма на кухню и читает, пока кофе варится. Все, что не требовало ответа, она тут же бросала в мусоросжигатель — вы заметили, какой аккуратной она была.

— Что вы имеете в виду, говоря, что она была скрытной?

— Ну... — замаялась Олвен, — однажды я ждала важного письма, так что встала пораньше, забрала все из почтового ящика и отнесла почту Хелен к ней в комнату. Она пришла в бешенство. Как будто я распечатала ее личное письмо или что-то в этом роде. В любом случае тем утром ей пришла только пара рекламок, но она заставила меня пообещать, что впредь я предоставлю ей забирать почту. Странно, правда? Так не похоже на нее.

— Странно, — согласился Генри. Хелен Пэнкгерст начинала его раздражать. Какие бы занятные письма ей ни приходили, она приложила максимум усилий, чтобы от них не осталось и следа. Генри с печалью вспомнил о многочисленных детективных романах, в которых из камина всегда удается извлечь несгоревший кусочек письма, сохранивший что-то важное. Он мрачно подумал: что сделал бы Шерлок Холмс, столкнувшись он с электрическим мусоросжигателем? От размышлений его оторвала продолжившая говорить Олвен:

— ...как можно скорее. Вы ведь понимаете меня, правда?

— Простите, я задумался. О чем вы говорили?

— Одежда и прочие вещи Хелен. Я бы хотела упаковать их и отправить на склад как можно скорее.

— Не возражаю, — ответил Генри. Он окинул взглядом комнату. — Полагаю, вся эта мебель принадлежала ей. Что вы собираетесь с ней делать?

— Я напишу ее сестре, — сказала Олвен, — спрошу, как она хочет, чтобы я поступила. Разумеется, мне придется поменять тут все, но пока, думаю, смогу продолжать пользоваться вещами Хелен. — Она взглянула на свои похожие на мужские часы на ремешке из толстой черной кожи, которые абсолютно не сочетались с розовым платьем. — Боюсь, мне пора идти.

— Мне тоже, — произнес Генри. — Спасибо вам за помощь.

У двери Олвен остановилась.

— Так что, могу я упаковать ее вещи на выходных? — спросила она.

— Если хотите.

— Спасибо. Вы не представляете, как... как рада я буду от всего этого избавиться. — Ее голос дрогнул. — Ее одежда... Как будто рядом ее призраки... двойники. Не могу выносить их постоянного присутствия в доме.

— Понимаю, — сказал Генри. — Хорошо. Упакуйте ее одежду и избавьтесь от нее.

Глава 11

Выходные ознаменовались самой холодной погодой за всю холодную зиму и самым глубоким унынием, в которое Генри в последнее время впадал. Он был уверен, что многое знает о личности преступника, но пришел к этому заключению благодаря мелким уликам и собственной интуиции. Доказательства такого свойства не представишь в суде. Кроме того, в его выводах были

определенные пробелы, и он не знал, чем их заполнить. Да еще и ситуация с Майклом и Терезой Хили лежала на его плечах тяжелым грузом. Он не мог понять, где заканчивается его ответственность, и должен ли он сообщить Терезе правду. Он сомневался даже в том, что действительно раскрыл преступление, и часто вспоминал слова Доналда Маккея, и задумывался — не запудрила ли ему мозги компания специалистов, вложив в голову мысли, которые ему не принадлежали.

В субботу, как будто настроение и так было недостаточно мрачным, Генри посетил похороны Хелен, организованные со свойственным ему тактом и щедростью Годфри Горингом. Помимо искреннего желания отдать дань уважения покойной, Генри хотел удостовериться, правду ли говорили ее коллеги, утверждая, что вне стен редакции у нее почти не было знакомых.

Это казалось правдой. Присутствовали Марджери Френч и Патрик, державшиеся рядом, как и Майкл с Терезой. Годфри Горинг с приличествующим случаю мрачным и торжественным видом сидел один. Бет Конноли пришла в компании невысокой светловолосой девушки, которую она представила Генри как секретаря Хелен. Единственной из присутствующих, кто не имел отношения к «Стилю», была крепко сбитая приятного вида пожилая дама, которую Генри раньше не видел. Оказалось, эта женщина помогала Хелен по дому последние десять лет, — миссис Седж. Генри взял на заметку не только тех, кто появился тут, но и тех, кто не пришел.

Когда церемония закончилась, Горинг предложил всем поехать к нему на Бромптон-сквер выпить чаю. Он также пригласил миссис Седж и, после заметных колебаний, Генри.

Это никак нельзя было назвать милой встречей. Только миссис Седж, судя по всему, наслаждалась происходящим. Ее совершенно не смущала окружающая роскошь, и она откровенно делилась своими восторгами по поводу чая и шоколадного торта. Ее комментарии несколько разряжали атмосферу. Не могло укрыться от взгляда и то, что она была очень привязана к Хелен и искренне ее оплакивала.

— Такая чудесная девушка, — рассказывала она Генри, отпивая чай из чашки мейсенского фарфора, которую держала, старательно оттопыривая мизинец. — У нее было очень приятно работать. Такая собранная. Все должно было быть сделано как положено, не дай Бог что. И речи быть не могло о том, чтобы плохо вытереть пыль или забыть вымыть блюдца с обратной стороны. Но я всегда говорю: нет ничего страшного в тяжелой работе, если ее ценят, верно?

Генри что-то пробормотал в знак согласия, и миссис Седж продолжила:

— Эта мисс Пайпер... она... — Женщина тактично понизила голос. — Совершенно другое дело. Совершенно. Не умеет отличить грязное от чистого, если вас интересует мое мнение. Конечно, она еще совсем молоденькая. Она хочет, чтобы я осталась, но я пока не знаю. Без мисс Хелен все будет совсем не так.

— Тем не менее, — заметил Генри, — думаю, вы не так уж часто видели их обеих, так ведь? Я хочу сказать, они ведь целыми днями на работе...

Миссис Седж с сожалением посмотрела на него:

— Дело-то не в этом... Спасибо, я вполне способна осилить еще кусочек торта. Нет, я имею в виду, что в комнате мисс Хелен всегда был порядок, за исключением одного случая, но тогда у нее была причина. И она всегда оставляла для меня указания — все по пунктам аккуратно записано. С ней все было как положено. Но комната мисс Пайпер — это надо видеть, словами не опишешь. И ей очень не нравилось, если я заходила к ней прибраться.

Генри произнес:

— Мисс Хелен кажется такой правильной, что даже не верится. Рад слышать, что у нее в комнате иногда был беспорядок.

— Только однажды. — Миссис Седж улыбнулась, вспоминая. — Да, только один раз за все десять лет. Около месяца назад, кажется. Я открыла дверь и обмерла: все было разбросано по комнате, бумаги и прочее.

— Бумаги? — заинтересованно переспросил Генри.

— Ну, я не имею в виду письма и что-то в этом роде. Оберточная бумага. Это я могла бы понять.

— Что понять?

— Что на это должна быть хорошая причина, — пояснила миссис Седж. — В тот раз я пошла сразу в комнату мисс Хелен вместо того, чтобы зайти на кухню. А когда я все-таки заглянула на

кухню, то увидела на столе записку от нее. Она просила не трогать ничего у нее в комнате, поскольку она собирала вещи, чтобы уехать. Это я и называю собранностью.

— Уехать? — переспросил Генри. — Месяц назад?

— Верно. По делам, я думаю. Это было в понедельник. А когда я пришла в пятницу, она уже вернулась.

— Еще чаю, миссис Седж? — Рядом с ними, излучая обаяние, возник Годфри Горинг. Генри предоставил ему вновь наполнить чашку миссис Седж, а сам направился в другой конец комнаты, где Майкл Хили беседовал с Бет Конноли.

Бет нервно улыбнулась Генри:

— Хорошо, что вы пришли сегодня, инспектор. Уверена, Хелен бы оценила ваш поступок.

Майкл цинично усмехнулся:

— Смею предположить, вы тут по долгу службы. Верно, инспектор?

— Можете считать и так, — отозвался Генри. — Иногда очень трудно понять, где заканчивается долг и начинается... — Он задумался. Слово «удовольствие» определенно не подходило: — ...начинаются естественные человеческие чувства.

— Как вы понятливы, инспектор, — ядовито произнес Майкл, — но мы ведь за это вам и платим.

В последовавшей неловкой тишине Генри начал понимать чувства, которые Хорас Барри испытывал к Майклу Хили. Генри, сознавая свое особое положение, был готов ко всему, но при всем том он не мог не признать: фотограф мастерски владел искусством оскорблять других.

Первой с характерной для нее прямоотой молчание нарушила Бет:

— Какое гнусное замечание, Майкл. Я считаю, что инспектор Тиббет ведет себя восхитительно. Должно быть, расследовать убийство в сумасшедшем доме наподобие «Стиля» — та еще работа.

Майкл тут же принял кающийся вид.

— Сожалею, — извинился он, — я... я не слишком хорошо себя чувствую в последнее время, а Париж любого вымотает. Каждый раз, когда вижу, что начинаю походить на сволочь, я понимаю, что пора в отпуск. Думаю, можно будет провести пару недель на Канарах, когда... когда все это закончится.

— Наверное, не положено об этом спрашивать, — сказала Бет, — но как продвигается дело, инспектор?

— Боюсь, довольно медленно, — ответил Генри, — мне никогда раньше не приходилось сталкиваться с ситуацией, в которой было бы так трудно докопаться до правды.

— Правда? Почему?

Генри посмотрел в глаза Майклу Хили:

— Потому что на этот раз я имею дело с очень умными людьми.

Майкл не отвел взгляда.

— Вы находите, что мы мешаем следствию или отказываемся говорить, инспектор?

— Нет, — ответил Генри, — вы все были разговорчивы, откровенны и выражали желание помочь. В этом-то и проблема.

Майкл слегка улыбнулся.

— Вы и сами весьма умны, инспектор, верно? — И, поскольку Генри ничего не ответил, он быстро добавил: — Разве не было бы лучше для всех, если бы вы признали, что Хелен покончила с собой?

— Было бы, — ответил Генри. — Но это было бы ложью.

— Почему вы так уверены?

— Пока, — отозвался Генри, — было бы преждевременно объяснять это.

Вскоре чаепитие подошло к концу. Марджери сказала, что ей пора идти, и предложила секретарше подвезти ее. Патрик тут же вмешался, заявив, что они с девушкой живут в одной стороне и что он не только довезет ее до дома, но и остановится с ней где-нибудь по пути, чтобы вместе выпить. Марджери явно разозлилась, но промолчала. Тем временем Тереза и Майкл предложили миссис Седж подвезти ее до метро «Слоун-стрит», откуда она могла бы сесть на поезд до Патни. Генри тоже собирался уходить, но Горинг положил руку ему на плечо со словами:

— Инспектор, пожалуйста, задержитесь и выпейте со мной. Я хотел бы поговорить с вами.

Они перешли в элегантный кабинет. Горинг бросил в камин еще одно полено, налил виски Генри и тоника себе и произнес:

— Перейду сразу к делу, инспектор. Я хочу знать, как продвигается дело. Не стоит говорить, что у меня нет права спрашивать, я уверен, такое право у меня есть. Чем дольше оно тянется, тем больше беспокоит моих сотрудников. А люди не могут хорошо работать, когда беспокоятся. — Он помолчал. — Вчера ко мне Подошла Марджери. По ее словам, производительность упала во всех отделах. К примеру, Олвен Пайпер, которая всегда очень тщательно следит за содержанием своих материалов, в свою апрельскую статью вставила абзац, который не только не соответствует действительности, но может быть воспринят как клевета. К счастью, Марджери заметила его, когда проверяла гранки. Когда она заговорила об этом с Олвен, у той началась истерика, и она сказала, что не может ни на чем сосредоточиться, пока все не выяснится с убийством. И Тереза вела себя очень странно: переделала весь раздел для апрельского номера — по словам Марджери, без малейшей необходимости. Когда Марджери вмешалась, Тереза только огрызнулась и напомнила, что недолго будет занимать свой пост. Очень неприятно и совсем не похоже на Терезу. Что касается Патрика Уолша, тот совсем утратил хватку и все перекладывает на своего помощника. Думаю, вы понимаете мое беспокойство, инспектор.

— Да, — ответил Генри, — понимаю.

— Итак, — продолжил Горинг, — я высказал вам свое мнение за обедом в «Оранжевое» и не вижу причин его менять. Откровенно говоря, я несколько разочарован происходящим. Продолжение расследования только ухудшает обстановку в редакции. Совершенно очевидно, что Хелен покончила с собой. Почему бы вам не признать это?

Генри ответил, осторожно подбирая слова:

— Это решать суду. Я не могу предугадать его вердикт.

Горинг одарил Генри заговорщической улыбкой.

— Все мы знаем, — сказал он, — что на решение суда повлияют результаты полицейского расследования. Не надо прятаться за спиной коронера, инспектор.

— Могу вас заверить, — произнес Генри, — что в таком деле, как это, где присутствует некий элемент сомнения, решение суда может удивить нас всех. Я же должен представить улики так, как вижу их сам.

— И как вы их видите?

Генри долго изучающе смотрел на Горинга. Наконец он сказал:

— Как правильно заметили, мистер Горинг, вы находитесь в особом положении. Думаю, я могу поделиться своими соображениями, если вы пообещаете, что все останется между нами.

Горингу, казалось, понравилось начало, и он серьезно кивнул:

— Я вполне вас понимаю.

— Вы, разумеется, в курсе, — начал Генри, — что в чемодане мисс Филд, той ночью оказавшемся в кабинете Хелен, кто-то что-то искал.

— Я слышал, но не понимаю... Не могла сама Хелен сделать это, прежде чем...

— Нет, — ответил Генри. — Хелен упала на пишущую машинку в тот момент, когда печатала слово. Клавиши машинки были покрыты пудрой, рассыпавшейся из выпавшей из чемодана мисс Филд коробки. Пудра оказалась на всех клавишах, кроме тех, на которых застыли пальцы Хелен. Это, как и то, что принадлежавший мисс Филд ключ от здания пропал, позволяет сделать вывод: кто-то вернулся в редакцию уже после смерти Хелен и перерыл чемодан.

Горинг молча обдумал сказанное, прежде чем сказал:

— Я вынужден согласиться с вами, инспектор. Тем не менее это никоим образом не доказывает, что Хелен была убита. Давайте представим, что она покончила с собой, а этот неизвестный зашел в кабинет позже и увидел тело.

— И не поднял тревогу?

— Он не посмел. У него не было права там находиться. Он собирался украсть что-то из чемодана. Разумеется, наличие трупа в комнате его напугало. Это и объясняет лихорадочную поспешность, с которой чемодан был, по всей видимости, перерыт.

— Все это звучало бы убедительно, — проговорил Генри, — если бы не отпечатки пальцев.

— Что за отпечатки пальцев?

— Те, которых мы не нашли. На термосе были только отпечатки Хелен, а на бутылочке с цианидом — вообще никаких. Понимаете, что это значит?

— Человек, подсыпавший цианид, был в перчатках?

— Нет, все несколько сложнее. Мы знаем, что Эрнест Дженкинс — лаборант — брал термос в руки раньше тем же вечером, когда наливал туда свежий чай, так что его отпечатки должны были бы там остаться — если бы термос не вытерли позже, после того, как подсыпали цианид, но до того, как Хелен забрала его к себе в кабинет. Кроме того, Эрнест раньше тем же вечером брал бутылочку с цианидом, так что его отпечатки должны были бы обнаружиться и на ней. Если Хелен действительно покончила с собой, зачем ей вытирать термос, потом снова оставлять на нем свои отпечатки и вытирать бутылочку с цианидом?

Горинг долго молчал и наконец произнес:

— Итак, эти улики вы представите в суде, когда расследование будет окончено?

— Я надеюсь, что к этому времени у меня появится намного больше улик.

— Ну что ж, — проговорил Горинг, — в таком случае нам остается только запастись терпением. Могу я поинтересоваться, вы... кого-нибудь подозреваете?

— Разумеется, можете, — вежливо ответил Генри, — но, боюсь, я пока не могу вам ответить.

— Разумеется. Я понимаю. — Горинг поколебался и наконец смущенно спросил: — Кстати... Когда расследование будет окончено... всплывет ли история Хелен и Майкла Хили?

— Только в случае крайней необходимости, — ответил Генри. — Я предпочитаю думать, что нам удастся этого избежать.

Горингу определенно стало легче после этих слов.

— Рад это слышать. Мы бы хотели избежать огласки любой ценой.

— Но, — продолжил Генри, — не могу обещать, что об этом не пойдет речь позже, на другом суде. На процессе об убийстве. Если обвинение не станет использовать эту информацию, тогда это сделает защита.

— Процессу, разумеется, должен предшествовать арест.

— Безусловно.

— Мне кажется, — заметил Горинг, — вы вполне уверены в том, что это скоро произойдет.

Генри улыбнулся:

— Надеюсь.

Неожиданно Горинг произнес:

— Моя жена говорит, что вы заезжали к ней в Даунли.

— Верно, — ответил Генри, — я хотел полностью снять с нее подозрения, точно установив, что в момент убийства она была в загородном доме.

— Снять с нее подозрения... Боже мой, вы ведь не связываете Лорну с...

— Нет-нет, — поспешно заверил его Генри, — это просто формальность. В любом случае у нее идеальное алиби. Она до глубокой ночи играла в бридж с соседями.

Горинг с облегчением вздохнул:

— Хорошо. Я хочу сказать, что в таких обстоятельствах я не могу не беспокоиться о том, чтобы моя семья не оказалась в этом замешана.

— Поверьте, я прекрасно вас понимаю, — отозвался Генри. Он был всем сердцем рад, что Вероника сейчас в безопасности — пусть всего лишь на эти выходные. Затем он добавил: — У вас прекрасный дом в Даунли, мистер Горинг. Должно быть, вы весьма сожалеете, что не можете проводить там больше времени.

— Работа есть работа, увы, — ответил Горинг. — И все-таки я надеюсь добраться туда сегодня вечером и провести остаток уик-энда. Моей жене, должно быть, там одиноко... Мне стоит попытаться убедить ее проводить больше времени в Лондоне.

— Мистер Горинг, — неожиданно спросил Генри, — а что вы знаете о незаконном копировании работ парижских модельеров?

Горинг, казалось, был ошарашен вопросом, но затем улыбнулся:

— До вас дошли слухи, инспектор?

— Да.

— Что ж... — Горинг поворошил угли в камине. — Сам я в это не верю, но подобные слухи очень плохо влияют на всю нашу индустрию, и с этим надо разобраться. Разумеется, мне хочется добраться до истины, но, как вы понимаете, в моем положении это нелегко.

— Да, — сказал Генри, — понимаю.

Через несколько минут он, попрощавшись с Горингом, покинул его дом. Вечер выдался холодным и промозглым, и во всем Найтсбридже не было ни одного такси. В конце концов Генри пришлось ждать автобус, и домой он вернулся промерзшим до костей.

Эмми на кухне готовила обед. Поскольку кухня была самым теплым местом в доме, Генри с радостью составил компанию жене, пока она занята готовкой. Стоя так близко к газовой плите, как только возможно, Генри рассказал жене о похоронах и передал суть беседы с Горингом.

— Мне жаль его, — сказала Эмми. — Бедняга. Должно быть, он страшно беспокоится. Генри, как ты думаешь...

Ее перебил звонок телефона. Генри взял трубку.

— Инспектор Тиббет? Это Лорна Горинг.

— Рад слышать вас, миссис Горинг, — ответил он.

— Мне неудобно вас беспокоить... но я тут вспомнила про того врача в Хиндгерсте. Моя подруга опять меня спрашивала. Вы его нашли?

Генри колебался.

— И да, и нет. Я выяснил его имя, но он живет в Лондоне, а в Хиндгерсте у него только загородный дом. Раз в неделю он ведет прием в местной больнице, но не думаю, что он станет брать частных пациентов.

— Ну... как знать. Вы не могли бы в любом случае назвать мне его имя?

— Честно говоря, не думаю, что в этом есть смысл, миссис Горинг, — ответил Генри. — Вы же сказали, что вашей подруге нужен врач общей практики, а этот доктор — специалист в одной области.

— О, понятно. Что ж, ничего страшного. — Она помолчала. — Как прошли похороны?

— Не сказать, что в совсем непринужденной обстановке. Впрочем, это естественно. В любом случае ваш муж был весьма гостеприимен и угостил нас всех прекрасным чаем после того, как все закончилось.

— А! — Лорна издала одобрительное восклицание. — Не думаю, конечно, что он говорил, но не собирается ли он приехать сюда на выходные? Он никогда меня не предупреждает. Я пыталась ему позвонить, но его нет.

— В таком случае, — произнес Генри, — мистер Горинг как раз едет к вам. Он сказал мне, что поедет в Суррей сегодня вечером.

— Сегодня вечером? О, как хорошо. Что ж, не буду отнимать у вас время, инспектор. Простите, что побеспокоила. До свидания.

Генри вернулся на кухню. Эмми делала картофельное пюре.

— Кто это был? — спросила она.

— Миссис Горинг.

— Господи. Что она хотела?

— Не уверен, — ответил Генри, — но кажется, я все-таки это знаю.

Генри собирался взять выходной в воскресенье — ему очень нужно было отдохнуть и отвлечься, но понял, что не может выбросить дело из головы. Он молчал, пока они с Эмми пили пиво во время обеда в их любимом пабе, и совершенно не мог сконцентрироваться на игре в дарты и в результате уступил нескольким противникам, известным своей посредственностью.

После обеда, вместо того чтобы как обычно взяться за воскресные газеты, Генри принялся записывать свои соображения по поводу дела. В отличие от его официальных отчетов, основанных исключительно на фактах, эти заметки в основном были посвящены его личным взглядам на действующих лиц этой истории и на их поведение. Однако один человек продолжал ускользать от взгляда Генри — сама Хелен Пэнкгерст.

Генри погрузился в сонную задумчивость. Перед камином было тепло, язычки пламени отбрасывали танцующие отсветы на стены. Начинало темнеть, но Генри не включал свет. Он думал о Хелен. Генри видел ее только однажды — с лицом, искаженным предсмертной

судорогой. Он представил, какой Хелен казалась окружающим — точной, аккуратной, преданной делу, обладающей хорошим, пусть и холодноватым вкусом и полностью контролирующей свои эмоции. Он сравнил это с тем, что должно было происходить под этой «гладкой скорлупой холодного разума», как выразился Майкл. Генри вспомнил, что в критические моменты она работала в невероятном хаосе, что раз в десять лет она была способна оставить свою комнату в полном беспорядке. Генри попытался понять, какой была настоящая Хелен — эмоциональной, страстной, возможно, даже жестокой, но в первую очередь уязвимой. И вот Хелен кто-то убил.

Людей, подумал Генри, просто так не убивают. Он любил повторять, что убийства всегда совершают либо из-за любви, либо из-за денег. В случае Хелен денежным мотивом, казалось, можно было пренебречь. Что касается любви — Хелен любила женатого мужчину. Генри задумался над тем, какой вид в данном случае могло принять *crimt passionelle*¹⁰. Любовник мог убить ее по нескольким причинам: она не была ему верна, она стала обузой для него, или ее существование угрожало браку, который он желал сохранить. Его жена могла убить Хелен из ревности. Другая женщина, также желавшая любовника Хелен, тоже могла от нее избавиться. Все эти предположения казались Генри не в меру мелодраматичными, и все они выглядели неубедительно в свете одного неопровержимого факта: Хелен Пэнкгерст жила и умерла девственницей.

Среди множества известных ему фактов скрывалась не только правда, но и доказательство чьей-то вины. Генри в этом не сомневался. Где-то скрывалось подтверждение того, что подсказывала ему интуиция. Был только один способ это найти. Трудный способ. Вернуться к фактам. Проанализировать их. Разложить по полочкам. Соотнести все по времени. Генри потянулся за записной книжкой, но не воспользовался ею. Усталость, тепло и плотный обед одолели его.

Дважды Генри распахивал глаза и выпрямлялся, чувствуя, что ручка вот-вот выпадет из пальцев. В третий раз сон оказался сильнее, и произошло то же, что и по утрам, когда Генри не хотелось вставать на работу. Ему снились очень реалистичные сны о том, как он выключает будильник, встает, бреется, одевается... и он просыпался, осознавая, что все еще лежит в кровати.

Вот и теперь, пока Генри тихо сопел во сне, его подсознание продолжало работать, делая точные и глубокие заметки в записной книжке. Его сонному разуму показалось, что он почти раскрыл дело, когда написал «у герцогини Бейсингстокской есть гепард» и словосочетание «Хили — Хелен — Черт», которое он повторил несколько раз, как будто оно имело какой-то особый метафизический смысл. Он совершенно не был удивлен, когда, подняв глаза, обнаружил, что в комнату вошла сама Хелен Пэнкгерст и стоит у камина в своем пушистом белом свитере и серой юбке.

— А вот и вы, — несколько обиженно поприветствовал он ее, — давно пора.

— Ваша беда в том, что вы не видите того, что у вас прямо под носом, — резко бросила Хелен.

— Не надо меня упрекать.

— Но это же так просто. Не могу поверить, что вы не заметили.

— Перестаньте умничать, — раздраженно сказал Генри. — Вам-то хорошо. Вы мертвы.

— Если вы собираетесь мне хамить, я уйду.

— Нет... Не уходите... Скажите мне. Пожалуйста, скажите.

Но Хелен уже шла к двери. Генри попытался встать и догнать ее, но во сне его ноги будто налились свинцом, и он не мог сделать ни шага.

— Хелен! — закричал он. — Хелен!..

— Что случилось, Генри? — В дверях появилась Эмми с чайным подносом в руках.

На диване в полумраке комнаты Генри дернулся во сне и пробормотал:

— Хелен... Хелен.

— Ну же, старина. Просыпайся, — решительно сказала Эмми и включила свет. Генри медленно выпрямился, протирая глаза.

— Наверное, не заметил, как заснул, — смущенно пробормотал он.

— Хуже, — усмехнулась Эмми, — ты разговаривал во сне. Кто эта Хелен, кстати? Я уже начинаю что-то подозревать.

¹⁰ Убийство из страсти (*фр.*)

Генри не улыбнулся.

— Девушка, которую убили, — ответил он. — Мне она только что снилась... Такой реалистичный сон, и... кажется, она теряет терпение из-за того, что я чего-то не замечаю.

— Ты слишком много думаешь об этом деле, — с напускной небрежностью сказала Эмми. — Из-за того, что Ронни имеет к этому отношение, и прочего. И ты съел слишком много камамбера за обедом. Ты же знаешь, что от него тебе снятся кошмары.

— Да, видимо, в этом дело, — ответил Генри. Но он не мог забыть образ Хелен. Генри был не из тех, кто считает, будто обладает особыми способностями вроде ясновидения, но что-то, какое-то смутное чувство подсказывало ему: сейчас подсказать что-то может только Хелен. Хелен... ее личность, ее одежда, ее кабинет, ее квартира...

Генри вынул из кармана неоконченное письмо, найденное на столе Хелен. Он развернул его и перечитал, не столько надеясь заметить что-нибудь новое, сколько полагая, что почерк убитой поможет ему лучше ее понять. Он перечитал письмо, бездумно перевернул лист и взглянул на листок бумаги, приколотый к первому булавкой.

Когда Эмми вернулась, Генри сидел без движения и, побледнев, не мигая, смотрел на листок бумаги в своих руках. Как он позже признавал, это было самое таинственное переживание в его жизни, и на какое-то время он был совершенно оглушен. На листке бумаги, который в пятницу вечером был абсолютно чист, тем же почерком через весь лист были выведены слова: «Видишь, что я имею в виду?»

Через несколько минут, когда Эмми ушла за ужином, Генри поднял голову и произнес:

— Да, Хелен, вижу.

Глава 12

В понедельник утром Генри направился в Скотленд-Ярд, где передал письмо Хелен вместе с загадочным приложением экспертам-графологам. Потом он позвонил в редакцию и договорился с Терезой о встрече. Вслед за этим Генри связался с Парижем и долго беседовал с одним из коллег в Сюрте. Французский детектив, который к тому же был другом Генри, весьма заинтересовался информацией и пообещал, что расследует дело и со своей стороны. Кроме того, он согласился купить некий небольшой предмет и переправить его в Лондон.

Без десяти одиннадцать Генри был на Эрл-стрит, где его тепло приветствовал швейцар, принявший, вероятно, за постоянного сотрудника. Генри и сам начинал так себя чувствовать. Он поднялся наверх на лифте.

Дверь отдела моды была открыта, и за ней царил обычный хаос. Звонили телефоны, стучали машинки, повсюду, казалось, была разбросана одежда и аксессуары. Перед большим зеркалом модель в нижнем белье снимала одно платье, чтобы натянуть другое. Переодевшись, она приняла эффектную позу. Позади нее стояла Бет Конноли и, полуприкрыв глаза, изучала — с интересом отметил Генри — не саму девушку, а ее отражение в зеркале. Когда позже Генри поинтересовался, почему Бет поступала именно так, она объяснила, что отражение позволяет лучше представить, как будет выглядеть фотография.

Генри уже привык к полуобнаженным красавицам и включил их в свою картину мира. Он зашел в отдел моды и обратился к Бет:

— Я бы хотел просить вас об одолжении. Вы не могли бы достать мне приглашение на завтрашний показ Николаса Найта?

— Разумеется, могу.

— А не могли бы вы вспомнить дату публикации фотографий с парижских показов этого сезона?

— Двадцать седьмое февраля. В этот день мы... — Она прервалась, заметив подошедшего секретаря. — В чем дело, Мэрилин?

— Вас к телефону, мисс Конноли.

— О, черт! — выругалась Бет. — Подождите минутку, инспектор. Я ненадолго.

Бет взяла трубку. Казалось, она раздражена.

— Нет, Николас... Я же тебе уже сказала — я не имею ни малейшего представления, где она может быть. Ей следовало быть здесь в десять, но она просто не пришла... Да, я тоже в бешенстве, но что тут можно сделать?.. Ты знаешь, какими бывают девушки. Да, согласна, я бы тоже ничего подобного не подумала о Веронике, но это только доказывает: никогда нельзя знать заранее... Разумеется, я звонила ей домой... Нэнси тоже ничего не известно. Да, конечно, если я что-нибудь узнаю.

Генри почувствовал, как у него сжалось сердце. Когда Бет положила трубку, он спросил:

— Бет, мы можем пройти в соседний кабинет и поговорить?

Она, казалось, не знала, что делать.

— Ох... Это надолго? У меня фотосессия, и у нас бардак из-за...

— Только минуту, я обещаю.

— Хорошо. — Она повернулась к модели: — Снимите это и наденьте желтое с янтарным ожерельем и большой соломенной шляпой. Я скоро вернусь.

Когда дверь кабинета Генри закрылась за ними, он спросил:

— Что там с Вероникой?

— Я очень сердита на нее, — ответила Бет, — она меня подвела.

— Что вы имеете в виду?

— Я пригласила ее на фотосессию сегодня утром, а она не пришла. Мне пришлось узлом завязаться, чтобы найти другую девушку, и она все равно не совсем то, что нужно.

— Но где может быть Вероника? — Генри надеялся, что голос не выдает степень его беспокойства.

— Думаю, она решила остаться за городом. Я слышала, что она собиралась в Хэмпшир на выходные.

— Она собиралась вместе с Нэнси к ее родителям, — произнес Генри. — Из ваших слов я понял, что Нэнси вернулась.

Бет удивленно посмотрела на него:

— Я бы на вашем месте не беспокоилась, инспектор. У Найджела истерика потому, что она должна была прийти на последнюю примерку и прогон, а показ уже завтра, но я уверена, что с Вероникой все в полном порядке.

— Я тоже думаю, что она просто решила пренебречь своими обязанностями, но все же мне в любом случае стоит поговорить с Нэнси. Если вы что-то узнаете, сообщите мне, пожалуйста.

Нэнси Блейк взяла трубку и ответила своим глубоким бархатным голосом с очаровательной хрипотцой:

— Нет, ее нет дома. Кто это?.. Ой, инспектор Тиббет, здравствуйте. Как ваши дела? Сто лет с вами не говорила... Нет, понятия не имею... Она уехала в субботу утром за город к друзьям... Нет, она не сказала куда... Что? К моим родителям? Господи, не может быть! То есть... Ну, они сейчас в Индии, так что... Думаю, вы ее неправильно поняли... Она в субботу уехала отсюда на такси... Что? Дайте подумать... На ней был ее серый твидовый костюм с белым свитером и ярко-красное замшевое пальто... Нет, без шляпы... Да, она взяла свой темно-синий кожаный чемодан... Господи, инспектор, это же не может быть что-то серьезное? Я уверена, с ней все в порядке... Да, конечно, я вам скажу.

Генри повесил трубку, испытывая невероятное беспокойство. Ему пришло в голову два варианта развития ситуации, и ни один из них его не устраивал. Во-первых, Вероника ему солгала. Почему? Неужели она продолжает играть в детектива и придумала какой-то безумный план? Или она собралась провести выходные с молодым человеком и не хотела признаваться в этом? В любом случае почему она до сих пор не вернулась? Генри знал свою племянницу достаточно хорошо, чтобы понимать, как серьезно она относится к своей работе.

Он связался с отделом моды и попросил передать мисс Мэннерс, что задержится. Затем позвонил Доналду Маккею и велел тому немедленно прийти к нему в кабинет. Генри подумал, что, вероятно, придется надавить, чтобы узнать правду.

Доналд не ожидал ничего хорошего. Генри выглядел решительно. Он не предложил Доналду сесть и лишь резко бросил:

— Ну, мистер Маккей? Что происходит между вами и Вероникой?

Доналд густо покраснел и ответил:

— Не уверен, что до конца понимаю вас, сэр.

— Как же, как же. Где она сейчас?

— Не знаю... Она разве не дома?

— Она пропала, — сказал Генри, — и дело может оказаться очень серьезным. Если вы знаете, где она сейчас или хотя бы где провела выходные, скажите немедленно.

— Пропала? — Доналд, казалось, был совершенно ошарашен новостью.

— Когда вы в последний раз ее видели?

— В среду вечером. На следующий день после... знаете чего. Мы вместе ужинали.

— Не лгите мне. Она сама сказала мне, что идет с вами в кино в пятницу вечером.

Доналд снова мучительно покраснел.

— Да. То есть нет. Мы собирались пойти в кино, но мне пришлось все отменить. Моя мать неожиданно заболела... Отец позвонил мне в обеденный перерыв, и я пораньше ушел с работы и поехал прямо к ним. Вернулся только вчера вечером. Ей лучше... матери, я имею в виду.

— Вероника сказала вам, где собирается провести выходные?

— Нет. Я ее не видел. Я позвонил сказать, что не могу никуда с ней пойти вечером, и все.

— Где живут ваши родители, мистер Маккей?

— В Эссексе.

— Могу я узнать их адрес и телефон?

Доналд запаниковал, но тут же взял себя в руки и ответил несколько более решительно, чем прежде:

— Разумеется, если вы настаиваете, сэр, но мне кажется, все это наше с ней личное дело. И не имеет никакого отношения к убийству Хелен.

— Это может иметь отношение к убийству Вероники, если мы не примем необходимых мер, — мрачно произнес Генри.

— Господи, вы же не серьезно?

— Серьезно, — ответил Генри. — Ну же, телефон и адрес ваших родителей.

— Ферма Рэббит-Энд, Хоктон, Эссекс. Номер — Хоктон-18. Их фамилия, как ни странно, Маккей.

— Подождите тут, — сказал Генри, — я сейчас им позвоню. И если выяснится, что вы солгали...

— Я сказал правду!

— Посмотрим, — проговорил Генри, снимая трубку.

Ему ответил мужчина с приятным хриловатым голосом с заметным шотландским акцентом:

— Маккей слушает.

— Говорит инспектор Тиббет из Скотленд-Ярда. Мистер Маккей, когда вы в последний раз видели своего сына Доналда?

— Доналда? Парень не влип в неприятности? Он рассказывал нам об этом убийстве...

— Нет, с ним все в порядке, не беспокойтесь. Я просто хочу знать, когда вы в последний раз его видели.

— Ну, он был тут до вчерашнего вечера. Уехал только в пятнадцать минут девятого. Мы не думали, что он приедет, но жене стало плохо в пятницу... у нее проблемы с сердцем, у бедняжки. Он приехал часам к пяти и пробыл тут все выходные. Рад сказать, что ей лучше. С сердцем никогда нельзя понять, сколько все продлится. Иногда приступ проходит через пару часов, а иногда несколько недель нельзя вставать.

— Понимаю. Большое спасибо, мистер Маккей. Я просто хотел проверить. Да, с ним все в порядке. Он здесь... да, я передам... До свидания. — Генри положил трубку и широко улыбнулся Доналду: — Прошу прощения. Вы действительно сказали правду. Ваш отец велел передать вам, что вы забыли зубную щетку. Он говорит, чтобы вы не покупали новую, он отправит вам ту.

Доналду явно стало легче. Он тоже улыбнулся:

— Ну что ж, я рад, что вы наконец мне поверили. Остается другой вопрос: где Вероника?

— Именно.

Генри пытался рассуждать здраво. В любом случае Вероника ему солгала и уехала по своей воле. Как бы ни была неприятна ему эта мысль, но она исключала возможность того, что ее похитили.

В этот момент телефон зазвонил снова.

— Инспектор Тиббет, — прозвучал знакомый бархатный голос, — это опять Нэнси. Можете прекратить охоту на Веронику.

— Правда? Почему?

— Потому что я знаю, где она. И когда вы сказали, что можете пустить по ее следу полицию...

— Да-да, я понял. Где она? — Генри начал терять терпение. Ему нравилась Нэнси, судя по тому, что он о ней знал, но она могла быть чудовищно медлительной, когда речь шла о чем-то важном.

— Она в гостинице «Белый олень» в Порчестере.

— Порчестер? В Нью-Форесте? Почему ты раньше мне этого не сказала?

— Ну... — Нэнси замялась, — понимаете, она там не одна.

— Правда? — переспросил Генри тоном, не предвещающим ничего хорошего. Теперь ему предстоял разговор с матерью Вероники, и эта перспектива его не радовала. — И с кем же она?

— С Доналдом Маккеем.

— Но... — Генри лишился дара речи. — Откуда ты узнала?

— Ну, — произнесла Нэнси, — мне это было известно с самого начала. Я не представляла, что ответить, когда вы позвонили, так что связалась с Бет — понимаете, она тоже все знала и сомневалась, стоит ли вам говорить, и в конце концов мы решили, что лучше будет вам все рассказать. Бет говорит, что вы такой милый, что поймете ее.

— Я понимаю все меньше и меньше, — сказал Генри. — К примеру, я не понимаю, каким образом Доналд Маккей одновременно умудрился оказаться в гостинице «Белый олень» в Порчестере и на ферме своих родителей в Эссексе.

Доналд, занятый изучением носков своих ботинок, удивленно поднял глаза и начал что-то говорить. Генри нетерпеливым жестом заставил его замолчать.

Нэнси ответила:

— О, это просто, я могу объяснить.

— Можешь? Интересно бы послушать.

— Ну, понимаете, — начала Нэнси, — она получила телеграмму...

— Какую телеграмму?

— Давайте лучше с самого начала. Вечером в пятницу я была на вечеринке, а когда вернулась домой, то застала Ронни в очень подавленном настроении. Она сказала, что они с Доналдом хотели поехать на выходные в Порчестер, но он позвонил и заявил, что все отменяется, поскольку его мать заболела и он вынужден ехать в Эссекс. Однако в субботу рано утром пришла телеграмма. Думаю, она все еще в комнате у Ронни. Хотите, я вам ее прочитаю?

— Да, пожалуйста, — ответил Генри. Зажав динамик рукой, он обратился к Доналду: — Стыдитесь, молодой человек. Через пару минут нам с вами предстоит серьезный разговор.

— Вы слушаете? Я ее нашла. — До Генри донеслось шуршание бумаги, когда Нэнси вынимала телеграмму из конверта. — «Маме лучше могу уехать в субботу встретить меня на Ватерлоо поезд Порчестер одиннадцать восемнадцать люблю целую Доналд».

— Когда ее отправили? — спросил Генри.

— Сейчас посмотрю. — Она на секунду умолкла. — Странно...

— Что?

— Ее отправили в четырнадцать минут девятого, в пятницу вечером. Из Лондона.

— Нэнси, — произнес Генри, — будь хорошей девочкой, возьми такси и привези мне эту телеграмму в редакцию «Стиля».

— Но я сижу в чем мать родила.

— Тогда надень что-нибудь. И постарайся побыстрее. Это может оказаться серьезным. — Генри на секунду задумался и добавил: — И все-таки ты не объяснила, почему Вероника до сих пор не вернулась.

— Ну, я думаю, они решили задержаться. Полагаю, они там хорошо проводят время.

— Доналд в редакции, — сообщил ей Генри.

— Правда? Господи. Тогда где же Ронни?

— Если бы я знал, — сказал Генри, — то был бы просто счастлив. Жду тебя через пятнадцать минут. — Он положил трубку и повернулся к Доналду. — Не буду сейчас говорить вам, что я о вас думаю, — начал он. — Это подождет. Пока ответьте мне, вы послали Веронике телеграмму в пятницу вечером?

— Нет, разумеется, нет.

— Кто еще знал, что ваша мать заболела?

— Думаю, все в редакции. Отец позвонил мне на работу, и я спросил у мистера Уолша, могу ли уйти пораньше, чтобы успеть на поезд в четыре сорок с Ливерпуль-стрит. Он сказал, чтобы я спросил у мисс Френч, и я отправился к ней. А потом я пошел в отдел моды отнести им макеты и заговорил об этом и там. Бет не было, но остальные меня точно слышали.

— А многие ли, — продолжил допрос Генри, — знали о вашем первоначальном плане отправиться на выходные в Порчестер с Вероникой?

Доналд вновь покраснел.

— Это не то, что вы думаете, сэр, — пробормотал он, — мне очень нравится Ронни. Я ее уважаю и...

— Я сейчас не об этом, пока не об этом, — оборвал его Генри. — Меня интересует, сколько сотрудников знали об этом плане, если не считать Нэнси Блейк и Бет Конноли.

— Боюсь, большая часть редакции.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... вы же знаете Ронни. И она целый день только и говорила о наших планах.

— Понимаю, — мрачно ответил Генри, — таким образом, все в редакции, за исключением меня, знали, что вы с Вероникой собираетесь провести то, что в пору моей молодости называли грязным уик-эндом?

— Да... то есть нет. — Доналд несколько осмелел. — Не обижайтесь, сэр, но вы ужасно старомодны.

— В данном случае я этого не стыжусь.

— Нет, сэр, вы не поняли. Я имею в виду, что сейчас многие ездят куда-нибудь вместе, но не спят друг с другом. И то, что вы заподозрили... ну, я могу сказать только, что во времена вашей молодости нравы были весьма вольными. Честно говоря, я несколько шокирован.

— Вы шокированы? — Второй раз за последние несколько минут Генри утратил дар речи. Кроме того, у него появилось чувство, что на этот раз Доналд говорит правду, даже если обо всем остальном он солгал. — Ну ладно. Этот момент подождет. Суть в том, что вы никуда не поехали вместе, если только ваш отец не солгал мне, в чем я сомневаюсь. Вы оставались в Эссексе, в то время как Веронику выманили из дома фальшивой телеграммой, отправленной кем-то, кто знал о ваших планах, то есть кем-то из редакции. Можете идти, но не покидайте здания, вы можете мне понадобиться.

Когда Доналд вышел, Генри погрузился в бурную деятельность, позволившую ему немного отвлечься. Во всяком случае, теперь ему не казалось, будто он попал в кошмарный сон. Сначала он сообщил известие Эмми и велел бежать в Скотленд-Ярд с фотографиями Вероники. Потом связался со Скотленд-Ярдом и принял меры к тому, чтобы описание его племянницы немедленно было передано всем постам, а дело рассматривалось как срочное. Он объявил в розыск таксиста, который забрал Веронику на Виктория-Гроув, и отправил детективов расспросить персонал вокзала Ватерлоо. Нэнси привезла телеграмму, бумага тут же попала в обработку в отделе уголовного розыска. Начались поиски оператора, который ее принял.

Ни на что не надеясь, Генри связался с гостиницей в Порчестере. Ему сказали, что мистер Маккей действительно забронировал двухместный номер на субботу, но в пятницу после обеда позвонил и попросил отменить бронь. Никто с таким именем в гостинице не появлялся, как и никто, отвечающий описанию Вероники.

Почувствовав, что в отношении исчезновения Вероники сделал все, что мог, Генри вернулся к отложенному разговору с Терезой Мэннерс.

Тереза сидела за рабочим столом и выглядела так же сногшибательно и имела такой же отсутствующий вид, как обычно. Когда Генри зашел в кабинет, темноволосая девушка, которую он

раньше не встречал, стояла у вешалки с одеждой и демонстрировала Терезе платья одно за другим. Несмотря на неземной вид мисс Мэннерс, ее комментарии были очень точными.

— Да... очень хорошо. Мне нравится. Но придется заменить пуговицы. Нужны простые, из серого перламутра... Нет. Ужасно. Уберите. Это цвет прошлого сезона, и я больше не потерплю плиссированных юбок... Входите, инспектор, я скоро закончу. Ну-у да. Пожалуй... Костюм хорош, но блузка — кошмар. Достаньте простую кремовую блузу с воротником-стойкой и золотыми запонками... Господи, а это еще что за ужас?

Она подняла красивые выщипанные брови при виде ярко-зеленого хлопкового платья.

— Это от «Барримода», мисс Мэннерс, — ответила девушка, — мне оно нравится ничуть не больше, чем вам, но нам надо поместить в номере хоть что-то, вы же понимаете. Это лучшее из худшего, поверьте. Вы бы видели остальные.

— Чем скорее Барри выпустит линейку, сделанную Николасом Найтом, тем проще всем будет жить, — с чувством произнесла Тереза. Она с отвращением разглядывала платье. — А других цветов у него нет?

— Планируется выпустить его в голубом, розовом и желтом, — пояснила девушка, — но пока это единственный образец.

— Голубой, розовый и желтый... Боже мой... — в отчаянии прошептала Тереза, изучая платье из-под опущенных век с тем же сосредоточенным выражением, которое Генри уже видел на лице Бет Конноли. Наконец она сказала: — Передайте ему, что, если он представит платье черного цвета, мы напечатаем снимок. Ни в каком другом случае. Черное с золочеными гербовыми пуговицами. И пусть он оторвет этот чудовищный карман. Элегантной эта вещь никогда не станет, но так на нее хоть можно будет смотреть.

— Ему это не понравится, мисс Мэннерс, — мрачно заметила девушка.

— Знаю, — ответила Тереза, — но вам придется надавить на него. Если он не послушает вас, пусть Бет поговорит с ним, он у нее из рук ест. Но зарубите себе на носу: зеленое в журнал не пойдет. Только через мой труп.

— Поняла, мисс Мэннерс. Это все. Я позвоню мистеру Барри прямо сейчас.

Толкая вешалку перед собой, девушка скрылась в вавилонском столпотворении отдела моды.

— Одна из моих девочек, — пояснила Тереза с гордостью. — Она была секретарем, но я сейчас пытаюсь сделать из нее редактора раздела. У нее хорошо получится. А теперь, инспектор, чем я могу вам помочь?

Генри сел, прикурил сигарету и поинтересовался:

— Ну, мисс Мэннерс, что стало с тем маленьким гостинцем, который Хелен Пэнкгерст попросила вас привезти из Парижа?

Тереза не ожидала вопроса.

— Господи, — сказала она, — я совершенно о нем забыла. Видите, какая я рассеянная. Вы знаете, что это было?

— Да, — ответил Генри и пояснил свой ответ.

Тереза кивнула.

— Мне и правда жаль, что я об этом забыла. Но это ведь не может оказаться чем-то важным, правда? Такая маленькая глупая безделица...

— Возможно, — произнес Генри, — что она стоила Хелен жизни. Если все было так, как я думаю. Где она сейчас?

— В моем... О Господи, нет, ее там нет. Как странно. Я уверена, что положила ее в чемодан, но теперь вспоминаю, что, когда разбирала вещи в среду, ее там не было. Если бы она там была, я бы вам раньше сказала.

— Ее там не было, — сказал Генри, — потому что кто-то ее забрал.

— О нет, не может быть! Я, наверное, оставила ее в «Крийоне». Вы же знаете, какая я разиня. «Не во всем», — подумал Генри. Вслух же он произнес:

— Полагаю, ваш чемодан не был заперт.

— Конечно, я никогда его не запираю.

— Так я и думал. И он стоял в фотолаборатории весь вечер и всю ночь.

— Да. Но это просто невероятно. Вы хотите сказать, что кто-то украл...

— Думаю, я могу утверждать более точно, — ответил Генри, — и я бы не назвал это воровством. Этим «кем-то» была Хелен.

— Хелен? Тогда где она сейчас?

— Думаю, ее больше не существует, — произнес Генри. — В любом случае я просто хотел проверить свои догадки. А теперь расскажите мне, что за загадочные слухи распространяются вокруг Николаса Найта?

Тереза побледнела, и Генри заметил, что она стиснула кулаки.

— Слухи? Какие слухи? Не понимаю, о чем вы!

— Думаю, понимаете. Слухи о том, что он копирует парижские модели.

— А, вы об этом... — Тереза немного расслабилась. — Просто профессиональные сплетни, которые ходят среди тех, кто связан с тряпками. Вам это не интересно.

— Интересно.

— Ну, дело в том, что у Николаса поразительный талант воссоздавать парижские вещи, просто взглянув на фотографию модели. Он берет недешево, но это не идет ни в какое сравнение с тем, чтобы поехать к Диору или Монье за оригиналом. Так что многие женщины приходят к Николасу за тем, что он называет «парижскими моделями», которые стоят значительно дороже, чем его обычные коллекционные вещи. И делает он их не для всех, а только для избранных клиентов.

— Он держит это в тайне? — поинтересовался Генри.

Тереза улыбнулась:

— Он — нет, а вот его клиенты — да. Разумеется, они хотят, чтобы все думали, будто они купили оригинал в Париже, а не копию за полцены в Лондоне. Честно говоря, мы в «Стиле» только недавно об этом узнали. Когда впервые пошли разговоры, все утверждали, что копии Николаса настолько хороши, что, должно быть, сделаны с оригинальных туалей. Я думаю, все это чушь. Что Николас на самом деле делает, по моему мнению, так это незаконно добывает фотографии до официальной даты их публикации, но я бы не назвала это смертным грехом. В любом случае было несколько неприятных случаев, когда женщины, купившие парижский оригинал, оказывались лицом к лицу с клиентками Найта. Но до поры до времени все было спокойно, пока месяц назад герцогиня Бейсингстокская не пришла на благотворительный бал в точно таком же платье, что и Фелисити Фрейзер, актриса. На герцогине был оригинал, доставленный тем же утром от Монье на самолете. А платье Фелисити сшил Николас Найт.

— А почему именно эта встреча вызвала скандал? — поинтересовался Генри.

— Потому, — пояснила Тереза, — что герцогиня была в бешенстве. И злилась она не на Найта, а на Монье, заверившего ее в том, что платье — единственное в своем роде. Она пожаловалась ему, и он заверил ее в том, что платье никогда не выносили из салона и не фотографировали. Как только герцогиня выбрала платье, его убрали под замок.

— А как все объяснил сам Найт?

— Он говорил, что кто-то, побывавший на показе для прессы, описал ему платье, а крой он изучил по фотографиям похожих моделей.

— Такое возможно?

Тереза пожала плечами:

— Сомневаюсь.

— Существуют, конечно, — сказал Генри, — миниатюрные фотоаппараты, замаскированные под зажигалки и прочие подобные приспособления. Но это потребовало бы привлечь опытного фотографа. — Тереза поежилась, но промолчала. — Ну да ладно, — добавил Генри. — Думаю, правда так или иначе выяснится. Это лишь одна нить в сложном узоре. Кстати, вы не помните, в каком номере останавливались в отеле «Крийон»? Я мог бы связаться с персоналом на случай, если вы действительно оставили у них ту маленькую вещицу.

— Я уверена, что... — задумчиво начала Тереза, но тут ее глаза вспыхнули. — Я знаю, кто помнит!

— И кто же?

— Вероника Спенс. Понимаете, в последний день у меня была масса работы, так что я попросила ее сходить и купить мне ее. Может, она у нее до сих пор.

— Я бы молил Бога, — произнес Генри, — чтобы это оказалось не так.

Он вышел из кабинета, предоставив Терезе самой догадываться о смысле его слов, и направился в художественный отдел. Доналд спокойно работал в углу, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания. Он вздрогнул, когда Генри вошел в кабинет, но тут же уткнулся носом в макет, которым занимался. Генри прошел мимо к столу у окна, за которым Патрик что-то рисовал в блокноте.

— Можете уделить мне несколько минут? — спросил он.

— Пожалуй, — пробурчал Патрик и откатил кресло от стола. — Пойдемте куда-нибудь выпьем. У меня тут начинает развиваться клаустрофобия.

— Хорошо, — согласился Генри. — Куда?

— Я знаю одну пивнушку поблизости, — сказал Патрик, немного повеселев, — никого из «Стиля» там не встретишь — слишком убогое местечко.

Паб оказался немного запущенным, но уютным и пустым. Генри и Патрик устроились на дубовой скамье. Патрик заказал виски, а Генри — томатный сок. Уолш посмотрел на него с некоторым беспокойством.

— От этого пошла один вред, — сказал он, — выпейте чего-нибудь покрепче.

— Не люблю пить на службе.

— Вы выглядите ужасно, так что пара стаканчиков вам бы не помешала, — грубовато заметил Патрик. — Что случилось?

— Вероника Спенс пропала.

— Эта симпатичная моделька? Странно. Где она?

— Если бы я знал, — ответил Генри, — то не говорил бы, что она пропала.

— А, ясно. — Патрик неожиданно усмехнулся. — Наверное, нашла себе какого-нибудь парня, чтобы утешиться после того, как Доналд отменил поездку.

— Вы об этом знали?

— Да, думаю, все знали. Она не переставая болтала об этом всю пятницу.

— Маленькая бестолочь, — мрачно проговорил Генри.

— Так вы об этом хотели поговорить?

— Нет, но именно поэтому я выгляжу так, будто мне нужно выпить.

— Так зачем вам потребовался я?

— Почему вы не сказали мне, — произнес Генри, — что вы с Хелен знали о копировании парижских моделей?

Патрик весьма удивился, этого он не ожидал.

— Как вы об этом узнали? — запальчиво спросил он.

— Я детектив, — ответил Генри. — За это мне и платят, — добавил он, вспомнив слова Майкла.

— Ну, для начала, — процедил Патрик, — я не сказал вам, потому что сам ничего об этом не знаю.

— Что вы имеете в виду?

— Хелен попросила достать для нее кое-что и провести кое-какие эксперименты. Я не знал, зачем ей это понадобилось. Только потом догадался, как это могло быть использовано... Но, естественно, молчал об этом.

— Почему?

— Неужели я буду бросать тень подозрения на мою милую девочку после ее смерти? Разумеется, нет. И, кроме того... знаете, это все придумала не Хелен. Она работала на кое-кого другого.

— И на кого же?

— На Икса, — ответил Патрик.

Вернувшись в редакцию, Генри обнаружил на столе записку с просьбой перезвонить в Скотленд-Ярд. Он послал за сэндвичем и набрал номер.

Выяснилось, что поиски уже дали результаты. Телеграмму отправили с почтового отделения на вокзале Черинг-Кросс — одного из немногих в Лондоне, открытых допоздна. Служащий, который ее принял, не сомневался в одном — отправила ее женщина. Нет, он бы не смог ее узнать и даже пояснил это, сказав, что женщина выглядела очень странно: была закутана в плащ, лицо скрывал шарф, а шляпа была надвинута до самых глаз. Говорила она шепотом. Свой

странный вид она объяснила сильной простудой. На вопрос, не мог ли это быть переодетый мужчина, служащий уверенно заявил, что нет. Невозможно, сказал он. У нее были красивые руки, с длинными, покрытыми красным лаком ногтями, и еще кое-что он успел рассмотреть, когда она направилась к выходу, — ее ноги, они были поразительно хороши. Кроме того, она была обута в остроносые туфли на шпильке. Нельзя научиться ходить в таких, если это не прирожденный талант. Это никак не мог быть мужчина.

Таксиста тоже нашли, и тот подтвердил, что забрал Веронику на Виктория-Гроув и высадил у вокзала Ватерлоо. Разумеется, он ее запомнил. Неужели можно не запомнить такую красивую девушку в таком ярком красном пальто и с необычной коричневой помадой на губах? Она казалась очень веселой и возбужденно болтала всю дорогу. Говорила, что ее помада — это последний писк парижской моды. А еще сказала, что едет в Порчестер, чтобы провести выходные с молодым человеком. Водитель видел, как она зашла в вокзал и направилась к поездам.

Однако человек, проверявший билеты на платформе, был убежден, что Вероника не садилась в поезд на Порчестер. Да, конечно, там было много народу, но такую красивую девушку он бы заметил. Кроме того, судя по показаниям таксиста, она приехала на станцию к одиннадцати, когда проход только открыли, на платформе было почти пусто. Служащие станции в Порчестере еще более уверенно утверждали, что с лондонского поезда никто не сходил. Станция там крошечная, и Веронике точно не удалось бы пройти незамеченной. Казалось, что между входом в здание вокзала и десятой платформой Вероника Спенс растворилась в воздухе.

Помимо этого Генри ждала еще одна новость. Графологи провели экспертизу письма Хелен и единодушно пришли к мнению, что и само письмо и загадочный второй листок были написаны одним и тем же человеком.

Глава 13

К вечеру того же дня девяносто девять процентов населения Великобритании были в курсе, что Вероника Спенс пропала. Генри решил, что радио, газеты и телевидение — единственная надежда быстро найти девушку. И в то же время он боялся, что может быть уже слишком поздно. Девушка пропала в субботу, а тревогу забили только в понедельник. Только одно позволяло ему на что-то надеяться. Хотя он знал, что убийцы имеют склонность повторяться, но полагал, что Вероника скорее всего не была отравлена. Сложная схема ее исчезновения намекала скорее на похищение, чем на убийство. Тем не менее Генри не забывал, что имеет дело с очень умными людьми.

Вечер понедельника он провел в Скотленд-Ярде, у телефона. Эмми взяла на себя обязанность возиться с безутешными родителями Вероники, которые, приехав из Девона, сразу столкнулись лицом к лицу с армией репортеров и фотографов. Эмми при помощи нескольких дюжих полицейских сумела без эксцессов усадить их в такси. И теперь, добравшись до дома, они сидели в печальной и напряженной атмосфере, в которой витали невысказанные взаимные обвинения и плохо скрытое отчаяние. К счастью, ни Джейн, ни Биллу не приходило в голову подойти к Эмми со словами: «Если бы ты не поддержала ее желание стать моделью, этого бы не случилось!» Но самой Эмми, несчастной и погруженной в пучину самобичевания, казалось, что даже стены смотрят на нее с упреком. Ей так и хотелось закричать: «Ну же, давайте! Скажите, и покончим с этим! Говорите!» Это был тяжелый вечер.

В Скотленд-Ярд тем временем поступали новости. Фотографии в вечерних газетах и на телевидении собрали обычный урожай звонков от психов, эксгибиционистов и искренне заблуждающихся людей, причем всем их словам следовало уделить внимание. Среди них были такие персонажи, как неуравновешенный парень-битник из Клэпхема, который заявил, что Вероника его бывшая девушка и он лично перерезал ей горло складным ножом. Или степенная ткачиха из Оксфорда, утверждавшая, что видела Веронику в буфете второго класса на вокзале

Ватерлоо, и та поведала ей, что опасается за свою жизнь, поскольку за ней охотятся шпионы из Москвы. К сожалению, дама ошиблась, услышав «грязное» вместо «красное», и, когда она начала рассказывать, как удивилась, увидев такую красивую девушку в таком грязном пальто, с ней пришлось распрощаться. Еще нельзя не упомянуть близорукого, но весьма милого пожилого джентльмена, который настаивал, что сидел напротив Вероники в метро на... где же... на линии Дистрикт? Или это было на Центральной? В любом случае он думал, что это было в метро. Когда от него потребовали деталей, он был вынужден признать, что юная леди была одета в темно-синий костюм... или темно-зеленый?.. меховую шапку и очки в роговой оправе. Но она была очень хорошенькая и, он уверен, в руках держала красный чемоданчик. Он продолжал что-то бормотать, пока добрый полицейский выводил его на улицу.

Первые по-настоящему интересные сведения пришли в виде телефонного звонка около семи часов. Звонила миссис Траут из Сурбитона. Эта почтенная дама не казалась ни странной, ни истеричной, и она была совершенно уверена, что видела Вернику в женском туалете на вокзале Ватерлоо в начале двенадцатого в субботу утром.

— Я запомнила время, потому что собиралась на поезд в 11.12, ехала домой после визита к окулисту и раздумывала, есть ли у меня время на то, чтобы... м-м... напудрить нос. Я заметила ее, потому что она выглядела очень эффектно даже со своей странной новомодной помадой и на ней было ярко-красное пальто. Я уверена, это была она. Мы воспользовались соседними... м-м... удобствами. Когда я вышла, ее не было видно. Дверь ее... То есть соседняя с моей... была все еще закрыта, так что я думаю, она все еще оставалась там. Мне надо было спешить на поезд, и больше я ее не видела.

— Вы не заметили еще что-нибудь, миссис Траут? — спросил Генри. — Что-то, способное помочь нам...

— Ну, она показалась мне оживленной. Румянец на щеках. Я сказала себе: «Эта девушка собирается встретиться с молодым человеком».

— Больше ничего?

— Нет, ничего. Очень надеюсь, что вы найдете ее, инспектор. Такая красивая девушка.

После звонка миссис Траут Генри отправил детектива поговорить с кассиром женского туалета — миссис О'Рейли, которую он нашел не на службе, а перед камином в уютной однокомнатной квартире на Ватерлоо-роуд. Она раскладывала пасьянс, потягивала «Гиннесс» и сердечно приветствовала детектива.

Выяснилось, что миссис О'Рейли волей случая относится к тому проценту британцев, которые не купили вечернюю газету, не включили радио и не имеют телевизора. Таким образом, шумиха вокруг Вероники ее не коснулась. Она, по-птичьи поблескивая ясными карими глазами из-под копны седых волос, сразу подтвердила слова миссис Траут:

— Да, я тоже видела юную леди. Это та, в красном пальто, если вы о ней. Но не спрашивайте меня, когда это было, я не помню. Где-то утром — вот все, что я знаю. Я взяла у нее пенни и пропустила ее внутрь, как всех леди, и дала ей чем протереть сиденье — никогда не знаешь, что тебя ждет, верно? У нее был с собой чемоданчик, это я помню, и она была красивая как картинка. Я подумала, что это какая-то модель или кинозвезда.

— Вы видели, как она вышла?

— Нет, странно, правда, но я не видела. Разумеется, у меня было полно работы, в субботу утром многие устают ходить по магазинам и им не терпится освободиться от пакетов. Наверное, она вышла, пока я обслуживала другую леди. Я всех впускаю, а за выходом не очень слежу. Не желаете бутылочку «Гиннеса»?

Кроме этого, миссис О'Рейли мало что могла сообщить. Еще она вспомнила, что Вероника воспользовалась последней кабинкой слева. Туалет тут же оцепила полиция, что причинило изрядные неудобства женской части пассажиров, и Генри сам пошел осматривать место, где его племянницу видели в последний раз. Впрочем, он не надеялся найти там что-то интересное.

В кабинке, которой воспользовалась Вероника, не было ничего особенно примечательного. В корзине для мусора обнаружился стандартный набор использованных салфеток для лица, кусочков ваты и оберток от шоколада. Все это, однако, полицейские тщательно извлекли из корзины и осмотрели. Неожиданно Генри воскликнул:

— Это салфетка Вероники!

Сержант посмотрел на него с почтительным удивлением, будто он только что совершил что-то из ряда вон выходящее.

— Как вы это поняли, сэр?

Генри поднял грязную салфетку. Она была обильно вымазана той самой коричневой помадой, которую Генри видел на Веронике в редакции «Стиля». Там же виднелись более темные коричневые полосы и следы чего-то зеленого.

— Не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, — пояснил Генри, — но не думаю, что этот оттенок помады уже продается в Англии. Было бы очень странным совпадением, если бы другая девушка привезла такую же помаду из Парижа и воспользовалась той же кабинкой.

— Похоже, она тут поправляла макияж, — произнес сержант, — не то чтобы нам это сильно помогло. Прежде всего нас интересует, что она сделала потом.

— Разумеется, — отозвался Генри задумчиво.

След, казалось, обрывался здесь и уже успел изрядно остыть. Что случилось с Вероникой на этих нескольких ярдах, отделявших женский туалет от десятой платформы? Наиболее вероятное объяснение — она встретила кого-то знакомого, знавшего, что она будет здесь. Этот человек сказал ей что-то, заставившее ее изменить свои планы и отказаться от поездки в Порчестер. Поскольку Вероника ожидала увидеть на платформе Доналда, вероятно, этот неустановленный человек предложил подвезти ее до Хэмпшира, утверждая, что Доналд уже ждет в машине. Это, по мнению Генри, было самым очевидным объяснением. Две другие возможности вызывали у него еще более серьезные сомнения.

Вернувшись в Скотленд-Ярд, Генри вновь просмотрел записи, сделанные за день. Сейчас требовалось во что бы то ни стало выяснить, где в одиннадцать утра в субботу были все, кто знал о планах Вероники и Доналда. Он составил два списка — тех, у кого было алиби, и тех, у кого оно отсутствовало.

Доналд Маккей возглавлял список людей, о чьих передвижениях существовало удовлетворительное свидетельство. Несмотря на то что Генри не сомневался в словах отца Доналда, он все же обратился к местной полиции с просьбой проверить. Доналда хорошо знали в деревне, и хозяева местных магазинчиков, и служащие станции подтвердили, что он приехал вечером в пятницу и пробыл до воскресенья. Утром в субботу, по словам его отца, Доналд встал рано, отправился на долгую прогулку, но в пятнадцать минут первого уже играл в дарты в местном пабе.

За Доналдом последовала Бет Конноли, которая с половины десятого до полудня была у парикмахера и сразу оттуда направилась обедать с подружкой.

Тереза и Майкл обеспечивали алиби друг другу. По их словам, они были дома. Майкл валялся в постели до обеда. Он чувствовал себя нехорошо и с ужасом ожидал похорон Хелен. Тереза возилась дома, составляя букеты и отвечая на письма. Они сказали, что горничная может это подтвердить. Разумеется, она не могла. Да, разумеется, она думала, что Майкл с Терезой все утро были дома, но не была в этом уверена. Майкл велел его не беспокоить, и она всего лишь отнесла ему завтрак в девять. Только в половине первого, когда он позвонил и велел принести ему виски с содовой, она вновь его увидела. К этому моменту, признала горничная, он успел встать и одеться. Генри поставил на полях против имен супругов вопросительный знак.

Последние два имени, казалось, говорили сами за себя. Николас Найт и Хорас Барри. Генри включил их в список, поскольку помнил, что Вероника и Барри были в пятницу в ателье Найта, и, разумеется, Найт и Барри тут же подтвердили, что были в курсе ее планов насчет выходных в Порчестере. С такой же готовностью они заявили, что не знают ничего ни о Доналде Маккее, ни о его матери, но Генри решил их все-таки проверить. Как выяснилось, Николас с десяти утра до пяти вечера работал в своем ателье и посылал за сэндвичем, чтобы пообедать. Хорас Барри с вечера пятницы отдыхал с друзьями в Брайтоне.

Второй список открывала Рейчел Филд, которая, по ее словам, провела утро, закупая необходимое для выходных на Хай-стрит в Кенсингтоне. Все магазины, которые она могла припомнить, оказались большими супермаркетами, и Генри, понимая, какие толпы бывают там по утрам в субботу, не удивился, что никто из служащих ее не вспомнил. Это ничего не доказывало — в отличие от Вероники Рейчел Филд не привлекала к себе внимания.

Следующим шел Патрик. По его словам, он был дома, работал над картиной. Кроме почтальона, принесшего посылку около половины десятого, он ни с кем не виделся. Рассказ Марджери Френч был также ничем не подкреплен. Она сообщила Генри, что взяла на дом много работы и провела утро за написанием статьи. Впрочем, в ее рассказе была одна занятная деталь: она упомянула, что несколько раз пыталась дозвониться до Патрика, желая встретиться с ним заранее, чтобы вместе пойти на похороны Хелен, но линия все время была занята. В конце концов она связалась с оператором, который проверил линию и пришел к выводу, что трубка была с телефона снята. Марджери все же удалось связаться с Патриком в половине второго. Когда Генри потребовал объяснения, Патрик ответил, что часто снимает трубку с аппарата, когда работает и не хочет, чтобы его беспокоили. Объяснение выглядело совершенно разумным, но все же оставляло пространство для сомнений.

Олвен Пайпер также предоставила в высшей степени неудовлетворительные сведения. По ее словам, она начала день с упаковки вещей Хелен, но это печальное занятие вкупе с мыслью о предстоящих после обеда похоронах настолько ее измучило, что она прибегла к своему излюбленному средству успокоения — ходьбе без какой-либо цели. Кроме того, она поняла, что не вынесет похорон... Она вышла из дома примерно в половине одиннадцатого и отправилась гулять. Нет, она не может сказать куда... просто по улице. Она была слишком расстроена, чтобы что-то замечать. В три часа Олвен неожиданно поняла, что проголодалась. Оказалось, она забрела в Килберн. Она зашла в кафе, съела яичницу с жареной картошкой и вернулась домой на метро. По счастью, Генри сумел определить кафе по данному ею описанию, а владелец вспомнил ее. Это опять-таки ничего не доказывало. Миссис Седж, убиравшая в квартире, подтвердила, что Олвен ушла в половине одиннадцатого, и ее еще не было, когда миссис Седж отправилась домой около полудня.

Последним в списке людей без алиби стоял Годфри Горинг. Несмотря на его категорическое отрицание самого факта знакомства с Вероникой Спенс, Генри вспомнил, что в пятницу Горинг был в редакции, а следовательно, его тоже нужно проверить. Он заявил, что утро субботы провел на работе. Кроме него, никого в здании не было. Тем не менее обедал он, как обычно, в «Оранжерее», и этому нашлось подтверждение. Однако имела место одна нестыковка. Швейцар «Оранжереи» утверждал, что Горинг не перешел улицу от редакции, как всегда, а подъехал на своем «бентли». Горинг объяснил, что сначала оставил машину на платной парковке, но решил потом перегнать ее к «Оранжерее», чтобы припарковать в другом месте.

Генри внимательно просмотрел оба списка. Затем он поставил маленькие крестики рядом с именами Патрика, Марджери и Горинга — все они имели машины.

Закончив с этим, он задумался о Веронике, о том, что она сказала, и об испачканной салфетке, о сотрудниках «Стиля», о пропавшем ключе, о Николасе Найте и Хорасе Барри, а также о предмете, привезенном из Парижа Терезой. И в первую очередь он подумал о Доналде Маккее.

Без пятнадцати десять Генри позвонил Доналду и получил от квартирной хозяйки ответ, что мистера Маккея нет с шести часов и она не может сказать, где он и когда вернется. Генри надел плащ и доехал до Пикадилли, откуда пешком направился на Эрл-стрит.

Шел сильный дождь, и ветер на узкой улице крутил в воздухе клочки мокрой бумаги. В здании редакции не светилось ни одно окно, и само здание, по всей видимости, было пустым. Только из окон «Оранжереи» струился теплый свет. Швейцар разумно решил укрыться в здании и выходил, только когда подъезжало такси с посетителями. Единственным человеком на всей улице был продавец роз, несший свою одинокую вахту на тротуаре. Из ателье Николаса Найта двумя этажами выше лился свет сквозь незанавешенное окно на омытую дождем улицу.

Генри подошел к торговцу.

— Сколько за полдюжины? — спросил он.

Чтобы защититься от холода, торговец в натянутой на глаза клетчатой кепке застегнул старый плащ и поднял воротник чуть ли не до носа.

— Десятку, начальник, — хрипло ответил он.

— Думаю, нам пора поговорить, мистер Маккей, — произнес Генри.

И тут торговец молниеносно схватил свою корзину и швырнул ее ему в лицо. Когда Генри пришел в себя, никого уже не было видно. Он побежал к телефонной будке за зданием редакции и набрал номер Скотленд-Ярда.

— Нет, — сказал он, — я не хочу, чтобы его арестовывали, пусть за ним просто проследят. И еще свяжитесь с полицией Эссекса и велите им поискать...

Вернувшись в Челси, Генри увидел, что Эмми сидит в одиночестве перед камином. Она была в ужасном состоянии. Эмми сумела убедить сестру и ее мужа лечь спать и теперь пила виски, все больше мрачней. Если бы только она не поддержала идею Вероники приехать в Лондон... Если бы она лучше за ней присматривала... Если бы... Если бы... Она испытала невероятное облегчение, когда услышала, как Генри поворачивает ключ в замке.

Он смог немного ее утешить.

— Думаю, есть реальный шанс, что Ронни еще жива, — сказал он. — Не хочу давать тебе ложных надежд, но считаю, что сейчас ее в некотором роде оставили «на потом». Если я сумею правильно разыграть свои карты завтра...

— Не пытайся смягчить удар, Генри, — резко возразила Эмми. — Лично я думаю, что она мертва с самой субботы. В случае Хелен убийца не сомневался.

— Вероника — это другое дело, Эмми.

— Генри, объяснись...

— Не могу. Я правда не могу сейчас, дорогая. Мне надо лечь. Мне предстоит многое сделать завтра до половины третьего.

— А что будет в половине третьего?

— Показ Николаса Найта. У меня есть приглашение.

Эмми лишилась дара речи.

— Ты хочешь сказать, что будешь смотреть показ мод, когда Вероника?..

— Полагаю, — произнес Генри, — что это будет весьма необычный показ.

Глава 14

На следующее утро Генри сразу же направился в Скотленд-Ярд. Он сделал множество телефонных звонков. Кроме того, он дал инструкции своим подчиненным и направил человека в штатском в Сомерсет-Хаус. К его радости, экспресс-почта успела доставить из Парижа небольшую посылку, которую он положил в карман плаща. Затем Генри отправился на Уимпол-стрит, где провел короткую дружескую беседу с сэром Джеймсом Брейтуэйтом.

Затем он пришел в редакцию «Стиля», где поговорил с Марджери Френч и попросил ее кое-что устроить.

— Это несколько необычно, инспектор, но я могу это сделать, — произнесла она со своими обычными, выдававшими высокий профессионализм интонациями. Генри тем не менее подумал, что темные круги под ее глазами сегодня еще более заметны, чем обычно, несмотря на макияж. Оказалось, ему — как и многим из ее коллег — приходилось напоминать себе, что эта женщина больна и готовится оставить работу по настоянию врача.

Затем Генри отправился побеседовать с Майклом Хили. Не самый приятный разговор, но он был необходим. Затем Генри пришлось выдержать долгую и мучительную беседу с Терезой. Она была очевидно расстроена, но Генри понял, что, как он и догадывался, его слова не оказались для нее полным сюрпризом. Он утешил Терезу как мог и наконец пошел в отдел моды забрать у Бет Конноли приглашение на тисненой бумаге, согласно которому «Главный инспектор Тиббет» приглашался на «Показ весенней коллекции Николаса Найта для представителей прессы». Затем, чтобы хоть как-то обрести равновесие, он выпил чашку кофе в одном из множества итальянских кафе поблизости, где завел приятный разговор с блондинкой за соседним столиком. В Скотленд-Ярд Генри вернулся в более приятном расположении духа.

Он был рад узнать, что результаты поисков в Сомерсет-Хаусе оказались именно такими, как он и предсказывал, хоть это и было допущение, основанное на весьма шатких уликах. Утвердившись

во мнении, что правильно раскрыл дело, он ждал показа с почти приятным оживлением. Как раз в этот момент звонили из полиции Эссекса — Генри срочно позвали к телефону.

К тому времени когда Генри добрался до салона Николаса Найта, команда «Стиля» уже собралась, хотя до начала показа оставалось еще немало времени. Журналисты и фотографы из других изданий тоже расположились на крошечных неудобных стульях или стояли небольшими группками, обсуждая последние сплетни, но сотрудники «Стиля» составляли большинство. Они собрались тесной труппой, готовой отразить любую атаку, в дальнем конце черно-белого салона. Комната изменилась с тех пор, когда Генри был здесь в последний раз. Теперь вдоль трех стен стояли золоченые стулья, а центр помещения занимал задрапированный черным бархатом подиум, переходящий в небольшую сцену.

В честь события салон был обильно украшен огромными букетами мимозы, желтой и пушистой, как только что вылупившиеся по весне цыплята, — ее за большие деньги доставили самолетом с юга Франции. Эта идея, которая, вероятно, поначалу казалась Николасу блестящей, на деле оказалась неудачной, поскольку сухой, нагретый центральным отоплением воздух заставлял мимозу осыпать сидящих под ней людей облаками пыльцы, из-за которой пострадала не одна роскошная шляпа и не один костюм.

Генри поднялся по лестнице и остановился в дверях, изучая салон. В основном его интересовали сотрудники «Стиля». Они по большей части казались встревоженными и печальными. Да, атмосфера лихорадочного возбуждения, всегда сопутствующая модным показам для прессы, здесь была особенно накалена.

Как обычно, самой спокойной и собранной была Марджери Френч. Одетая в темно-красный костюм, который дополняла норковая шляпка, она поддерживала беседу с младшими сотрудниками отдела моды. Тереза, что неудивительно, выглядела совершенно разбитой и сидела в одиночестве, чуть поодаль от остальных. Генри заметил, что Бет подошла к ней и что-то сказала. Тереза улыбнулась и продолжила что-то рисовать на обратной стороне программки — у нее определенно не было настроения разговаривать.

Чуть дальше Генри увидел увлеченно беседующую пару, которую мало кто считал бы подходящей, — Рейчел Филд и Хорас Барри. Рейчел держалась более непринужденно и что-то оживленно рассказывала. На ее щеках играл румянец. Наверное, говорит о кошках, подумал Генри.

Снизу донеслись громкие мужские голоса, Генри обернулся и увидел Патрика Уолша в компании Майкла Хили. Оба были явно в приподнятом настроении. Генри предположил, что они вместе обедали. Начали прибывать остальные приглашенные, и эти двое прошли мимо, не обратив внимания на Генри.

Патрик подошел к блондинке с рекламного плаката, принимавшей гостей, и сказал:

— Послушай, милая, у нас нет приглашений, и мы не будем притворяться, что они у нас есть. Но ты же хорошая девочка с добрым сердцем. Не пожалеешь ли парочку несчастных, которые даже не пытались тебя обмануть? А я могу заверить, что если ты нас непустишь, то мы все равно вломимся сюда, Бог свидетель.

Блондинка воскликнула в восторге:

— О, мистер Уолш... Каанечно, мистер Найт будет в ваасторге... и мистер Хили... мы бы п'слаали вам приглашение, но мы и не мечтали, что вы придете...

— А вы новенькая, — произнес Майкл слегка нетрезвым голосом, — я бы сказал, что Николас на удивление хорошо умеет подбирать девушек. Как вас зовут?

— Эльвира.

— Когда-нибудь думали о том, чтобы попробовать себя в качестве модели, Эльвира? Вы могли бы мне пригодиться.

— Ой, мистер Хили! — взвизгнула блондинка.

— Выпьем после шоу и все обсудим.

Они с Патриком прошли в зал. Генри увидел, как Тереза резко подняла голову. Она не ожидала увидеть здесь Майкла и наблюдала за тем, как он приближался к команде «Стиля», с болью во взгляде.

Генри решил, что пришло его время, хотя он и не слишком этого желал. Он обратился к блондинке, встретившей его теплой улыбкой.

— О, инспектор Тиббет... все верно... Мисс Конноли зваанила... Все в паарядке... Ваше место рядом с гаастями из «Стиля»... Паазвольте ваше пальто.

Генри передал ей свой плащ и с мрачным видом медленно пересек салон. Ему предстояло принести этим людям худшие из возможных новостей, но выбора не было. Что же до его собственных чувств, то ему казалось, что он лишился способности чувствовать. Генри словно был под местным наркозом и бесстрастно наблюдал за тем, как хирург его потрошит.

Марджери отвлеклась от разговора с Патриком и, повернувшись к Генри, приветливо заметила:

— О, вот и вы, инспектор. У вас, как я вижу, появляется серьезный интерес к моде.

— Мисс Френч... — Генри говорил довольно громко, но самому ему казалось, что голос доносится откуда-то издалека. — Мисс Френч, у меня для вас плохие новости. Думаю, справедливо будет, если я расскажу об этом вам и вашим людям до официального объявления. Веронику Спенс нашли.

— Живой? — Голос Марджери дрогнул. Все замолчали. Генри почувствовал, что весь зал затаил дыхание. Почти шепотом Марджери переспросила: — Живой?

— Нет, — ответил Генри.

Бет издала звук, похожий на всхлип. Последовал момент ужасной, полной тишины, а затем все разом начали задавать вопросы. Генри поднял руку и сказал:

— Пожалуйста. Я расскажу вам все, что знаю, но это не так много. Я получил сообщение сегодня во время обеда, и у меня не было времени, чтобы что-то уточнить. Как многие из вас знают, для меня это особенно болезненно, поскольку Вероника была моей племянницей.

Кто-то пробормотал слова сочувствия. Весь зал в нетерпении слушал слова Генри, и даже Николас Найт нарушил неписанный закон, гласящий, что модельер не должен появляться в зале до конца показа. Он чуть ли не бегом вышел из-за черных занавесей и пробежал по подиуму, чтобы присоединиться к собравшимся вокруг Генри.

Инспектор продолжал:

— Новости сообщили по телефону — полиция Эссекса связалась со Скотленд-Ярдом. Ее нашли в стоге сена неподалеку от Хоктона, она была задушена. Коллеги из Эссекса считают, что сначала ей что-то подсыпали в еду или питье, чтобы она не оказала сопротивления.

— Эссекс? — нарушил тишину высокий голос Николаса Найта. — Как она там оказалась?

— Место, где ее нашли, — продолжил Генри, — всего в нескольких милях от дома родителей Доналда Маккея.

— Доналд... — начал Патрик и тут же осекся. — Смотрите, инспектор... Он провел выходные в деревне. Вышло так, что я в курсе.

— Я тоже.

— И сегодня он не пришел на работу. Я решил, что он заболел. Господи... этот ублюдок — убийца. Вы его поймали?

— Пока нет, — ответил Генри, — но скоро поймаем.

— Но как... как он это сделал? — поинтересовалась Тереза.

— Я решил, — начал Генри, — что раз каждый из вас в какой-то момент находился под подозрением, то мне следует рассказать вам подробности дела. Единственная хорошая новость в том, что теперь мы знаем правду и все могут расслабиться и вернуться к работе. — Все продолжали молчать, Генри продолжил: — Организовать убийство Вероники было проще простого. Как многие из вас знают, Доналд готовился отвезти ее в Порчестер на выходные, но ему пришлось изменить планы из-за болезни матери. Болезнь действительно имела место, и сначала он подумал, что все его планы рухнут, но потом понял, что может повернуть дело с меньшим риском. Доналд действительно поехал в Хоктон в пятницу вечером. Но он выскользнул из дома, когда его родители заснули, и вернулся в Лондон на взятой напрокат машине. Тем временем его сообщница отправила Веронике телеграмму якобы от него, в которой сообщалось, что он все-таки сможет вырваться, и назначалась встреча на вокзале Ватерлоо.

Бет тихонько переспросила:

— Вы сказали... сообщница, инспектор?

— Да, мисс Конноли, — посмотрел ей в глаза Генри, — сообщница, которая, разумеется, не знала, что она делает. Надеюсь, теперь она это поняла.

— Что случилось потом? — нетерпеливо спросила Марджери Френч, несколько возмущенная тем, что рассказ инспектора прервали.

— Вероника пришла на назначенную встречу с Доналдом. Выйдя из здания вокзала, он, я думаю, предложил ей выпить кофе и подсыпал наркотик в чашку. Затем он быстро отвел ее в машину, где она потеряла сознание. Он поехал в отдаленный уголок Эссекса, задушил Веронику и спрятал тело. Доналд мог не без оснований надеяться, что ее еще долго не найдут. Однако у полиции Эссекса возникли кое-какие подозрения... Впрочем, не могу сейчас вдаваться в детали. Маккей пошел в местный паб играть в дротики, а затем вернулся к родителям пообедать. Накануне он сказал им, что собирается встать пораньше и пойти прогуляться, и они, не сомневаясь в том, что так он и поступил, рассказали об этом полиции. Они говорили правду, утверждая, что он провел выходные у них. Они действительно в это верили.

— Должны ли мы предположить, инспектор... — послышался полный облегчения голос Майкла, — должны ли мы предположить, что Доналд Маккей убил и Хелен?

— Это кажется неизбежным выводом, мистер Хили.

— Искренне надеюсь, что вы скоро его поймаете.

— Но почто, инспектор? — впервые заговорил Хорас Барри. — Почто этот Маккей убивает сначала мисс Хелен, а потом мисс Веронику?

— В этом, — ответил Генри, — и состоит суть дела. Он умен — едва ли не слишком умен для меня. Он сам предположил, что кое-какие сведения о Хелен, сообщенные мне, были дымовой завесой, призванной скрыть другую историю, историю мужчины. Но до меня слишком медленно дошло, что этим мужчиной был сам Доналд. Он влюбился в Хелен со всем пылом молодого человека, испытывающего страсть к более зрелой женщине, но она его отвергла. Кроме того, сказала, что любит другого. Ему было легче убить ее, чем принять это. Существовали и другие причины... Мне следовало догадаться, что тот, кто направляет меня по ложному пути, руководствуется собственным опытом. Так и было. Доналд флиртовал с Вероникой только для того, чтобы скрыть от посторонних глаз свою страсть к Хелен. Вероника была умной девушкой, она быстро догадалась о деталях, касавшихся убийства Хелен, но не успела довести свои размышления до логического завершения, которое позволило бы ей вычислить убийцу. Тем не менее она оказалась достаточно неосмотрительной, чтобы, несмотря на все мои предостережения, поделиться соображениями с самим Доналдом и тем самым подписать себе смертный приговор.

— Что же она выяснила? — Неожиданно в разговор вступила Рейчел Филд. — И при чем тут мой чемодан?

— Я не могу вдаваться во все эти детали, — ответил Генри, — вы все узнаете на процессе. Я сказал вам то, что вы, по моему мнению, должны были услышать. Думаю, сейчас нам следует вернуться к показу.

Марджери Френч, вздрогнув, произнесла:

— Бедное дитя... Инспектор, я думаю, мы должны просить мистера Найта отменить показ.

— Дорогая мисс Френч, — решительно ответил Генри, — я и мысли не допускал о том, чтобы отменить показ. Это было бы чудовищной несправедливостью по отношению к мистеру Найту, и Вероника совершенно точно этого не захотела бы. Все вы знаете, насколько серьезно она относилась к работе. И давайте посмотрим правде в глаза — разве мы не знали, что надежды найти ее живой очень мало или вовсе нет? Все, что мы сейчас можем сделать, это вернуться к работе.

Невзирая на вялые возражения, Генри удалось убедить остальных в своей правоте. Николас, потрясенный случившимся, даже не пытался вернуться за сцену и остался с командой «Стиля». Блондинка-секретарша с несколькими помощниками задернула тяжелые черные шторы, закрывая доступ дневному свету, и включила направленные на подиум мощные софиты. Идея сценического освещения показов пришла в голову Найту несколько лет назад и с тех пор стала традицией дома.

Публика, все еще несколько оглушенная услышанным, расселась по местам, и из тщательно замаскированных динамиков полилась тихая музыка. Двойные двери салона закрылись, и

блондинка поднялась на сцену, где встала под розовым софитом. В руках она держала какие-то бумаги.

— Номер аадин! — объявила она. — «Парк-лейн».

Девушка по имени Рене, выглядящая столь же прекрасной, сколь и голодной, как обычно, вышла из-за занавеса, сделала изящный пируэт на сцене и семенящей походкой пошла по подиуму, через каждые несколько шагов останавливаясь, чтобы изящно повернуться, демонстрируя темно-синий весенний костюм с изумрудно-зеленой блузкой с оборками. В зале зрители открыли записные книжки, замелькали карандаши. Работа возобновилась, и трагедия Вероники Спенс отступила на второй план.

— Номер два. «Время сирени».

Юная китайка выскользнула из-за кулис и элегантно развернулась на сцене. На ней был комплект — пальто и костюм, сшитые из сиреневого бархата, в сочетании с огромной белой шляпой. Зал заплодировал. Быстрым, уверенным движением она сбросила пальто, демонстрируя костюм, и пошла по подиуму, волоча красивое пальто из шелкового бархата по цветочной пылице.

— Номер три. «Жженный сахар».

Показ продолжался. Генри помимо воли увлеченно наблюдал за тем, как костюмы и пальто сменились весенними платьями. Взглянув на часы, он удивился, как быстро прошло время. Очевидно, зрителям понравилась новая коллекция Николаса Найта. Атмосфера в зале постепенно потеплела, аплодисменты стали звучать чаще. Временами кое-где слышался одобрителный шепот. Николас Найт, по мнению экспертов, наконец-то добился успеха.

— Номер двадцать восемь. «Уличная девчонка».

Снова появилась Рене в платье из розового шифона с рваной линией подола, напоминающей лохмотья, — такое платье могла бы носить актриса, играющая Золушку. Зал взорвался аплодисментами. Николас Найт действительно следовал по пятам за парижскими дизайнерами. Тем не менее Генри заметил, как в полумраке Тереза наклонилась к Марджерии и что-то шепнула ей. Та кивнула, несколько помрачнев.

— Номер сорок один. «Ку-ку».

Публика уже вполне расслабилась, наслаждаясь зрелищем. Генри не ошибся. Нетрудно было почувствовать, какое облегчение принесло этим людям то, что имя преступника названо, с плеч словно упал груз подозрений, мучивший их всю неделю.

— Номер шестьдесят шесть. «Засахаренная слива».

Пришла очередь вечерних платьев. «Засахаренная слива» проплыла по подиуму в облаке тюля.

— Номер семьдесят один. «Незабудка».

На подиуме, вызвав бурю аплодисментов, появилась девушка в мерцающей голубой и серебристой ламе.

Программа подошла к концу, и софиты были приглушены в ожидании традиционного финала — свадебного платья.

— Номер семьдесят пять. «Пленительная загадка».

Из-за черных атласных штор в свете одного-единственного софита выплыла модель в чем-то, напоминающем облако ангельской белизны. На голове у нее была диадема из искусственного флердоранжа, к которой прикрепили длинную фату. Зал встретил ее овацией.

Девушка, казалось, парила в воздухе, а не шла по подиуму. Неожиданно она остановилась и резким движением отбросила фату. Все замерли — это была Вероника.

На секунду салон погрузился в абсолютную, пугающую тишину, нарушаемую только звуками «Свадебного марша» Мендельсона. В полумраке Вероника с серьезным и безмятежным лицом скользила к концу подиума.

Внезапно раздался ужасный крик:

— Не подходи ко мне!.. Убирайся!.. Уберите ее!.. Она умерла! Говорю вам, она мертва!

Генри сорвался с места и раздвинул шторы на одном из окон, зал залил солнечный свет.

Кричал Николас Найт. Он сидел, закрыв лицо руками, как будто пытаясь скрыться от Вероники, шедшей прямо к нему. Когда она грациозно спустилась с подиума и направилась к

представителям «Стиля», Николас съежился на стуле, словно был не в силах справиться с суеверным страхом, но она устремилась не к нему, а к его соседке — мисс Мэннерс. Из своего свадебного букета она внезапно вытащила бутылочку с бесцветной жидкостью и протянула Терезе.

— Я вернулась, чтобы отдать вам это, — сказала она. — Это мисс Пэнкгерст просила вас привезти из Парижа. Разумеется, мисс Филд может сообщить вам больше. Она рассказывала мне, когда я помогала ей собрать вещи в отеле «Крийон».

Никто, кроме Генри, не был готов к тому, что за этим последовало. Николас Найт вскочил и набросился на Рейчел Филд в припадке ярости.

— Ты соврала мне, дрянь! — кричал он. — Я думал, ты ее убила... а ты все время работала на них... ты обманула меня... ты... — Задыхаясь от ярости, он повернулся к Генри: — Вот ваш убийца! Эта женщина убила Хелен Пэнкгерст! Я могу доказать! Я могу...

Рейчел Филд встала. Она была совершенно спокойна и смотрела на Николаса с бесконечным презрением и любовью в одно и то же время.

— Какой же ты дурак, Ники, — бросила она, — неужели с самого начала не понял, что это просто ловушка для нас?

Прежде чем Николас что-либо ответил, двери салона открылись, и его заполнили люди в темно-синей форме.

Генри произнес:

— Рейчел Филд и Николас Филд, также известный как Николас Найт, вы арестованы по обвинению в преднамеренном убийстве Хелен Пэнкгерст. Все, что вы скажете, может быть...

Рейчел не дала договорить, она как тигрица бросилась на Генри.

— Это я! — закричала она. — Не трогайте Ники! Он не имеет к этому отношения! Это все я...

Две женщины-полицейские с трудом оттащили ее. Николас истерически рыдал, пока его вели вниз к полицейской машине.

— Дядя Генри, какой ужас! — воскликнула Вероника. Внезапно утратив все свое спокойствие, она бросилась ему на шею и разрыдалась.

Генри похлопал ее по спине:

— Успокойся, Ронни, все закончилось. Ты молодец, я горжусь тобой.

В этот момент из-за кулис вышел Доналд Маккей, казавшийся бледным и невероятно усталым. Генри аккуратно снял руки Вероники со своей шеи и передал ее Доналду.

— Думаю, — широко улыбнулся он, — вы справитесь лучше, чем я. Советую вам дать ей выплакаться, а потом позволить выпить чего-нибудь покрепче.

— Будет сделано, сэр, — ответил Доналд. Вероника не протестовала. Она просто вцепилась в Доналда еще крепче, когда он взял ее на руки вместе со всем флердоранжем и вынес из салона на руках.

Генри повернулся к Майклу с Терезой, сидевшим в молчании и державшимся за руки.

— Вы можете идти домой, — сказал он, — вам больше не о чем беспокоиться.

— Но... — начала Тереза.

— О, я совсем забыл. У Эльвиры есть для вас кое-что. Эльвира!

Блондинка подошла к ним, улыбаясь так, будто ничего не произошло. В руках у нее был большой конверт с надписью «Фотографии. Обращаться с осторожностью».

— Эльвира считает, что все они здесь, — произнес Генри. — На будущее я бы следовал этой рекомендации и был с ними более осторожен. — Он передал конверт Майклу. — А теперь, если мисс Френч не против, я бы предложил вам обоим пойти домой. Вам есть о чем поговорить.

Тереза поднялась со своего места.

— Не знаю, как вас благодарить, — сказала она. — Пошли, Майк. Домой.

Майкл без сопротивления последовал за ней к выходу.

Генри неловко забрался на сцену.

— Эльвира, нам не помешает побольше света, — произнес он.

Эльвира медленно раздвинула все шторы. Генри обратился к зрителям, которые только начинали приходить в себя:

— Леди и джентльмены! Я не знаю, как извиниться перед вами за столь неприятную мистификацию. Могу лишь просить вас поверить, что это был единственный способ заставить двух

преступников ответить перед законом. Думаю, мне не надо вам объяснять, что история, которую я рассказал о Доналде Маккее, не имеет никакого отношения к реальности. Он не только совершенно невиновен, но и очень помог расследованию. Как и другие сотрудники «Стиля». — Он улыбнулся Марджери. — Не говоря уж о моей приятельнице Эльвире, которая помогла расследованию за чашечку кофе.

Эльвира жеманно улыбнулась:

— Я в ваасторге, инспектор.

Глава 15

Генри добрался домой только в одиннадцатом часу вечера, но, несмотря на это, во всех комнатах горел свет. Эмми разносила напитки в честь двух радостных событий: возвращения Вероники и ее помолвки с Доналдом Маккеем. Все были в приподнятом настроении, и Генри не без труда смог придать голосу достаточно строгости, когда сказал Веронике и Доналду:

— Надеюсь, вам обоим достаточно стыдно.

— Стыдно?! — воскликнула Вероника. — Мне это нравится! Ты бы никогда их не поймал, если бы не мы, и прекрасно это знаешь. — Она запрыгнула на диван и объявила: — «Модель раскрывает убийство! 'Мы были сбиты с толку', — признал инспектор Тиббет из Скотленд-Ярда».

— Мы не были сбиты с толку, — возразил Генри, несколько уязвленный. — Признаю, твой дурацкий план в итоге оказался довольно эффективным, но только когда подключился я. Бог знает, что могло бы случиться, если бы...

— Генри, — мягко, но не терпящим возражений тоном, произнесла Эмми, — думаю, тебе стоит объяснить все нам с Джейн и Биллом, пока у нас не вскипели мозги от попыток понять самим. Ронни весь вечер болтает о парижских туалых, невидимых чернилах и очках в роговой оправе, и я никак не могу связать концы с концами. Сомневаюсь, что она сама все понимает.

— Видишь ли, — призналась Вероника, — я не знала, кто это был. В смысле, второй человек. Поэтому...

— Может быть, Ронни, — перебил ее Генри, — лучше всего будет, если ты позволишь все рассказать мне. Если я ошибусь, ты меня поправишь.

— Поправлю, не сомневайся.

— Начну с того, что я надеюсь никогда больше не иметь дела с такими людьми.

— А что с нами не так, дядя Генри? — поинтересовалась Вероника. — Мы же такие милые. А некоторые еще и умные. — Она взъерошила Доналду волосы.

— В том-то и дело, — отозвался Генри, взяв стакан и присев. — Не знаю, с чего начать. Наверное, лучше всего с романа Хелен и Годфри Горинга.

— Мистера Горинга? — Вероника выпрямилась и удивленно распахнула глаза. — Но... я думала, это был Майкл...

— Так думали почти все, — произнес Генри, — кроме тех, кто имел к этому отношение. Я быстро понял, что существовал какой-то заговор между Марджери Френч, Терезой, Горингом, самим Майклом и, возможно, Патриком. Все они хотели сбить меня с толку.

— Дядюшка не в состоянии сбить кого-то с толку, — насмешливо заметила Вероника.

— Я тоже пришел к этому выводу, — согласился Генри, — он не участвовал в заговоре. Хелен знала его слишком хорошо, чтобы сообщить правду. Патрик был ее старым и дорогим другом, и ей очень хотелось ему все рассказать, но она не могла быть уверена, что он будет держать рот на замке, так что описала ему ситуацию, не называя имени человека, которого любила. Дядюшка был одним из немногих, кто поверил в то, что у Хелен был роман с Майклом.

— А я все время думал, что это может быть Горинг, — заметил Доналд.

— Врешь! — проворковала Вероника. — Тебе это и в голову не приходило.

— На самом деле, — продолжил Генри, — это был самый очевидный ответ. Их роман продолжался довольно долго. Он нашел в ней все, чего не доставало его жене: деловую хватку, собранность, аккуратность, ум. Но к сожалению, Лорна Горинг обладала тем, чего не было у

Хелен, — деньгами. Разумеется, это ее капитал был в свое время вложен в «Стиль», хотя официально она и не значилась среди акционеров. Горинг не смел уйти от нее. Более того, она страстная и ревнивая женщина, она обожает его. Он не мог позволить ей узнать, что испытывает какие-то чувства к одной из своих сотрудниц.

Думаю, я должен сказать, чтобы отдать им должное, что и Хелен, и Горинг вели себя более чем достойно. Они не вступили в связь в обычном смысле этого слова. Они любили друг друга и надеялись пожениться, как только журнал достигнет финансовой стабильности. Рабочую неделю Горинг проводил в Лондоне — как, по словам Лорны, и некоторые выходные, — а по вечерам они с Хелен встречались в его городском доме.

Все было хорошо до тех пор, пока в квартиру Хелен не вселилась Олвен Пайпер. Я был удивлен, что Хелен дала на это согласие, но потом вспомнил, что Горинг в это время надолго уехал в Америку, а мисс Пайпер планировала пожить у Хелен недолго. Тем не менее вышло так, что Олвен прочно закрепилась в квартире, а Хелен, по словам Терезы, была слишком добросердечна, чтобы ее выставить. И все же Хелен поняла, что ей нужно как-то объяснять свое частое отсутствие по вечерам. Они с Горингом обсудили это и обратились за помощью к Майклу с Терезой. Могу сказать, что они давние друзья Горинга и единственные, кто знал о его романе с Хелен.

Майкл и Тереза сразу согласились прикрывать Хелен — она могла говорить, что ужинает у них, и так далее. Чего никто не мог ожидать, так это того, что Олвен начнет бешено ревновать Хелен к Майклу. Когда Олвен случайно узнала, что Хелен не ужинала с четой Хили, хотя это утверждала, она тут же пришла к заключению, что Хелен и Майкл — любовники, и попыталась положить этому конец, распространяя слухи. Супруги Хили, Хелен и Горинг оказались в крайне неудобном положении, но решили не обращать на это внимания. Правда о романе Хелен и Горинга должна была во что бы то ни стало оставаться тайной ради будущего журнала. У Майкла репутация ловеласа — ну и ладно, пусть все думают, что Хелен еще одна его победа. На самом деле Майкл и Тереза сказали мне, что воспринимали все это как шутку. Поначалу.

Но потом произошло нечто серьезное. Пару месяцев назад Горинг начал беспокоиться по поводу своего здоровья. Он сказал об этом Хелен, но не хотел идти к своему врачу, поскольку тогда Лорна обо всем узнала бы. Хелен, более ясно представлявшая, в чем может состоять проблема, в конце концов убедила его обратиться к специалисту-онкологу. Они пришли к нему вместе, назвавшись мистером и миссис Чарлз Доджсон.

— Странное имя они выбрали, — заметила Эмми, — и все-таки кое-что в этом есть. Кажется, так звали...

— Да, это была шутка, которая, видимо, им обоим понравилась, — сказал Генри. — В том, что касалось романа с Хелен, Горинг скрывался под маской Майкла Хили. Разумеется, они не хотели сообщать врачу имя Майкла, так что выбрали другого знаменитого фотографа.

— Чарлз Доджсон? — наморщила носик Вероника. — Никогда не слышала о таком. Для какого журнала он работает? Если он настолько известный, наверное, моему агенту стоит с ним связаться...

Генри улыбнулся:

— Он давно умер. Он был одним из первых фотографов, но более известен он под псевдонимом Льюис Кэрролл.

— «Алиса в Стране чудес»?

— Верно.

— Господи, ну у тебя и голова, дядя Генри! — восхитилась Вероника. — Как ты все это выяснил?

— Я нашел врача, и он сообщил мне диагноз. Горинг умирает от рака, ему осталось не больше года жизни. По просьбе Хелен врач сказал Горингу, что у него язва желудка и ему следует сесть на диету.

— Но как ты догадался, что это мистер Горинг?

— Должен признаться, — сказал Генри, — что, когда я услышал фамилию «Доджсон», то начал сомневаться. Она так ясно указывала на Майкла.

— Тогда почему ты решил, что это не он? — спросила Эмми.

— Отчасти потому, что я довольно упрям, — ответил Генри. — Когда все пытаются меня в чем-то убедить, я начинаю подозревать неладное. И Доналд подтвердил мои подозрения, сказав, что история с Майклом — фальшивка. Разумеется, когда Хелен была убита, стало вдвойне важно оградить Горинга от скандала, так что заговорщики поднялись на борьбу со мной. Конечно, им было неприятно жертвовать Майклом, но это было лучше, чем допустить закрытие журнала.

— И это единственная причина, по которой ты решил, что это не Майкл? — удивилась Вероника. — Только из-за собственного упрямства?

— Не только, — сказал Генри, — у меня была куда более серьезная причина так думать — реакция Майкла на мои слова о том, что Хелен беременна.

— Беременна! Правда?

— Нет. Но тогда я думал, что это так. Я сообщил об этом Майклу, и он был потрясен. Он всегда думал — и совершенно правильно, — что Хелен и Горинг не стали любовниками в буквальном смысле. Но когда я обрушил на него этот факт и обвинил в том, что отец ребенка он — что ему оставалось делать? Он вынужден был придерживаться имеющейся версии. Он со всем согласился. А потом я узнал, что Хелен была девственницей.

Единственным объяснением странного поведения Майкла могло быть то, что он пытался кого-то прикрыть. Но кого? Ответ стал очевидным после того, как я узнал, что врач посадил «мистера Доджсона» на диету. Как вы знаете, это означает легкую пищу и никакого алкоголя. Единственным человеком, строго придерживавшимся такой диеты, в вашем кругу был Горинг. Он также подходил под описание, поскольку имел богатую жену. Кроме того, после смерти Хелен он был невероятно расстроен и изо всех сил пытался убедить меня не верить ни одному слову Майкла. Он был убежден, что Майкл должен придерживаться легенды до конца, но боялся, что под давлением обстоятельств может сломаться и рассказать мне правду.

— Мне так жаль мистера Горинга, — серьезно проговорила Вероника. — Что же теперь с ним будет?

— Его жена, — ответил Генри, — не настолько глупа и бесчувственна, как многие думают, и она очень предана ему. Ее тоже весьма беспокоило его здоровье, кроме того, она подозревала о его романе с Хелен. Как только я упомянул в разговоре с ней врача, она предприняла все усилия, чтобы узнать его имя. Когда она принялась настаивать, я дал ей достаточно зацепок, чтобы она могла отыскать его, если ей действительно захочется, и предупредил врача, что она может с ним связаться. Разумеется, она вскоре его нашла и сказала, кто она такая. Сэр Джеймс сообщил, что она проявила необыкновенную выдержку и здравый смысл. На следующей неделе они с мужем отправляются в кругосветное путешествие. Надежды на то, что ему удастся вылечиться, почти нет, но, во всяком случае, она будет за ним ухаживать.

— Все это очень увлекательно, — заметила Эмми, — но не приводит нас ни к убийству, ни к невидимым чернилам, ни к...

— ...ни ко мне, — встряла Вероника. — Давай, дядя Генри, переходи к этому.

— Сожалею, — сказал Генри, — но я должен был сначала вам все это рассказать, чтобы вы поняли то, о чем пойдет речь дальше. Обе эти проблемы на самом деле связаны. Не стояло вопроса о том, как была убита Хелен. Вопрос был в том, почему. Для начала я исключил возможность самоубийства. — Он быстро перечислил те же аргументы, которые приводил в разговоре с Горингом. — Итак, Хелен была убита. И с этой точки зрения чемодан Рейчел Филд представлял большой интерес, чем труп Хелен. Кто-то в лихорадочной спешке рылся в этом чемодане, выбрасывая все из него на пол. Нашел ли он то, что искал? Пропало ли что-нибудь? Казалось, нет. У меня не было никаких догадок до самых похорон Хелен, когда миссис Седж начала говорить о...

— ...об оберточной бумаге! — торжествующе воскликнула Вероника.

— Ты испортила весь мой рассказ, — сказал Генри.

— Я ничего не понимаю, Генри. — Сестра Эмми, Джейн, впервые за вечер робко вступила в разговор. — Все используют оберточную бумагу.

— Верно, — ответил Генри, — кроме некоторых юных хулиганок, возможно. — Он покосился на Веронику. — Но, разумеется, такая щепетильная особа, как Рейчел Филд, не могла ею не пользоваться. Ронни сказала, что все в ее чемодане было аккуратно завернуто.

— Если б ты разрешил мне взглянуть, я бы тут же тебе сказала, — отозвалась Вероника, — ее номер в Париже был буквально завален оберточной бумагой.

— А на следующий день в кабинете Хелен не было ни кусочка, — продолжил Генри, — это звучит дико, но, по всей видимости, кто-то убил Хелен, чтобы завладеть оберточной бумагой из чемодана Рейчел Филд, причем она сама должна была иметь к этому отношение, поскольку даже не намекнула на ее отсутствие. Потом произошло вот что: на пустом листе проступила загадочная надпись, и я вспомнил, как Эмми шила юбку.

— Ты говоришь загадками, Генри, — сурово произнесла Джейн. Ее муж — фермер Билл — давно заснул на диване и сейчас издал могучий храп, как бы поддерживая жену.

— Я уже начал понимать, — продолжил Генри, — кое-что в моде. Узнал, что туалы — точные копии моделей, сделанные из дешевого хлопка, — можно купить в модных домах за огромные деньги. Кроме того, я узнал, что некоторые производители готовой одежды и модельеры — в особенности Николас Найт — устроили скандал, выпустив копии, сделанные с туалей, никогда не покидавших Парижа. Но еще мне было известно, что, по мнению экспертов, незаконно вынести их из парижского ателье невозможно. И все-таки это было сделано. Я спросил себя: что можно вынести из мастерской, не вызывая подозрений? И пришел к очевидному заключению — оберточную бумагу. Тут я вспомнил, как Эмми кроила юбку по бумажной выкройке, и передо мной забрезжил свет.

— Ну-ка, постой, Генри, — вмешалась Эмми, — я не детектив, но кое-что в шитье понимаю. Ты хочешь сказать, что кто-то вырезал из бумаги выкройку туалы, поставил на нее все нужные отметки, а потом просто вышел из ателье с ней в руках, сказав просто: «Да это так, просто какая-то старая бумага завернуть кое-что». Да ладно.

Вероника в нетерпении подпрыгивала на диване:

— Тетя Эмми, разве ты не поняла?

— Замолчи, Ронни, — перебил ее Генри, — помолчи минутку. Нет, Эмми, я не это хочу сказать. Туалы покидали мастерские под видом чистых целых листов новой оберточной бумаги без каких-либо отметок. На самом деле в эту бумагу заворачивали одежду, которую выносили из ателье, чтобы сфотографировать для «Стиля».

Эмми хлопнула себя по лбу:

— Конечно! Что же я за дура. Невидимые чернила!

— Наконец-то! — воскликнула Вероника. — И знаешь, я сама их покупала.

— Ты? Не говори мне, что ты...

— Нет-нет. Я покупала их по просьбе Терезы для Хелен.

— Ронни! — сурово одернул ее Генри. — Молчи, пока тебя не спросили. — Вероника хихикнула, Генри продолжал: — Метод, таким образом, был прост и изящен и требовал помощи только одного человека в каждом доме моды. Пока доказан только случай с Монье — девушка под каким-либо предлогом оставалась работать допоздна и обводила части туалей невидимыми чернилами на белой оберточной бумаге, снабжая их необходимыми пояснениями. Затем она незаметно помечала листы и убирала их. Как нам известно, за получение платьев для фотосъемки отвечала Рейчел Филд. Каждый предмет одежды был упакован в ничем не примечательную оберточную бумагу. Для Рейчел не составляло труда отправлять их обратно завернутыми в другую, обычную бумагу и сохранить помеченные листы, чтобы потом вернуть в них собственные вещи. Оказавшись дома, она отправляла их Николасу Найту, которому оставалось лишь нагреть их, и вот пожалуйста — его «парижские модели» готовы. Разумеется, каждый сезон он мог ожидать всего несколько туалей. Остальные копии он, как и говорил, делал на глаз, по фотографиям. И тут нам придется несколько отвлечься.

Было очевидно, что Найт получает снимки нарядов из парижских коллекций задолго до их официальной публикации. Но откуда? Как только я увидел у него на столе фото Ронни на Эйфелевой башне, то понял, что получает он их из «Стиля». Майкл Хили накануне сам печатал фотографии, отослав домой помощника, и он забрал с собой портфель, уходя домой из редакции. По всей видимости, Майкл и снабжал Найта незаконными снимками. Я подумал, что он вряд ли стал бы делать это по собственному желанию, и вспомнил несколько особенно гнусных намеков, которые делал Николас насчет него.

В конце концов я пошел к Майклу и прямо заговорил с ним об этом. Он был уже на пределе и рассказал мне правду. Однажды, много лет назад, он оказался замешан в неприятный скандал с компанией гомосексуалистов. Найт знал об этом и угрожал выдать его Горингу — не говоря уж о Терезе — в случае, если Майкл не будет снабжать его фотографиями. Я убедил Майкла позволить мне рассказать обо всем Терезе, и она восприняла это очень достойно, и еще я выразил мнение, что ему не придется больше беспокоиться из-за Найта. Также мне удалось добыть из кабинета Найта снимки моделей этого сезона.

— Ясно, — сказала Эмми. — У меня голова идет кругом, но я пока понимаю, что ты говоришь. Тем не менее ты не объяснил, почему убили Хелен и кто украл оберточную бумагу...

— Никто ее не воровал, — ответил Генри, — ее забрал сам владелец...

— Опять загадки, — недовольно заметила Джейн.

— И вновь, — произнес Генри, — нам придется отвлечься. На этот раз мы поговорим о бальном платье герцогини Бейсингстокской, которое, как признал Найт, не могло быть скопировано с фотографии. Произошел скандал, и Найт — человек очень нервный — забеспокоился. Самое трагичное в этом то, что, как он говорит, и я ему верю, нынешний сезон должен был стать последним, когда они с Рейчел копировали парижские модели. Он достаточно хорош сам по себе, и его сегодняшний показ прошел триумфально. Он бесконечно талантливый молодой человек, но ему хотелось добиться успеха как можно быстрее.

— Чего я до сих пор не могу понять, — вступил в разговор Доналд, — так это какая связь между ним и Рейчел Филд.

— Это меня тоже озадачило, — признался Генри. — Но я вспомнил кое-что и понял, что Найт лгал, когда говорил, что не встречал ее до той вечеринки у Горинга. Все подтвердили, что он весь вечер не подходил к ней, до тех пор пока в самом конце вечеринки — по словам Барри — не предложил Барри уехать и не сказал, что возьмет с собой и мисс Филд, поскольку та живет в том же направлении. Итак, он знал ее, знал, где она живет, но отрицал это. Почему? Тогда я вспомнил один момент из нашего с ним разговора. Я сказал, что собираюсь все узнать об отношениях между разными людьми, и он едва не упал в обморок от страха. Тогда мне неожиданно пришла в голову мысль, что они могут оказаться братом и сестрой. Я послал человека проверить записи в Сомерсет-Хаусе, и да, Николас Найт несколько лет назад сменил имя. На самом деле его звали Николас Филд.

Генри помолчал, потом продолжил:

— Сейчас я знаю об этом больше, я говорил с ними обоими. Они родились в семье служащих, живших в бедности, но сохранявших достоинство, — хуже и быть не может. Рейчел на восемь лет старше брата, она заботилась о нем, с тех пор как их родители умерли, когда ей было шестнадцать, а Николасу восемь. Она поддерживала его, вырастила, дала образование и боготворила его. Когда стало ясно, что его дарование лежит в области дизайна одежды, она отправила его в художественное училище. Она устроилась на работу в «Стиль», чтобы быть ближе к тому, что интересовало его. Со временем она становилась все более и более привержена одной цели — у него должен быть свой салон. Салон должен быть самым изысканным в Лондоне. Николас должен сделать себе имя. Он был с ней согласен, но знал, что на это потребуются годы работы. Когда Рейчел предложила способ вывозить из Парижа туалы, он сразу согласился. Разумеется, придется скрыть их родственную связь, так что Николас сменил имя, и они виделись довольно редко. Рейчел предоставила ему стартовый капитал, а парижские модели и собственный талант Найта довершили остальное. Он подписал контракт с «Барримода», и успех, казалось, был уже близок... Но тут все пошло не так.

— Что пошло не так? — спросила Эмми.

— В первую очередь слухи и платье герцогини. Потом Годфри Горинг, который хотел положить конец слухам и догадался, что именно происходит. Он не мог решить проблему сам, поэтому прибежал к помощи Хелен. Она, в свою очередь, обратилась к Патрику — художнику и художественному редактору, — который знал о чернилах намного больше ее. Письмо, которое я нашел на ее столе, было адресовано не портнихе, как я заключил вначале, а Горингу. К нему был прикреплен листок с надписью, сделанной чернилами, которые проявляются только под воздействием тепла. Хелен писала, что эти чернила не совсем такие, как те, которые продаются в Париже, но она попросила Терезу привезти ей образец.

— Вот его-то я и купила, — выпалила Вероника, — принесла бутылочку в гостиницу, отдала мисс Мэннерс, и...

— ...и она исчезла из ее чемодана, — закончил сразу Генри. — Разумеется, Хелен, зная, что бутылочка там, забрала ее и поставила на свой стол. Это и определило ее судьбу. А еще то, что она нечаянно открыла чемодан Рейчел, несколько свертков оттуда выпало, а потом она включила электрический обогреватель.

— Генри! Помедленнее, прошу тебя, — взмолилась Эмми.

— Ну ладно. Вернемся на вечеринку Горинга. Патрик выпил слишком много лишнего. Он терпеть не может Найта и начинает оскорблять его, не понимая толком, что говорит. Он произносит что-то вроде «мы с Хелен знаем о твоих проделках» или другие подобные обвинения. Найт заволновался. Высадив Барри, они долго и серьезно беседуют с Рейчел. Найт требует отдать ему бумагу, чтобы он мог ее сжечь, поскольку это слишком опасно. Она вынуждена признать, что бумага все еще в ее чемодане в редакции... в кабинете Хелен. Найт настаивает, что она должна пойти и забрать чемодан. В конце концов, в этом нет ничего подозрительного. Она может просто сказать Хелен, что пришла за своим чемоданом. Они едут на Эрл-стрит, Рейчел входит в здание редакции, открыв дверь своим ключом. Николас возвращается к себе.

В здании тихо и темно, если не считать света в кабинете Хелен и стука ее пишущей машинки. Олвен только что ушла. Хелен слишком погружена в работу, чтобы обращать внимание на посторонние звуки. Если она и услышала звук лифта, то скорее всего подумала об Олвен. Рейчел подходит к двери кабинета и останавливается как вкопанная. Она видит свой чемодан. Он открыт, свертки в оберточной бумаге выпали из него на пол, на них проступают отметки из-за жара обогревателя. А на столе Хелен стоит бутылочка невидимых чернил из Парижа. Лично я сомневаюсь в том, что Хелен тогда могла заметить произошедшие с бумагой изменения, но утром она бы их точно увидела. Рейчел понимает, что игра окончена. Годы трудов, обмана, все хитроумные планы, призванные сделать Николаса Найта знаменитым... Неужели теперь они должны закончиться тюрьмой и позором? Тогда, думаю, ей и пришла в голову мысль о термосе и цианиде. Она тенью проскользнула по коридору, подсыпала яд в чай, стерла отпечатки пальцев и спустилась по лестнице. Скорее всего после этого она позвонила Найту из будки позади здания.

Он должен был следить из окна своей спальни за кабинетом Хелен. Как только та умрет, ему следовало перейти через улицу, открыть дверь здания ключом, который передаст ему Рейчел, и забрать бумагу и чернила. Затем ему следовало выбросить ключ, поскольку возвращать его было слишком опасно. Рейчел планировала сообщить о потере ключа позже, когда шум уляжется.

Надо отдать Николасу должное: он сделал все, как ему сказали. Полагаю, он был в жутком состоянии. Не могу его обвинять — даже для более уравновешенного человека ограбить комнату, где лежит тело человека, в чьем убийстве ты принимал участие и за чьей смертью ты только что наблюдал, было бы тяжким испытанием. Ничего удивительного, что он просто вытащил бумагу из чемодана, а все остальное оставил валяться на полу. Тем не менее такая перфекционистка, как Рейчел, не могла не рассердиться на следующий день, когда увидела, насколько плохо он справился с заданием. Он привлек внимание к ее чемодану. Если бы он все сложил обратно и закрыл его, мы бы никогда не узнали правду.

— Откуда ты все это знаешь, дядя Генри? — решительно спросила Вероника. — Они дали показания?

— Они рассказали детали, — ответил Генри, — но в общих чертах я представлял себе ситуацию и раньше. Рейчел выдала себя.

— Как?

— Ей не повезло, — пояснил Генри, — что Бет так скоро понадобился ключ. Не имея возможности предъявить его, она была вынуждена признать, что он пропал, и утверждала, что не заметила пропажи. Но она держала его на том же кольце, что и ключи от дома. Он был большим и тяжелым, я не мог поверить, что она не заметила его отсутствия сразу же. Потом она расстроилась, когда я сказал ей, что убийца вернулся в здание, чтобы обыскать ее чемодан. Она прекрасно знала, что в ее чемодане рылись, она видела это, и тогда единственным ее чувством был гнев. Но когда я заговорил об этом во второй раз, она испугалась, поскольку теперь я утверждал, что знаю: убийца был вынужден вернуться в редакцию. К тому моменту я уже близко подобрался к ней, и она это понимала. Главная моя проблема заключалась в отсутствии

доказательств. Выкройки и чернила были уничтожены. Все, что я мог представить на суде, не выдержало бы никакой критики. Именно в этот момент моя очаровательная, но безмозглáя племянница решила взяться за дело. — Он поклонился Веронике. — Не желаешь ли продолжить?

— Никакая я не безмозглáя, — возразила та. — Я бы сказала, невероятно сообразительная. В общем, я купила эти чернила в Париже... Мисс Мэннерс не знала, зачем это нужно и как важно, иначе бы она и близко к ним не подпустила такую растяпу, как я. Для нее это была всего лишь просьба мисс Пэнкгерст, она сама была занята, так что послала за чернилами меня. Я не думала, что это имеет какое-то отношение к убийству, пока не пришла на примерку к Николасу Найту. Там я неожиданно вспомнила, что в прошлый раз, когда участвовала в его показе после прошлой парижской недели моды, я видела, как он делал одно из своих «парижских» платьев, а рядом лежали странные бумажки с чернильными пометками. Что-то щелкнуло у меня в голове! Я хотела рассказать об этом дяде Генри, но он вел себя по-хамски и не позволил мне. Тогда я подумала: «Я ему покажу! Сделаю все сама!» Ну, вместе с Доналдом, разумеется.

— Хочешь сказать, ты втянула в это бедного мальчика? — уточнила Джейн. Вырастив четырех дочерей-красавиц, она имела кое-какой опыт.

— Ну да, я в некотором роде заставила его рискнуть, — призналась Вероника, — но ты же был не против, правда, лапочка?

Взгляд Доналда говорил, что он не против огня, воды и чего угодно, лишь бы кое-что в его жизни оставалось неизменным. Джейн вздохнула:

— Продолжай. Что ты сделала дальше?

— Ну... — Вероника склонила голову и посерьезнела. — Понимаете, я была уверена, что Найт каким-то образом в этом замешан, и знала: у него должен быть сообщник, поскольку сам он никогда не бывал в Париже. Так я и придумала этот план. Я громко говорила в его ателье, да и повсюду, что знаю его тайну. Это должно было быстро распространиться — мир моды полон сплетен. А потом я решила исчезнуть. Я подумала, что спрячусь где-нибудь, а Доналд будет наблюдать за Найтом, и сообщник просто обязан будет появиться, потому что никто из них не будет знать, куда я делась, и решит, что другой предпринял некоторые шаги.

— Более глупой идеи, — заметил Генри, — я в жизни не слышал. Тебе не приходило голову, что после твоего исчезновения Найт и его сообщник вряд ли будут встречаться, — зачем им привлекать к себе внимание? Когда я обнаружил беднягу Доналда на тротуаре у ателье Найта...

— Я заплатил торговцу десять фунтов за это, — угрюмо произнес Доналд.

— Разве он не прелесть? — проворковала Вероника. — Он ни на что не жаловался. В любом случае это сработало.

— Только, — вмешался Генри, — когда, как я уже говорил, все в свои руки взял человек, не лишенный здравого смысла. Ладно, расскажи, как ты все это провернула.

— Ну... мы собирались поехать в Порчестер, чтобы исчезнуть, но потом мама Доналда заболела, так что мы придумали план намного лучше. Он поехал в Эссекс в пятницу, чтобы, так сказать, подготовить их к удару. А я тем временем пошла и отправила сама себе телеграмму и вела себя очень подозрительно... Уверена, тот парень меня запомнил. Я не смогла бы сделать больше, даже если бы встала на голову.

— Он запомнил не твою голову, — фыркнул Генри, — а твои ноги.

— Не важно. В общем, телеграмма пришла в субботу утром, и я показала ее Нэнси. Потом я нанесла всю свою парижскую боевую раскраску, надела красное пальто, чтобы выглядеть как можно более заметно. Бьюсь об заклад, таксист меня запомнил.

— Запомнил, — согласился Генри.

— А потом, на вокзале Ватерлоо, я пошла в дамскую комнату, и, запершись в туалете, переоделась в свой старый темно-синий костюм и кроличью шапку, стерла макияж и надела потрясающие очки в роговой оправе, которые Доналд купил мне в «Вулворте».

— Так это была ты... — произнес Генри.

— Кто?

— Есть один милый пожилой джентльмен, перед которым Скотленд-Ярду следует извиниться. Он клялся, что видел тебя в метро, и в точности описал, что было на тебе надето. Но ему никто не поверил.

— Разве это не везение? — улыбнулась Вероника. — Наверное, он счел вас очень глупыми.

— Но вся эта история еще глупее, — заявил Генри. — Я, конечно, понял, что ты переоделась в туалете и исчезла по собственной воле. Ты оставила там салфетку со следами жуткой коричневой помады и подводки, которую ты, судя по всему, стерла очень тщательно. Это в сочетании со странным фактом, что все заметили, как ты туда входила, но никто не помнит, чтобы ты покинула помещение...

— Я решила, что это очень ловкий маневр. — Вероника не страдала излишней скромностью. — А потом я поехала на метро до Ливерпуль-стрит, села на поезд до Хоктона и провела прекрасные выходные с родителями Доналда, они просто прелесть...

— А когда поднялся весь этот шум...

— ...они не узнали меня, — весело призналась Вероника, — да и как меня было узнать по тем жутким фото из «Стиля», которые везде напечатали? Разумеется, я старалась, чтобы они поменьше читали газеты. Думаю, они заподозрили что-то, только когда ты позвонил.

— Позвонил? — изумилась Джейн. — Хочешь сказать, ты знал, что она там, Генри?

— Я уже сказал, как я это понял, — отозвался Генри. — Я знал, что она спланировала побег. Где она могла еще быть?

— Дядя Генри был в ярости, — продолжила Вероника. — Я думала, телефон вот-вот взорвется. Ну да ладно. Потом приехали милые полицейские из Челмсфорда и тайно повезли меня в Лондон. Мы позвонили дяде Генри в Скотленд-Ярд, чтобы сказать, что скоро будем. Я лежала под ковриком на полу, сирена завывала — это было потрясающе.

Когда мы добрались до Скотленд-Ярда, дядя Генри спросил, не знаю ли я Эльвиру из салона Николаса Найта. Разумеется, я ее знала. Он сказал, что связался с ней, и она была готова тайком провести меня по лестнице, которая ведет наверх из «Оранжереи». Еще он дал мне бутылочку с чернилами, чтобы я спрятала ее в букете. А потом он объяснил, что я должна делать и говорить... И... ну, вот так.

— На последнем этапе мне помогли многие, — сказал Генри. — Эльвира просто молодец, и Марджери Френч сделала так, чтобы вся команда «Стиля» собралась в салоне заранее, она взяла с собой Рейчел Филд, что необычно — секретарь обычно не ходит на показы. Я не ожидал увидеть Майкла и Патрика, но, по всей видимости, Марджери упростила Патрика пойти с ней в качестве поддержки, а он обедал с Майклом. Так мы и поставили наш маленький спектакль, и, как я надеялся, это оказалось чересчур для нервов Найта. Что было бы, имей мы дело с двумя людьми вроде Рейчел, я не хочу и...

Генри обернулся, внезапно ощутив, что утратил внимание аудитории. Доналд целовал Веронику со страстью, свидетельствующей о том, что в ближайшее время их вряд ли заинтересует что-то другое. Остальные просто спали.

— Ну и ладно, — сказал он, — я тоже пошел спать.

КНИЖКА НА НАУЧНИЦИТЕ ИЛИ НАЧИНА

В тази книга ще откриете интересни и
неочаквани факти за Палеолита, разгледайки
една интересна част от развитието
човешкия вид. Ще разберете как
живели в Палеолита хората във всички
части на свят и как се различавали в
различни райони на същия континент
и в различни времена!

Палеолитът е най-дълго продължаващ
периодът, отразяващ времето, в
което живели на Земята хора
и във всички континенти. Палеолит
заключва в себе си всички
геологически епохи от еоцен
до началото на епохата на
човекът. Палеолитът е най-
дълго продължаващ период от време в
историята на човешкия вид. Палеолитът
заключва!

**Детската библиотека на
научниците и начинаещите
специалисти на
геологическата служба на
България**

www.geol.bg

